

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Научно-
публицистический
журнал

Учредитель и издатель:
федеральное
государственное
бюджетное
образовательное
учреждение высшего
профессионального
образования
«Мордовский
государственный
университет
им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Периодическое
печатное издание

Выходит 1 раз
в квартал

2/2015
(№ 91)

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические проблемы регионоведения

- 5 **Р. Ю. Федоров.** Генезис и современное состояние цивилизационных ландшафтов Западной Сибири
- 14 **К. А. Чернышев.** Типология депрессивных регионов в социально-экономических исследованиях

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 21 **В. Г. Шведов, А. Б. Голубь, Е. В. Стельмах, В. В. Шведова.** Динамика взаимоотношений иудаизма и власти в Еврейской автономной области
- 31 **Н. А. Хазанов.** Политические практики регулирования межэтнических отношений в регионе
- 41 **Н. И. Иванов.** Природно-сельскохозяйственное районирование Чебоксарского района Чувашской Республики
- 49 **А. Н. Ершов, Э. Ш. Ахметова.** Направления регулирования экосистемы моногорода как фактора повышения качества жизни населения

Экономика региона

- 56 **П. В. Дружинин, Г. Т. Шкиперова, Е. А. Проконьев.** Влияние изменения климата на сельское хозяйство российских регионов
- 64 **И. Б. Юленкова.** Повышение инвестиционно-инновационного развития муниципальных районов региона
- 71 **В. В. Беляев.** Состояние машиностроительного комплекса Самарской области
- 79 **О. А. Семенова, Т. Н. Макарова.** Развитие производственных систем на промышленных предприятиях региона
- 85 **И. Н. Гераськина, Н. В. Корнеева.** Система ЖКХ г. Саранска и основные направления формирования ресурсосберегающих мероприятий в отрасли

Региональные проблемы науки и образования

- 98 **Н. И. Изергина, Л. А. Зайцева, В. П. Изергина.** Системная модернизация и инновационная политика в регионе

Редколлегия:

С. М. ВДОВИН
(главный редактор)
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
В. П. БАБИНЦЕВ
В. И. ГРИШИН
А. В. ДАХИН
П. В. ДРУЖИНИН
А. Н. ЕРШОВ
В. В. ИЛЬИН
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
А. КЕРЕЖИ
В. А. КОВАЛЕВ
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
В. В. МАРЕСЬЕВ
А. И. СУХАРЕВ
Ж. СИМАНВИЧЕНЕ
Э. К. ХАРАЦИДИС

Экспертный совет:

И. В. БАХЛОВ
О. А. БОГАТОВА
Н. И. ВОРОНИНА
Н. Д. ГУСЬКОВА
Д. В. ДОЛЕНКО
Ю. А. ЕЛИСЕЕВА
Е. А. НЕРЕТИНА
В. А. ПИСАЧКИН
С. В. ПОЛУТИН
И. Л. СИРОТИНА
И. М. ФАДЕЕВА

108 С. Г. Ушкин, Л. Ю. Максимова, В. А. Иншаков. Современное состояние научно-инновационной сферы региона: мнения экспертного сообщества

119 Л. А. Короткова. Целостность отображения объекта прикладного педагогического исследования

Социология региона

127 С. В. Полутин, А. В. Седлецкий. Предпосылки формирования инновационного поведения в современном обществе: региональный аспект

137 В. В. Красулина. Культура предпринимательской деятельности и нравственный порядок в обществе

144 Е. И. Долгаева, Н. К. Капкаева. Отношение православной и мусульманской молодежи к социальным практикам, противоречащим нормам религиозной морали

Социальное развитие региона

152 Т. В. Хромова. Услуги в сфере планирования семьи: проблемы и перспективы развития

162 Д. В. Окунев, С. Э. Майкова, И. В. Гвоздецкая. Маркетинговый анализ развития внутреннего туризма в регионе

Народы России: возрождение и развитие

168 Е. Г. Маклашова. Сравнительный анализ региональных концепций формирования государственной национальной политики России

178 И. А. Емелькина. Правовые аспекты общественного движения финно-угорских народов в форме некоммерческих организаций

Провинциальная культура

188 Н. Г. Меркулова. Менталитет — культурный код — язык культуры: к вопросу о корреляции понятий

197 С. А. Исаева. Финно-угорская музыкальная культура в научно-образовательной и художественно-творческой деятельности Мордовского государственного университета

**РЕГИОНОЛОГИЯ
REGIONOLOGY**

Scientific
and Socio-Political
Journal

Founder and Publisher:

Federal State-Funded
Educational Institution
of Higher Professional
Education "N.P. Ogarev
Mordovia State University"

The journal has been
published since October 1992

Periodic printed
publication

The journal is
published quarterly

CONTENTS**Theoretical Issues
of Regionology**

5 R. Yu. Fedorov. Genesis and the Current State of the Civilizational Landscapes of Western Siberia

14 K. A. Chernyshev. Approaches to the Study of Depressed Regions in Socio-Economic Research

**Political Space of a Region
and Territorial Administration**

21 V. G. Shvedov, A. B. Golub, E. V. Stelmakh, V. V. Shvedova. Dynamics of Relationship between Judaism and the Authority in the Jewish Autonomous Region

31 N. A. Khazanov. Political Practice of Regulation of Interethnic Relations in a Region

41 N. I. Ivanov. Natural Agricultural Zoning in the Cheboksary district of the Chuvash Republic

49 A. N. Ershov, E. Sh. Akhmetova. Areas of Regulation of a Single-Industry Town's Ecosystem as a Factor of Improving the Quality of Life of Its Population

Economy of a Region

56 P. V. Druzhinin, G. T. Shkiperova, E. A. Prokoviev. Impact of Climate Change on Agriculture of Russia's Regions

64 I. B. Yulenkova. Increase of Investment and Innovative Development of Municipal Districts of a Region

71 V. V. Belyaev. State of the Machine-Building Complex in the Samara Region

79 O. A. Semenova, T. N. Makarova. Development of Production Systems in the Industrial Enterprises of a Region

85 I. N. Geraskina, N. V. Korneeva. Housing Services and Utilities System of Saransk and the Main Directions of Formation of Resource-Saving Activities in the Sector

**Regional Issues of Science
and Education**

98 N. I. Izergina, L. A. Zaitseva, V. P. Izergina. Systemic Modernization and Innovation Policy in a Region

2/2015
(№ 91)

Editorial board:

S. M. VDOVIN
(Editor-in-chief)
N. M. ARSENTIEV
V. P. BABINTSEV
V. I. GRISHIN
A. V. DAKHIN
P. V. DRUZHININ
A. N. ERSHOV
V. V. ILYIN
L. V. KALACHINA
(Executive secretary)
B. F. KEVBRIN
A. KEREZHI
V. A. KOVALEV
V. V. KOZIN
(Deputy editor-in-chief)
V. V. KONAKOV
V. V. MARESEV
A. I. SUKHAREV
Z. SIMANAVICHENE
E. K. CHARATSIDIS

Expert board:

I. V. BAKHLOV
O. A. BOGATOVA
N. I. VORONINA
N. D. GUSKOVA
D. V. DOLENKO
Yu. A. ELISEEVA
E. A. NERETINA
V. A. PISACHKIN
S. V. POLUTIN
I. L. SIROTINA
I. M. FADEEVA

- 108 **S. G. Ushkin, L. Yu. Maksimova, V. A. Inshakov.** Modern State of the Science and Innovation Sector of a Region: Opinions of the Expert Community

- 119 **L. A. Korotkova.** Integrity of Representation of an Applied Pedagogical Research Object

Sociology of a Region

- 127 **S. V. Polutin, A. V. Sedletskiy.** Prerequisites of Formation of Innovative Behavior in Modern Society: the Regional Aspect

- 137 **V. V. Krasulina.** Culture of Entrepreneurship and Moral Order in Society

- 144 **E. I. Dolgaeva, N. K. Kapkaeva.** Attitudes of the Orthodox and Muslim Youth to Social Practices Contrary to the Norms of Religious Morality

Social Development of a Region

- 152 **T. V. Khromova.** Services for Family Planning: Problems and Prospects

- 162 **D. V. Okunev, S. E. Maikova, I. V. Gvozdetskaya.** Marketing Analysis of Domestic Tourism Development in the Region

Peoples of Russia: Revival and Development

- 168 **E. G. Maklashova.** Comparative Analysis of Regional Concepts of Formation of Russia's State Ethnic Policy

- 178 **I. A. Emelkina.** Legal Aspects of the Finno-Ugric Peoples Social Movement in the Form of Non-Profit Organizations

Provincial Culture

- 188 **N. G. Merkulova.** Mentality — Cultural Code — Language of Culture: on Correlation of the Concepts

- 197 **S. A. Isaeva.** Finno-Ugric Music Culture in the Scientific, Educational, Artistic, and Creative Activities of the Mordovia State University

Р. Ю. ФЕДОРОВ

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ЛАНДШАФТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Ключевые слова: цивилизационный ландшафт, цивилизационный комплекс, регион, система расселения, Западная Сибирь, хозяйственное освоение территории

Key words: civilizational landscape, civilizational complex, region, settlement system, Western Siberia, economic development of territory

В статье предпринята попытка развития понятия «цивилизационный ландшафт» применительно к региональным системам производства и расселения, возникшим на территории Западной Сибири с конца XVI в. по наши дни. Выделен ряд региональных цивилизационных комплексов, сформировавшихся в результате различных форм хозяйственного освоения территорий. Рассмотрены пути оптимизации взаимодействий между ними.

The paper attempts to develop the concept of 'civilizational landscape' in relation to regional systems of production and settlement that appeared in the territory of Western Siberia in the end of the 16th century and still exist. A number of regional civilizational complexes formed as a result of various types of economic development are singled out; ways of optimization of interactions between them are considered.

В настоящее время в мировой гуманитарной науке так и не сложились однозначные дефиниции понятий «культура» и «цивилизация». Наоборот, с каждым годом можно констатировать расширение смыслового поля этих слов. В одних случаях они трактуются в качестве синонимов, в других рассматриваются как взаимоисключающие смысловые единицы. Западные гуманитарии считают их синонимами. Однако, анализируя некоторые популярные темы, современные СМИ и повседневную жизнь, можно проследить тенденции к не-

ФЕДОРОВ Роман Юрьевич, старший научный сотрудник Института криосферы Земли СО РАН, кандидат философских наук (г. Тюмень).

FEDOROV Roman Yurievich, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer, Institute of the Earth Cryosphere of the Siberian Branch of the RAS (Tyumen, Russian Federation).

осознанному противопоставлению этих двух понятий. К ним можно отнести распространенные утверждения о том, что жители России активно используют современные технологии и бытовые удобства, привнесенные с Запада (блага цивилизации), но при этом не хотят перенимать многие основополагающие элементы системы ценностей, сложившейся там (культуру). Такая ситуация характерна не только для России, но и для ряда государств, расположенных в таких регионах, как Ближний Восток или Юго-Восточная Азия. Принимая *цивилизационные стандарты Запада*, они отказываются от внедрения у себя *его культурных норм*, продолжая опираться на собственные этнические традиции. При этом эти общества активно используют созданные западным миром технологии и социальные институты (Интернет, сотовая связь, стандарты промышленного производства, бытовых услуг, городской инфраструктуры, органов власти и т. д.). На наш взгляд, эту ситуацию можно рассматривать в качестве естественного водораздела между понятиями «культура» и «цивилизация».

Еще одним ярким примером дифференциации цивилизационных и культурных компонентов в рамках одного территориального образования можно считать Евросоюз. Он стал общим цивилизационным фундаментом для ряда государств, получившим актуализацию в единой валюте, транспортной и коммуникативной инфраструктуре, универсальной правовой базе, политической и экономической системе. Однако, несмотря на это, можно констатировать, что, имея единую цивилизационную базу, каждая страна Евросоюза по отдельности воспроизводит особенности своей национальной культуры. Например, несмотря на отсутствие физических границ у Германии, Голландии и Бельгии, между этими странами наблюдаются значительные культурные контрасты, свидетельствующие о том, что после упразднения «цивилизационных барьеров» незримые культурные границы между государствами все также существуют. Жители многих приграничных поселений разных стран, находящиеся в сотнях метров друг от друга, не перенимают язык, жизненный уклад или гастрономические предпочтения соседей. Даже в Советском Союзе с его достаточно жесткой идеологической политикой, направленной на нивелирование региональных и этнических культурных особенностей, каждая союзная

республика представляла собой индивидуальное культурное пространство, существовавшее в рамках единого цивилизационного знаменателя. Поэтому вовсе не случайно по отношению к СССР все более популярным становится термин «советская цивилизация»¹.

Исходя из приведенных примеров, примем смысловое разграничение понятий «культура» и «цивилизация», которое в том или ином виде можно проследить в научном наследии О. Шпенглера, П. А. Сорокина, А. Тойнби и Н. А. Бердяева. Именно оно подтолкнуло нас к разработке понятия «цивилизационный ландшафт», концепция которого была впервые изложена несколько ранее². Одновременно с ней был подготовлен ряд публикаций, в которых с позиций данного подхода были исследованы цивилизационные аспекты формирования нефтегазодобывающего комплекса на территории Тюменского Севера³.

В отличие от получившего широкое распространение, но неоднозначные трактовки понятия «культурный ландшафт»⁴, под цивилизационным ландшафтом мы подразумеваем более широкое поле объектов исследования, включающее *территориально локализованный природно-антропогенный комплекс, в котором актуализирована жизнедеятельность определенного сообщества людей (системы расселения), состоящая из совокупности присущих ему специфических принципов взаимодействий с окружающей природной средой, производства и технологий, социальной организации и культуры*. При этом цивилизационные ландшафты обладают разными масштабами. В одних случаях они могут совпадать с границами отдельных этносов, государств или империй, в других локализовываться в рамках определенных регионов или зон хозяйственного освоения территорий. Сразу хотелось бы отметить, что, вводя в научный оборот понятие «цивилизационный ландшафт», мы не ставим перед собой цели показать его кардинальные преимущества по сравнению с другими концепциями, сложившимися в современной регионалистике и гуманитарной географии, применительно к исследованиям актуализаций деятельности человека в определенных территориальных комплексах. Скорее, мы рассматриваем его в качестве одной из «познавательных рамок», способных приблизить исследователя к многоаспектному осмыслению этой задачи.

Современную Россию можно рассматривать в качестве единого цивилизационного комплекса, интегрирующего ряд специфических форм хозяйственного освоения и культурного развития. Сегодня разные части российского общества и разные локусы российского пространства одновременно живут в различных цивилизационных и культурных срезах, начиная от постмодерна и заканчивая архаикой. Поэтому для понимания цивилизационной структуры и динамики России необходимы комплексные исследования, включающие реконструкцию процессов формирования этнокультурных сообществ, систем производства и расселения, возникших в результате тех или иных форм освоения определенных территорий.

Здесь мы сделали попытку осуществить подобную реконструкцию на материалах Западной Сибири — обширного макрорегиона, богатого природными ресурсами и разнообразными формами хозяйственного освоения, нередко имеющими ключевое значение для всей России. Объектом нашего исследования стали региональные цивилизационные ландшафты, сформировавшиеся в период освоения территории Западной Сибири с конца XVI в. по наши дни.

На ранних этапах русского освоения Сибири XVI—XVIII вв. был сформирован первый примитивный цивилизационный комплекс, связанный с добычей пушнины («пушная цивилизация»). В него входила сеть опорных городов-острогов, которые преимущественно выполняли военно-оборонительные и представительские функции, связанные с утверждением важнейших атрибутов русской государственности на осваиваемых территориях, а также с обложением ясачными повинностями местных народов (Верхотурье, Тюмень, Тобольск, Обдорск, Мангазей, Тара и т. д.). Этот цивилизационный комплекс впервые заложил дисбаланс в местных экосистемах. В первую очередь он был связан с тем, что результатом масштабного истребления промысловых животных для массового экспорта их меха являлась их быстрая депопуляция. Эта ситуация имела неоднозначные экологические и социально-экономические последствия. С одной стороны, она привела к трансформациям биоценозов, преимущественно в таежной и подтаежной зоне Западной Сибири⁵, с другой — данный процесс стал одним из главных факторов экстенсивного характера

развития «пушной цивилизации», который способствовал в течение жизни одного поколения освоению и закреплению за Россией новых восточных рубежей Северной Евразии, на территории которых имелись большие популяции промысловых животных.

Следующая, аграрная, волна освоения территории Западной Сибири, наиболее массовые масштабы которой пришлось на вторую половину XIX — начало XX в., повлекла за собой серьезные антропогенные преобразования природных ландшафтов, связанные с введением в хозяйственный оборот обширных сельхозугодий. Крестьяне-переселенцы первыми на территорию Сибири привнесли выращивание злаковых и овощных культур, которые сегодня являются базовыми для сельского хозяйства региона.

На основе собранных в ходе исследования «крестьянской цивилизации» полевых материалов мы определили некоторые перспективы его прикладного использования. Они состоят в том, что в связи с выводом из хозяйственного оборота значительного количества сельхозугодий на территории Западной Сибири большую актуальность приобретает историко-географическая реконструкция и систематизация данных об имевшихся ранее этапах их заселения. При необходимости повторного освоения этих территорий вследствие развития агропромышленного комплекса региона большую ценность приобретает опыт предыдущих поколений, которые возделывали эту землю. На его основе возможен поиск «проверенных ранее» участков, обладающих наиболее благоприятными условиями для выращивания тех или иных сельскохозяйственных культур, а также восстановление отдельных элементов транспортной инфраструктуры, бывшее хозяйственное значение которых может стать вновь актуальным.

В отличие от соседнего Урала, на территории которого с начала XVIII в. складывалась «горнозаводская цивилизация»⁶, Западная Сибирь долгое время оставалась обойденной комплексным промышленным освоением. Отчасти эта ситуация была связана с ландшафтными особенностями Западно-Сибирской равнины. На Среднем и Южном Урале новые системы производства-расселения первоначально стремились максимально приблизить к месторождениям рудных и минеральных полезных ископаемых. Не имевшая

таких доступных сырьевых ресурсов территория Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. оставалась преимущественно зоной аграрного освоения. На ее фоне стали формироваться крупные центры ярмарочной торговли (Ирбит, Ишим и др.), которые отчасти выполняли функцию распределения местной сельхозпродукции.

Массовое промышленное производство получило распространение на территории региона лишь в период развития в России капитализма во второй половине XIX в. Преимущественно оно было направлено на удовлетворение местных хозяйственных потребностей и связано с судостроением, производством орудий труда для сельского хозяйства, предметов широкого потребления и одежды. Серьезным толчком к формированию индустриального цивилизационного комплекса на территории Западной Сибири стала эвакуация на ее территорию многих крупных промышленных предприятий и конструкторских бюро из Европейской России. Эта волна индустриализации не имела каких-либо выраженных региональных особенностей и протекала по сценариям, во многом схожим с рядом других регионов, расположенных в зоне Транссиба. Совсем по-иному складывалось начавшееся в 1950-е гг. формирование нефтегазодобывающего комплекса на территории Тюменского Севера. Чаще всего применительно к нему употребляется термин «новое индустриальное освоение»⁷. Однако на данном этапе исследований возникла необходимость внесения большей ясности в определение характера развития этого цивилизационного комплекса, условно названного нами «нефтегазодобывающей цивилизацией».

Учитывая, что промысловые (не связанные с производством какой-либо сложной продукции) задачи добычи нефти и газа решались промышленными, высокотехнологичными методами, эту указанную форму освоения территории будет более точно определить как *индустриально-промысловую*. Ее важной отличительной чертой можно назвать своеобразное торжество техногенеза в формировании нового цивилизационного ландшафта. В отличие от коренных народов Севера, стремившихся максимально встроить свою традиционную культуру в окружающую природную среду, нефтегазодобывающий комплекс породил специфический цивилизационный ландшафт, в котором в небывалой ранее концентрации

оказалось актуализировано утилитарно-техногенное начало. Оно сразу приобрело системообразующее значение, сделав производными от себя остальные грани этого цивилизационного комплекса (социум, культура, экология и т. д.).

Одним из индикаторов сложившейся ситуации стал своеобразный техноцентристский язык «нефтегазодобывающей цивилизации», в полной мере нашедший актуализацию в специфической топонимике. Служебные карты нефтегазовых участков включают такие непонятные непосвященному человеку определения, как «лицензионный участок», «факел», «ДНС» (дожимная насосная станция), «КНС» (канализационная насосная станция), «ЦДНГ» (цех добычи нефти и газа) и т. д., которые репродуцируют лишь слой техногенных объектов, внедренных человеком в северные ландшафты. Этот пример хорошо показывает то, что названные объекты техносферы, скорее всего, будет некорректно отнести к культурным ландшафтам, а возможно лишь рассматривать в качестве утилитарных доминант цивилизационного комплекса.

С учетом ключевой роли экспорта нефти и газа в экономике современной России «нефтегазодобывающая цивилизация» во многих отношениях является не просто локальным социально-технологическим комплексом, но и своеобразной парадигмой экономического развития государства в целом. Несмотря на это, каждый из предыдущих этапов освоения территории региона оставил свой след, сохранив актуализацию в тех или иных цивилизационных ландшафтах.

Изучение эволюции развития и современного состояния отдельных цивилизационных комплексов, сложившихся на территории Западной Сибири, указывает на ключевые особенности социально-экономического развития региона. Если прибегнуть к аналогиям с концепциями периодизации развития общества, сформулированными А. Тоффлером и Д. Беллом⁸, то можно констатировать, что Тюменская область одновременно (а не последовательно, как многие регионы западных государств) имеет выраженные атрибуты аграрного, индустриального и постиндустриального общества. Если США сегодня декларируют постиндустриальный этап своего развития путем вывода производства в другие государства и концентрации на наукоемких технологиях, многие регионы России, включая Западную Сибирь, одновременно

продолжают жить в хозяйственных укладах и культурных реалиях разных исторических эпох. Предпринимаемые нами попытки комплексного изучения цивилизационных ландшафтов на примере Западной Сибири свидетельствуют, что данную ситуацию далеко не во всех случаях можно трактовать лишь как признак отставания России перед западным миром. Эту особенность можно также рассматривать и как шанс к формированию новой парадигмы самодостаточного (сводящего к минимуму зависимость от глобальной конъюнктуры) социально-экономического развития государства, основанного на взаимном дополнении различных форм хозяйственного освоения и жизненного уклада, исторически сложившихся на его территории. Такую ситуацию можно сравнить с принципом поляризованного ландшафта, сформулированным Б. Б. Родоманом, отмечавшим, что «не только наличие каких-либо природных и культурных богатств, но и различия их от места к месту сами по себе являются важными ресурсами»⁹. Для достижения поставленных целей большое значение приобретает изучение возможных путей оптимизации взаимодействий различных цивилизационных ландшафтов, сложившихся на территории Западной Сибири, а также поиск оптимальных пропорций их развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от начала до наших дней. М.: Алгоритм, 2008. 1198 с.

² См.: Федоров Р.Ю. Региональные цивилизационные ландшафты: введение в понятие и опыт реконструкции // Истор., филос., полит. и юрид. науки. Культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2012. № 5. Ч. 2. С. 193—200.

³ См.: Ганопольский М.Г., Федоров Р.Ю. На пути к нефтегазодобывающей цивилизации (опыт историко-географической реконструкции) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 203—211; Ганопольский М.Г., Маркова Л.М., Федоров Р.Ю. Тюменская нефтегазодобывающая цивилизация: историко-географический конспект становления // Ойкумена. Регионовед. исслед. 2011. № 3. С. 115—130.

⁴ См.: Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб.: Ин-т наследия: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.; Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М.: Нов. лит. обозрение, 2001. 576 с.

⁵ См.: Федоров Р.Ю. Проблемы морфологии и способы интерпретации культурного ландшафта региона // Сев. регион: наука, образование, культура. 2005. № 1. С. 25—30.

⁶ См.: Баньковский Л.А. Сад XVIII века. Соликамск, 2004. 202 с.

⁷ См.: Ганопольский М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. Тюмень: ТюмГНГУ, 1998. 160 с.

⁸ См.: Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N. Y., 1973. 507 p.; Toffler A. A Third Wave. N. Y., 1980. 544 p.

⁹ Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. Смоленск: Ойкумена, 2002. 335 с.

Поступила 10.06.2014.

R. Yu. Fedorov. Genesis and the Current State of the Civilizational Landscapes of Western Siberia

Modern Russia can be considered a single civilizational complex integrating a number of specific forms of economic and cultural development, prevailing in individual regions. Therefore, understanding the civilizational structure and dynamics of the Russian society requires a comprehensive study that includes reconstruction of the processes of formation of regional ethno-cultural communities as well as systems of production and settlement.

To accomplish these objectives, we are developing the concept of 'civilizational landscape'. Unlike the widespread but controversial concept of 'cultural landscape', we refer to a wider field of research objects including geographically localized natural and anthropogenic complex which presents the life-sustaining activity of a particular community of people consisting of a combination of inherent specific principles of interaction with the environment, of production and technology, and of social organization and culture.

On the basis of this approach, we try to reconstruct formation of a number of regional civilizational complexes, formed on the territory of Western Siberia from the 16th century to the present day. These include settlement systems that secured production of furs during the 17th — 18th centuries, areas of agricultural colonization of Siberia, and industrial settlements in the late 19th — first half of the 20th centuries, as well as the oil and gas that have formed since 1960s in the territory of the Tyumen North. On the basis of the reconstruction carried out, significance of each of these stages of development in the life of the modern regions of Western Siberia was studied, as well as the possible ways of optimization of interactions between different civilizational landscapes.

К. А. ЧЕРНЫШЕВ

ТИПОЛОГИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ РЕГИОНОВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Ключевые слова: проблемные регионы, типы проблемных регионов, депрессивные регионы, социально-экономические различия

Key words: problem regions, types of problem regions, depressed regions, socio-economic differences

В статье даны теоретические подходы к исследованию депрессивных регионов в России. Рассматривается понятие «депрессивный регион», его отличие от родственных понятий, используемых в научной экономической и географической литературе. Обращается внимание на необходимость рассмотрения депрессии на внутрирегиональном и локальном уровнях.

The paper presents theoretical approaches to the study of depressed regions in Russia. The author considers the concept of a 'depressed region' and its distinctions from related concepts used in scientific economic and geographic literature. Attention is drawn to the need to consider depression at both the intra-regional and the local levels.

Период перехода к рыночной экономике характеризовался усилением межрегиональной социально-экономической дифференциации. Это объяснялось различиями регионов по стартовым условиям перехода к рынку, отраслевой структуре экономики и возможности для адаптации к новым условиям. Радикальные изменения привели к увеличению количества проблемных территорий. Их выявлением и изучением занимаются представители различных направлений общественных наук: экономисты, географы, социологи и др.

ЧЕРНЫШЕВ Константин Анатольевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Вятского государственного университета, кандидат географических наук (г. Киров).

CHERNYSHEV Konstantin Anatolievich, Candidate of Geographic Sciences, Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation).

© Чернышев К. А., 2015

Накопилось достаточно большое количество исследований социально-экономического развития регионов, в результате которых построены разнообразные типологические схемы или рейтинги субъектов Российской Федерации. Предлагаемые типологии имеют теоретическую и прикладную направленность. В прикладном плане они помогают выявить депрессивные территории и выбрать оптимальные механизмы региональной политики с учетом сложившейся социально-экономической ситуации. Применительно к некоторым регионам, наряду с термином «депрессивный», предлагаются также формулировки: «проблемный», «слаборазвитый», «маргинальный», «кризисный», «старопромышленный» и пр. Все они обозначают такие территории, уровень или темпы социально-экономического развития которых отличаются от средних показателей в стране в худшую сторону.

По мнению А. Г. Гранберга, *проблемным* регионом предлагается считать территорию, «которая самостоятельно не в состоянии решить свои социально-экономические проблемы или реализовать свой высокий потенциал и поэтому требует активной поддержки со стороны государства»². Депрессивные регионы в большинстве работ определяются как один из типов проблемных регионов³.

В определении категорий *депрессивные* и *слаборазвитые* регионы многие придерживаются близких позиций. В качестве основного критерия выделения депрессивных регионов называются темпы развития, а слаборазвитых — уровень развития⁴. Отличием депрессивных регионов от других является то, что при более низких в настоящее время, чем в среднем по стране, социально-экономических показателях в прошлом они проявляли все признаки стабильно развивающихся территорий⁵. Однако кризисные явления и связанные с ними спад производства и снижение уровня жизни проявились здесь в большей степени, чем в среднем по стране. Как правило, депрессивные регионы характеризуются достаточно высоким уровнем накопленного производственно-технологического потенциала, значительной долей промышленного производства в структуре экономики, наличием квалифицированной рабочей силы. Для слаборазвитых регионов иногда используется менее удачный термин «отсталые». Они никогда не имели влияния на экономику страны, отличаются аграрно-сырьевой специализацией, низ-

кой интенсивностью хозяйственной деятельности, слабым развитием инфраструктуры, низким образовательным и профессиональным качеством трудовых ресурсов, социально-экономической, политической и культурной отсталостью, традиционно низким уровнем жизни.

«Слаборазвитость» региона является относительной, выявляемой в контексте общей социально-экономической ситуации в стране и по сравнению с основной массой регионов. Граница, отделяющая отсталые регионы от основной части страны, не может быть однозначной. Однако в некоторых случаях депрессивными называются субъекты России, имеющие определенный потенциал, но не отличавшиеся в прошлом высокими показателями экономического развития, например, республики Северного Кавказа⁶.

Для *маргинальных* территорий также характерно отставание в развитии, однако они не являются полным аналогом депрессивных районов. Различия обусловлены особенностями географического положения: маргинальные территории выделяются в пределах регионов на отдаленной периферии или во внутренних изолированных местах. Поэтому, обладая потенциалом развития, они не способны найти средства на него⁷.

Кризисные регионы — очень широкое понятие. Как считает А. Г. Гранберг, к ним следует относить: территории, подвергшиеся разрушительному воздействию природных или техногенных катастроф; регионы серьезных общественно-политических конфликтов, вызывающих разрушение накопленного экономического потенциала и значительные масштабы вынужденной эмиграции населения; регионы, в которых глубина экономического кризиса может вызвать необратимые социальные и политические деформации⁸.

Старопромышленные регионы характеризуются тем, что профилирующие отрасли в них в силу научно-технического прогресса и изменений спроса потеряли рынок сбыта, стали убыточными и либо полностью прекратили производственную деятельность, либо находятся в стадии стагнации. Часть таких регионов является депрессивной, при этом четкой границы депрессивности не существует⁹.

Значительное количество исследований, в том числе диссертационных, посвящено проблематике региональной депрессивности и смежным темам¹⁰. В большинстве работ

к исследованию депрессивности подходят в контексте изучения различий в уровне социально-экономического развития. Ученые предлагают методики, которые по-разному учитывают экономические, финансовые, социальные и другие параметры, характеризующие уровень развития регионов. Имеются работы, где подробно рассматриваются классификации регионов¹¹. Необходимо помнить, что все типологии в региональной науке субъективны, поэтому ни одна из них не является общепризнанной.

При построении региональных типологий особое значение имеет выбор критериев оценки и исходных показателей. Достаточно четкие критерии определения депрессивной территории предлагались в проекте Федерального закона «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий Российской Федерации» № 91010-3¹². К количественным параметрам депрессивности относились, в частности, многократный (в три и более раза) спад производства в основных отраслях экономики, происшедший на территории за последние двенадцать лет; значительное (более чем на четверть) отставание от средних по России в течение последних трех лет показателей уровня безработицы, соотношения денежных доходов и величины прожиточного минимума населения, а в случае отнесения к депрессивной территории субъекта Российской Федерации удельный вес дотаций в его консолидированном бюджете должен быть не менее 50 % в течение последних трех лет.

Обобщение зарубежного опыта в определении депрессивных территорий позволяет характеризовать их как промышленные районы. Однако причины и проявления региональной депрессивности в России отличаются от аналогичных явлений в странах Западной Европы¹³. Если на Западе признаки депрессии наблюдались в регионах с преобладанием отраслей первичного сектора, то в России регионы, в структуре промышленности которых была высока доля добывающих отраслей, нефтепереработки, металлургии, оказались в лучшем положении. Напротив, регионы, сосредоточивавшие отрасли обрабатывающей промышленности, не смогли адаптироваться к изменившимся условиям. Негативно сказались на развитии ряда отраслей: проникновение на рынок страны конкурентов из-за рубежа (легкая промышленность, производство технологического оборудования), снижение объемов

госзаказа (военно-промышленный комплекс, сельскохозяйственное машиностроение). Резкому спаду в ряде отраслей способствовал разрыв хозяйственных связей с бывшими республиками СССР. Перечисленное не противоречит проявлению в России депрессии в старопромышленных, в основном угледобывающих регионах, где закрываются многие нерентабельные шахты и разрезы (Печерский, Кизеловский бассейн и др.).

В ряде случаев субъекты Федерации обладают ярко выраженными качествами депрессивных регионов. В исследованиях последних лет чаще всего в качестве депрессивных называются Ивановская, Брянская, Кировская области¹⁴. Однако российские регионы — это достаточно крупные территориальные образования. В их составе могут находиться муниципалитеты с разным уровнем и темпами социально-экономического развития (или деградации). Наиболее известный пример — Пермский край. Этот субъект Российской Федерации относится к числу промышленно развитых. На его территории находится район классической депрессии — Кизеловский угольный бассейн. Из-за нерентабельности он полностью прекратил добычу угля.

Внутрирегиональное социально-экономическое неравенство типично для России и сложилось давно: даже в период СССР внутрирегиональные различия были сильнее межрегиональных. Поэтому и социально-экономическая депрессия наиболее четко проявляется на локальном уровне (моногорода). Авторы проекта Федерального закона «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий Российской Федерации» № 91010-3 допускают отнесение к депрессивной территории субъекта Российской Федерации лишь в исключительных случаях. Схожего мнения придерживаются и ученые, изучающие социально-экономическую депрессию в регионах¹⁵. Рассмотрение депрессии на локальном уровне обусловлено необходимостью сосредоточения ресурсов и управленческих воздействий для проведения результативной политики по структурной перестройке экономики депрессивных территориальных образований.

Разного рода территориальная дифференциация стала распространенным явлением в рыночной экономике. Важная задача государственной региональной политики заключается в недопущении возникновения аномально высокой террито-

риальной дифференциации, а также в снижении остроты возникших кризисных социально-экономических процессов. Особую роль играет реализация потенциала саморазвития регионов на основе использования собственных имеющихся ресурсов и конкурентных преимуществ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских ученых — кандидатов наук № МК-3878.2014.6.

² Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2004. С. 317.

³ См.: Леонов С.Н. Типология проблемных регионов на основе оценки межрегиональных социально-экономических и финансовых различий // Изв. РАН. Сер.: Географическая. № 2. 2005. С. 69; Самарина В.П. Совершенствование методологии управления социально-экономическим развитием проблемных регионов России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009. С. 14; Сидоренко О.В. Формирование селективной региональной политики социально-экономического развития проблемных регионов: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Иркутск, 2011. С. 14; Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. С. 320.

⁴ См.: Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.

⁵ См.: Семина И.А. Положение регионов депрессивного типа в социально-экономическом пространстве страны // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С.С. Артоболевского, Л.М. Синцера. М.: Эслан, 2010. С. 319; Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: Либроком, 2009. С. 84; Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. С. 327.

⁶ См.: Агузарова Л.А. Формирование и развитие социально-трудового потенциала в депрессивных регионах: теория, методология, механизмы: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Махачкала, 2011. 43 с.; Бейбалаева Д.К. Экономическое развитие депрессивного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 22. С. 43.

⁷ См.: Зырянов А.И. Маргинальные территории // Геогр. вестн. 2008. № 2. С. 12.

⁸ Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. С. 318.

⁹ См.: Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов ... С. 85.

¹⁰ См.: Мильчаков М.В. Факторы и динамика развития депрессивных регионов и городов России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2012. 25 с.; Самарина В.П. Совершенствование методологии ... 40 с.; Сидоренко О.В. Формирование селективной региональной политики ... 39 с.; Яковенко Н.В. Депрессивные регионы России: методология, теория, прикладные аспекты

(на примере Ивановской области): автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Воронеж, 2013. 40 с.

¹¹ См.: Ермакова Н.А. Калоева А.Т. Типологии регионов для целей региональной политики: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. 65 с.; Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. М.: ТЕИС, 2011. 357 с.

¹² См.: Проект Федерального закона «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий Российской Федерации» № 91010-3. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=9018> (дата обращения: 01.09.2014).

¹³ См.: Мильчаков М.В. Факторы и динамика развития депрессивных регионов ... С. 9; Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. С. 328.

¹⁴ См.: Мильчаков М.В. Факторы и динамика развития депрессивных регионов ... С. 11; Социальный атлас российских регионов. URL: <http://www.socpol.ru/atlas/typology/index.shtml#methods> (дата обращения: 01.09.2014); Яковенко Н.В. Депрессивные регионы России ... С. 16.

¹⁵ См.: Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. С. 328; Лексин В.Н. Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: УРСС, 2007. С. 95.

Поступила 10.10.2014.

K. A. Chernyshev. Approaches to the Study of Depressed Regions in Socio-Economic Research

During the transition period, there was an increase in the number of troubled and depressed territories. Scientists offer a variety of typological schemes or ratings of Russian regions including those identifying the depressed regions.

It is propose to define a problem region as a territory that is not able to neither solve its own socio-economic problems nor realize its high potential and therefore requires support from the state. Depressed regions are one of the types of problem regions that currently have relatively low socio-economic indicators, but in the past they did show signs of consistently developing territories. Underdeveloped regions never had significant influence on the economy of the country. In identification of the depressed regions, the choice of evaluation criteria and initial indexes are of particular importance. The depressed regions in Russia are mostly the regions where manufacturing industries are concentrated. Negative impact on their development was due to: penetration of competitors from abroad to the country's market, decline in volume of the state-guaranteed order, and rupture of economic relations with the former Soviet republics.

Socio-economic depression is most evident at the local level. The most important task of regional policy, both at the federal and sub-federal levels, is to prevent the occurrence of anomalously high regional differentiation, as well as to alleviate the crisis socio-economic processes that have already occurred.

**В. Г. ШВЕДОВ,
А. Б. ГОЛУБЬ,
Е. В. СТЕЛЬМАХ,
В. В. ШВЕДОВА** **ДИНАМИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ИУДАИЗМА И ВЛАСТИ
В ЕВРЕЙСКОЙ
АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ**

Ключевые слова: Дальний Восток, Биробиджан, иудаизм, евреи, синагога, религиозная община

Key words: Far East, Birobidzhan, Judaism, Jews, synagogue, religious community

Статья посвящена истории развития иудаизма на территории Еврейской автономной области. Рассмотрены основные этапы в истории иудейской общины области. Особое внимание уделено вопросам взаимоотношения политической власти с представителями еврейской религиозности.

The paper is devoted to the history of development of Judaism in the Jewish Autonomous Region. The main stages in the history of the Jewish community of the region are considered. Special attention is paid to the issues of relationship of the political power with representatives of the Jewish religion.

ШВЕДОВ Вячеслав Геннадьевич, заведующий кафедрой географии Приамурского государственного университета, доктор географических наук, доцент (г. Биробиджан).

ГОЛУБЬ Андрей Борисович, доцент кафедры географии Приамурского государственного университета, кандидат педагогических наук (г. Биробиджан).

СТЕЛЬМАХ Елена Викторовна, заведующая кафедрой таможенного дела Приамурского государственного университета, кандидат географических наук, доцент (г. Биробиджан).

ШВЕДОВА Влада Вячеславовна, аспирант кафедры географии Приамурского государственного университета (г. Биробиджан).

SHVEDOV Vyacheslav Gennadievich, Doctor of Geographic Sciences, Docent, Head of the Department of Geography, Amur State University (Birobidzhan, Russian Federation).

GOLUB Andrei Borisovich, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor at the Department of Geography, Amur State University (Birobidzhan, Russian Federation).

STELMAKH Elena Viktorovna, Candidate of Geographic Sciences, Docent, Head of the Department of Customs, Amur State University (Birobidzhan, Russian Federation).

SHVEDOVA Vlada Vyacheslavovna, Postgraduate at the Department of Geography, Amur State University (Birobidzhan, Russian Federation).

© Шведов В. Г., Голубь А. Б., Стельмах Е. В., Шведова В. В., 2015

Вопрос о взаимоотношениях еврейского народа и власти в России насчитывает не одно столетие. Еще в конце XVIII в. после раздела Речи Посполитой многие ее территории отошли к Российской империи вместе с населением, в том числе и еврейским. Благодаря этому последняя стала страной с самым большим еврейским населением в мире. При этом государственной власти пришлось с самых азов выработать внутреннюю политику по отношению к евреям. Ее суть можно свести к осуществлению двух основных принципов: принять меры, препятствующие евреям переселяться в пределы собственно России (таким образом, речь шла о создании для них так называемой «черты оседлости»); действия к «исправлению» и «улучшению» евреев, превращению их в полезных (с точки зрения властей) членов общества. С этой целью предполагалось создание для еврейского населения показательных сельскохозяйственных поселений, поощрение их перехода в христианство и сближения с нееврейским населением страны.

Следует признать, что действия властных структур царской России не могли остановить рост неприязни к евреям, захлестнувшей страну после событий 1881 г. (убийство царя Александра II) и 1905 г. (Первая русская революция). Их результатом стали погромы и массовая эмиграция. Только с 1889 по 1912 г. из России выехало более 2 млн евреев. Второй этап эмиграции пришелся на 1914—1917 гг., но и после этого еврейская диаспора в стране составляла более 5 млн чел. Не считаться с такой крупной группой населения и ее интересами было невозможно.

В январе 1918 г. правительство Советской России организовало при Народном комиссариате по делам национальностей Еврейский комиссариат (ЕВКОМ). Его главная задача состояла в оказании содействия развитию еврейской национальной культуры, а также в поиске свободных земель для расселения евреев из «черты оседлости», их привлечения к активной общественной жизни в стране. Наиболее интенсивно эта работа стала проводиться с августа 1924 г. Комитетом по земельному устройству еврейских трудящихся (КОМЗЕТ) при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР. Только с 1923 по 1927 г. в Крым, Херсонский округ и Никопольский район Криворожского округа Украины было переселено свыше 80 тыс. чел. Кроме того, поиск мест велся

в Брянской, Смоленской и Псковской областях, а также в Белоруссии, Северном Казахстане и на Кавказе. Однако в процессе разработки этих территорий пришло понимание того, что они давно и достаточно плотно заселены: на почве территориальных споров возникали конфликты с местным населением. Необходимо было подобрать не просто подходящие для переселенцев плодородные, но и свободные земли. В 1927 г. внимание было обращено на Сибирь и Дальний Восток.

Для привлечения еврейского населения в столь отдаленные и мало освоенные районы государство выступило в качестве своеобразного «имиджмейкера», наподобие библейского пророка Моисея, по созданию образа Среднего Приамурья Дальневосточного края в качестве новой «земли обетованной». Доказательством тому служит пропагандистский фильм «Искатели счастья» В. Корша-Саблина о евреях-переселенцах, переехавших в биробиджанский колхоз «Ройте-Фелд»¹. При этом библейское выражение «земля обетованная» для еврейских переселенцев ассоциировалось с созданием реального национального государственного образования, где людям будет житье достойно и радостно, а значит, туда следует стремиться попасть.

Официальная цель Бирско-Биджанского проекта формулировалась как «построение в рамках единого социалистического советского государства отдельной еврейской советской государственности», т. е. преподносилась как создание на востоке России центра «еврейской пролетарской культуры». По замыслу советского руководства, такое национальное образование должно было привлечь к себе не только советских евреев, но и их собратьев со всего мира. Кроме того, важным фактом в реализации такой масштабной акции стала возможность решения сразу двух задач: максимальное вовлечение в народное хозяйство еврейского населения; реализация общегосударственного плана развития Дальнего Востока в контексте возрастающей угрозы со стороны Японии².

Трудности начального периода создания еврейской автономии не помешали властям объявить Биробиджан в 1931 г. национальным административным районом и таким образом продекларировать начало строительства «еврейской государственности». Одновременно шла кампания по набору

переселенцев за рубежом. Поэтому Биробиджанский проект рассматривался мировой общественностью как вполне приемлемое решение проблемы возрождения еврейской государственности. Американская организация «Идише колонизация орбайтер» (ИКОР) даже инициировала проект строительства образцового еврейского местечка будущего — Соцштетл³, которое должно было стать примером прогрессивной организации труда и общественной жизни. Органы управления Дальневосточного края, будучи заинтересованными в привлечении иностранных переселенцев, пошли на беспрецедентный шаг, доверив биробиджанскому руководству право ускоренного предоставления советского гражданства еврейским трудящимся из-за границы. В результате в Биробиджан прибыло более 1,5 тыс. переселенцев из США, Литвы, Аргентины, Уругвая, Франции, Германии, Латвии, Палестины и Польши.

Но эта деятельность не учитывала один важный фактор: для евреев основополагающим ментальным аспектом было ревностное отношение к иудаизму как религии, объединяющей народ в единое целое. Именно это обстоятельство часто было причиной конфликта между представителями еврейского этноса и властями тех мест, где они проживали.

В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. одним из направлений внутренней государственной политики СССР стало активное распространение светского, а точнее — советского образа жизни в стране. Это повлекло за собой наложение строго запрета на исповедание любой религии, в том числе иудаизма. Наряду с антирелигиозной пропагандой, советское руководство активно развивало идеологию ассимиляции населения, так как предполагалось, что в рамках социалистического государства национальные и культурные различия будут постепенно стираться и в перспективе исчезнут⁴.

В противовес соблюдению этнических интересов в Советском Союзе на первый план выдвигалась концепция создания наднациональной общности «единого советского народа». Для решения этой задачи в молодой Еврейской автономной области (ЕАО) в 1937 г. вступил в силу проект «анти-пейсах мероприятий», разработанный «Союзом воинствующих безбожников». Он предусматривал чтение для населения курса лекций на темы «Борьба против религии — борьба за социализм», «Почему мы боремся против религии» и т. д.

Внимание трудящегося населения акцентировалось на необходимости борьбы с проявлениями еврейской религиозности как с элементом, разлагающим советский социум⁵.

В качестве наиболее весомой причины, мотивировавшей необходимость борьбы с иудаизмом, приводился обычай невыхода евреев на работу в дни религиозных праздников и в субботу (шаббат). Так среди нееврейского населения формировалось представление о верующих евреях как о лентяях и бездельниках. Иными словами, давление властей с помощью официальных запретов и мероприятий подкреплялось созданием негативного имиджа иудейского образа жизни. Однако, несмотря на это, иудаизм существовал в раздробленном, неорганизованном виде.

Материалы о деятельности еврейской общины в ЕАО в 30-е и начале 40-х гг. XX в. отсутствуют. Скорее всего, причиной тому служат репрессии 1937—1938 гг. Тогда документация, так или иначе связанная с религией в целом и с иудаизмом в частности, изымалась и уничтожалась, а служители и последователи культа строго карались. Не последнюю роль сыграла и Великая Отечественная война, когда все внимание советских людей, в том числе и евреев ЕАО, было сосредоточено на отражении фашистского вторжения.

После окончания войны отношение партии и государства к иудаизму приобрело двойственный характер. Антисемитская линия сохранилась, но утратила агрессивный характер. Особую роль здесь сыграло намерение И. В. Сталина создать просоветское еврейское государство в Палестине. В связи с этим верующие евреи получили в СССР некоторые послабления. Так, с 25 ноября 1946 г. решением Совета по делам религиозных культов была узаконена деятельность еврейской религиозной общины в Биробиджане. Спустя год на праздник Рош-Ха-Шана (еврейский Новый год) была открыта первая в ЕАО синагога.

Перед новой общиной стояло много задач: благоустройство синагоги, расширение своих рядов, создание еврейского кладбища, открытие магазина кошерных продуктов и т. д. Первоначально число верующих, посещавших синагогу, было незначительно и составляло 57 мужчин преклонного возраста. Но постепенно сфера деятельности иудейской общины стала расширяться. К 1953 г. она насчитывала более 300 чел. Это событие расценивается рядом авторов неоднозначно. В част-

ности, И. С. Бренер склонен рассматривать его как явный пример развития иудаизма в ЕАО, а С. В. Березницкий и П. В. Примак считают «последним всплеском» еврейской религиозности в тяжелый период 50-х гг., поскольку столь масштабная религиозная организация являлась серьезным соперником областному партийному руководству в сфере идеологического влияния на население⁶.

В начале 1950-х гг. в СССР вновь наблюдался всплеск антисемитской и антирелигиозной политики (резонансные кампании против «врачей-вредителей» и «безродных космополитов»). Это не могло не сказаться на положении Биробиджанской еврейской общины. Всего за два месяца 1953 г. число прихожан синагоги и постоянных членов общины сократилось с 300 до 43 чел.

Возобновляя прежнюю линию, партия вернулась к традиционному для сталинских репрессий методу: давлению на членов партии, чьи родные и близкие обнаруживали связь с иудаизмом. По словам очевидцев, если в 40-е гг. XX в. на религиозные еврейские праздники собиралось такое количество людей, что многим приходилось стоять на улице под окнами синагоги, то в следующем десятилетии их число резко сократилось и продолжало убывать из года в год⁷.

Постепенно деятельность общины начала угасать, приобретая все меньшее значение для жителей области, и окончательно исчезло после закрытия синагоги в 1953 г. Волна репрессий захватила на этот раз еврейские школы, театр, литературный альманах, музей и книжное издательство. Многие представители творческой интеллигенции, общественности и партийной элиты автономии были сосланы в лагеря. Впрочем, центральные власти сохранили в урезанном тираже издававшуюся на идише газету «Биробиджанер Штерн», а сама область по-прежнему имела формальный статус национальной автономии⁸. Сложившееся в результате этих действий положение дел сохранялось в ЕАО в течение последующих 30 лет.

Политические изменения в СССР в годы «перестройки» привели к некоторому национальному ренессансу в ЕАО, созданию ряда еврейских общинных учреждений, включая школу и новую синагогу, и даже к неудавшейся попытке преобразовать область в еврейскую республику. Но общее состояние национальной еврейской культуры и религии

оставалось тогда плачевным. Большинство молодых евреев в ЕАО уже не владели еврейскими языками — ни идишем, ни тем более ивритом; имели смутное представление о своей национальной культуре и религии. Хотя некоторые признаки культурной и ментальной самобытности сохранились среди представителей преклонного возраста, они в основном выражались в бытовых и поведенческих аспектах, обрели реликтовый характер.

Однако в это время произошел короткий всплеск интереса как самих евреев, так и нееврейского населения области к основам иудейской культуры. В основном это было связано с началом активной эмиграции в Израиль⁹. Но те, кто не намеревался покинуть СССР, не проявляли интереса к национальной религиозности.

Коренной перелом произошел в начале 90-х гг. Принятие законов «О свободе совести и религиозных организациях», а позднее «О свободе вероисповеданий» позволило людям избавиться от тягостной необходимости искать возможность тайно исповедовать ту или иную религию. Все конфессии получили возможность распространять религиозные учения, открыто отправлять культы, участвовать в социальной, культурной и политической жизни страны и общества. В этот период произошло событие, оказавшее большое влияние на дальнейшее развитие иудаизма в ЕАО: в 1990 г. в Биробиджан из Израиля приехал раввин И. Плессер, который провел ряд богослужений и выступил за сохранение в области иудаизма. Это стало толчком для возрождения еврейской религиозной культуры в ЕАО.

На биробиджанскую общину было обращено внимание со стороны более многочисленных и устойчивых еврейских общин России. Благодаря этому в ЕАО было прислано большое количество религиозной литературы, оказана ощутимая финансовая поддержка. После выхода области из состава Хабаровского края в 1994 г. одной из наиболее актуальных задач ее правительства стало сохранение и поддержание областной национальной идентичности, которая в свою очередь обеспечила ЕАО статус самостоятельного административного субъекта Российской Федерации. Теперь государственная политика обрела принципиально иную направленность: правительство области стало всячески поддерживать иудаизм, делая все возможное для его возрождения и развития.

В 1996 г. зарегистрирована община «Бейт-Тшува» — «Место, где возвращаются к традиции», которая начала вести активное сотрудничество с созданным в 1993 г. Конгрессом еврейских религиозных организаций. Следом за организацией «Бейт-Тшува» в 1997 г. был зарегистрирован общественно-культурный центр «Фрейд» (Радость), ставший очагом неортодоксальной ветви иудаизма — хасидизма.

Несмотря на то что община «Фрейд» появилась позже, чем «Бейт-Тшува», и не имеет в области глубоких исторических корней, она в силу своей открытости обрела среди населения области большую популярность. «Фрейд» располагает самой крупной и разнообразной подборкой литературы по иудаике, с которой может ознакомиться любой человек, интересующийся историей еврейского народа и иудаизма. При общине функционирует культурный центр, синагога, а также работает более 10 клубов по интересам. Посещает общину более 500 чел.

Рассмотрение истории становления и развития взаимоотношений органов государственной власти и иудаизма на территории ЕАО позволяет сделать некоторые выводы и обобщения. Очаг иудаизма сложился на территории будущей автономии в связи с появлением здесь первых еврейских переселенцев. На первоначальном этапе он не оформился в ярко выраженное религиозное явление, что обусловило его историческую слабость. На втором этапе становления и развития иудаизма в ЕАО, длившемся 30—80-е гг., отношение власти к религии вообще и к иудаизму в частности носило негативный характер. Развитие еврейской культуры на территории ЕАО в значительной степени зависело от политической конъюнктуры. В течение более чем полувека наблюдался процесс отрыва еврейского населения от своей национальной религии и этнической самобытности.

В настоящее время отношения между иудаизмом и политической властью приобрели иной характер. Это связано с переменной политики государства в сфере религии, а также с необходимостью самопозиционирования ЕАО в качестве самостоятельного субъекта Российской Федерации. Сложившийся «диалог» между местными властными органами и представителями иудаизма можно охарактеризовать как сотрудничество и взаимную поддержку. Следует признать, что за все время существования ЕАО эта форма взаимоот-

ношений оказалась наиболее оптимальной. Де-факто именно она обеспечивает добрососедский характер межэтнических отношений в области. Это условие в свою очередь является основой для ее стабильного развития, которым еврейская автономия отличалась в тяжелые годы кризиса конца XX — начала XXI в. и которое создает объективные предпосылки для ее поступательного социально-экономического развития в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Голубь А.Б. К вопросу формирования внутреннего имиджа территории российского Дальнего Востока // Вестн. Приамур. гос. ун-та им. Шолом-Алейхема. 2013. № 1. С. 5—15.

² См.: Шведов В.Г. Ретроспектива геополитических интересов России на Дальнем Востоке // Вестн. Дальневост. гос. соц.-гуманит. акад. 2010. № 1. С. 114—134.

³ См.: Еврейская автономная область: энцикл. словарь / отв. ред. В.С. Гуревич, Ф.Н. Рянский. Хабаровск: Риотип, 1999. 287 с.

⁴ См.: Генина Е.С. Религия и власть: еврейская община Биробиджана во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. // Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Кемерово: Изд-во Ин-та угля и углехимии СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 21—25.

⁵ См.: Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: сб. материалов VIII Регион. науч.-практ. конф. Красноярск, 19—20 нояб. 2007 г. / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск: Краснояр. писатель, 2007. 452 с.

⁶ См.: Березницкий С.В., Примак П.В. История иудаизма в ЕАО. Биробиджан: Изд-во ДВГСГА, 2007. 153 с.

⁷ См.: Бренер И.С. Лехаим, Биробиджан! Красноярск: Краснояр. писатель, 2007. 336 с.

⁸ См.: Котлерман Б.М. Биробиджан или Еврейская автономная область? URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/181/kotlerman.htm> (дата обращения: 01.12.2014).

⁹ См.: Стельмах Е.В., Соловченков С.А. Варианты адаптивного поведения сельских жителей юга Дальнего Востока в период экономического кризиса: социологический подход // Истори., филос., полит. и юрид. науки. Культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2014. № 9. Ч. 2. С. 153—156.

Поступила 17.02.2015.

V. G. Shvedov, A. B. Golub, E. V. Stelmakh, V. V. Shvedova.
**Dynamics of Relationship between Judaism
 and the Authority in the Jewish Autonomous Region**

The history of formation and development of the relationship between the Jewish people and the public authorities in the territory of the Jewish Autonomous Region reveals some historical milestones. The hearth of Judaism developed in the territory of the future autonomy in connection with the arrival of the first Jewish settlers in 1928. At the initial stage, it did not become an explicit religious phenomenon, which led to its historical weakness. In the second stage, which lasted until 1980s, the authority's attitude to religion was clearly negative. Development of the Jewish culture in the territory of the Jewish Autonomous Region largely depended on the political situation. For more than half a century, there has been a process of separation of the Jewish population from their national religion and ethnic identity.

Currently the relationship between Judaism and the political power is of a different character. It is associated with the change of the state policy in the sphere of religion, as well as the necessity of positioning the Jewish Autonomous Region as an independent subject of the Russian Federation. The current 'dialogue' between the authorities and representatives of Judaism are characterized as cooperation and mutual support. It should be recognized, it is such a dialogue that ensures steady interethnic relations in the region. This is the basis for sustainable socio-economic development of the territory.

Н. А. ХАЗАНОВ **ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
 РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
 ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНЕ**

Ключевые слова: этнический конфликт, межнациональные отношения, миграция, мультикультурализм

Key words: ethnic conflict, interethnic relations, migration, multiculturalism

В статье дан анализ отдельных политических практик регулирования межэтнических отношений в Саратовской области

The paper presents an analysis of particular political practices of regulation of interethnic relations in the Saratov Region.

Активное обсуждение и принятие в конце 2012 г. новой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., а также подписание в 2013 г. Постановления Правительства России «О Федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России"» (2014—2020 гг.)¹ стали результатом необходимости пересмотра политики в отношении многочисленных национальностей и этнических групп России.

Анализ текстов этих документов, дискуссии в научном сообществе по соответствующим проблемам выявляют заинтересованность в изучении региональных практик выстраивания межэтнических отношений. Именно местные и региональные уровни управления чаще всего имеют дело с конкретными проявлениями этнического взаимодействия в бизнесе, быту и др. Региональные механизмы сдерживания и взаимодействия этносов могут стать основой разработки оптимальной модели для всей страны, которая должна раз-

ХАЗАНОВ Никита Алексеевич, соискатель кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов).

KHAZANOV Nikita Alekseyevich, Applicant at the Department of Social Communications, Volga Region Institute of Administration, the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russian Federation).

виваться не в сторону поиска универсальных инструментов регулирования межэтнических отношений, а в сторону доступимой поливариантности их развития.

Во многих исследованиях Саратовская область и весь Поволжский регион по этнорелигиозным характеристикам сравнивают со всей Россией. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в России проживают приблизительно 180 этносов и этнических групп, в Поволжье — 119, в Саратовской области — около 100². Однако до недавнего времени Саратовскую область никогда не относили к конфликтным регионам. Конфликты и иные протестные выступления проходили под влиянием социально-экономических проблем. В 2013 г. Центром изучения национальных конфликтов (ЦИНК) проведен анализ уровней напряженности в российских регионах. В результате был составлен рейтинг регионов по степени этнической конфликтности, а также осуществлена попытка выявления причин возникновения и роста межэтнической напряженности. Согласно результатам этого рейтинга, Саратовская область вошла в «оранжевую» группу регионов с высоким уровнем напряженности. В эту группу также попали Астраханская, Московская, Ростовская, Нижегородская и Челябинская области, Ханты-Мансийский автономный округ и Краснодарский край. По мнению исследователей ЦИНК, в этих регионах в течение исследуемого периода (сентябрь 2013 г. — апрель 2014 г.) наблюдались «неоднократные организованные массовые ненасильственные конфликтные действия; зафиксированы случаи этнически мотивированного насилия; политическая активность с эксплуатацией этнической тематики»³.

Соседство Саратовской области в рейтинге с приграничными и традиционно «конфликтными» Ростовской, Астраханской областями и Краснодарским краем заставляет задуматься над изменяющимися условиями и тенденциями развития межэтнических отношений в области. Складывается ситуация, когда объективные структурные факторы, прежде благоприятно влиявшие на сферу межэтнических отношений, в данный период уступают по силе воздействия конфликтным факторам. Среди последних стоит выделить рост ксенофобии, вызванный миграционными процессами, пробелы в федеральных и региональных программах реализации государственной национальной политики, деятельность

СМИ и др. Нельзя не отметить и влияние религиозного фактора, особенно радикализацию ислама и его активное распространение.

Среди ключевых конфликтных факторов, влияющих на различные сферы общественных отношений, исследователи отмечают миграцию. Причем интерес к последствиям переселенческих процессов постоянно возрастает. Их анализ развивается в основном по двум направлениям. Во-первых, это исследования, объектом которых являются сами мигранты, их «самочувствие» в новых условиях. Во-вторых, это исследования, речь в которых идет о принимающей стороне и ее восприятию изменяющихся межнациональных пропорций. Дефиниции «конфликт» и «конфликтность» между пришлым и местным населением звучат в обеих группах исследований.

В рамках исследовательского проекта «Саратовская область: мониторинг изменений», ориентированного в том числе на мониторинг и анализ этнополитической ситуации в регионе, отмечается, что среди важных источников этнических конфликтов лидирует мигрантофобия⁴. В Саратове и Саратовском районе, в г. Балаково и Балаковском районе, в Вольском, Ровенском и Ершовском районах наблюдается значительный рост межэтнической нетерпимости, усиление бытовых конфликтов, окрашенных в этнические тона.

Причины роста масштабов миграции не всегда обусловлены экономическими мотивами. Увеличение миграционных потоков в Россию не прекратится в ближайшее время. Причины этого не только внешние, но и внутренние. Российская экономика испытывает потребность в привлечении значительного объема трудовых ресурсов, в то время как демографическая ситуация такова, что искать эти ресурсы можно только на иностранном рынке труда⁵. Необходимое число мигрантов может составить 10 млн чел. Такая ситуация может оказаться вполне вероятной, принимая во внимание прогноз Федеральной службы государственной статистики России, согласно которому численность трудоспособного населения страны к 2030 г. сократится на 10,3 млн чел.⁶ События в Украине и, как следствие, миграционные потоки могут существенно изменить ситуацию и восполнить недостаток трудовых ресурсов. Однако уже осенью 2014 г. в ряде регионов Дальнего Востока были зафиксированы конфликты

местного населения с гражданами Украины. Таким образом, можно сделать вывод о формирующемся источнике новых этнополитических конфликтов.

Ситуация в Саратовской области и Поволжье в целом также может измениться, во-первых, в связи с транзитным положением (миграционные потоки идут через Ростов-на-Дону, Волгоград, Саратов), во-вторых, по причине наличия украинских поселений на территории региона. Это требует разработки новых форм воздействия, политико-правовых и социокультурных практик. Территориальная обособленность таких регионов способствует консервации традиционных форм, нежеланию мигрантов приспосабливаться к российским реалиям. Органы местной власти оказываются часто неготовыми к сотрудничеству с представителями диаспор и общин, работе с коренным и приезжим населением, что приводит к конфликтам, росту мигрантофобии.

Поскольку конфликты свойственны многим полиэтническим государствам, то в мировой практике существует многообразие способов их регулирования. В их основе лежат ключевые практики взаимодействия различных этнических культур: ассимиляция, мультикультурализм, геттоизация, колонизация.

Противодействием *ассимиляционных процессов* в России стало расширение полномочий региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления в области выстраивания и регулирования межэтнических отношений. На примере Саратовской области это можно продемонстрировать рядом реализованных и реализуемых программ: «Социальное и национально-культурное развитие народов Саратовской области на 1998—2001 годы», «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» (2003—2006 годы); «Развитие культуры» на 2006—2008 годы, «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2008—2012 годы и т. д. Более того, события, произошедшие в г. Пугачеве Саратовской области, г. Нурлате Республики Татарстан, г. Арзамасе Нижегородской области, доказывают необходимость совместного решения этнических проблем в Поволжье. Лидеры регионов Приволжского федерального округа (ПФО) неоднократно встречались для разработки комплекса совместных усилий по гармонизации отношений между народами, населяющими ПФО⁷.

В 2014 г. Правительством Саратовской области была принята программа «Гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов Саратовской области» до 2020 года. Нивелировать негативные последствия многих процессов невозможно без стимулирования развития соответствующих институтов гражданского общества. На заседании Совета ПФО 19 декабря 2013 г. губернатор Саратовской области В. В. Радаев подчеркнул недостаточность «вовлеченности руководителей местных национальных общин, лидеров общественного мнения в работу коллегиальных органов»⁸. Совместная разработка комплексных программ может принести позитивные результаты. Однако важно иметь в виду, что абсолютизация проблем этнических меньшинств при решении национального вопроса может привести и приводит в ряде регионов к этническим конфликтам.

Тотальная критика ассимиляционной политики и выбор курса на радикальный *мультикультурализм* обозначили новые этнические проблемы. На территории России и Саратовской области, в частности, возникали очаги новой формы этнических конфликтов: когда представители коренного населения нуждаются в помощи, защите и поддержке органов государственной власти (рост этнической преступности, нежелание пришлого населения принимать экономические, социальные, политико-правовые и культурные условия, которые предоставляет мигрантам принимающая сторона).

Геттоизация состоит в обособлении быта и жизни этнических групп, образовании районов, населенных преимущественно представителями определенной этнической, расовой, религиозной или социальной группы. В этих анклавах сохраняются традиции, культура и быт поселенцев. Контакты с иными социальными группами минимизированы. Примерами таких «гетто» в городах могут быть мусульманские кварталы, чайнатауны, Брайтон-Бич в Нью-Йорке и т. д. В таких гетто вновь прибывшему мигранту легче адаптироваться к изменившимся условиям жизни, они привлекательны для мигрантов, что решает проблемы демографии и недостаточности трудовых ресурсов. Российское законодательство, с одной стороны, гарантирует этническим меньшинствам право на самобытное, в известной мере обособленное развитие, с другой — оно должно гарантировать государственное единство страны.

Этнические анклавы часто складываются стихийно, хотя в истории были примеры насильственного формирования гетто (депортация, выселение и т. д.). На территории Саратовской области сравнительно недавно стали появляться подобные образования. Наиболее масштабно этот процесс развивается в Ровенском районе и связан с массовой миграцией дунган — потомков китаеязычных мусульман. По официальным данным, на начало 2010 г. в Ровенский муниципальный район въехало и поставлено на миграционный учет 1 815 дунган⁹. В настоящее время, по данным УФМС по Саратовской области, на территории Ровенского района проживает 1 035 дунган, из которых 821 чел. приобрел гражданство Российской Федерации. Численность дунган, проживающих в Ровенском районе, составляет более 5 % от постоянно проживающего населения и продолжает увеличиваться. Поскольку они выбирают заброшенные или полузаброшенные села, то начинают составлять там этническое большинство¹⁰.

Дунгане традиционно занимаются земледелием, в частности выращиванием бахчевых культур. Общины достаточно успешно осуществляют этот вид деятельности и постепенно вытесняют местных поставщиков с рынка продажи овощей. Это приводит к постоянным конфликтам, а также формированию нестабильной и взрывоопасной ситуации. Согласно исследованию проблемы дунган в Ровенском районе, воспроизводством бахчевых культур в Саратовской области занято менее 2—5 % посевных площадей. При этом в 2011—2012 гг. более 70 % объема бахчевых культур, потребляемых жителями Саратовской области, произрастало в Ровенском районе и обеспечивалось хозяйствами дунган¹¹.

Традиционные формы управления, основанные на приоритете кланово-родственных отношений, требуют новых форм управления этнокультурными группами¹². Этнические проблемы, связанные с миграционными процессами, не имеют традиций и глубоких корней, поскольку порождены событиями последних 10—15 лет. Поэтому у власти нет достаточного опыта по их разрешению и регулированию, отсутствуют методики работы с лидерами этнических общин и местным населением.

Традиционная гетерогенность населения Саратовской области позволила сформировать традиции взаимодействия и

консенсусного решения многих аспектов национальной политики. Как отметил А. В. Журавский, Саратовская область является одним из лидеров в деле построения институтов гражданского общества, которые способствуют этническому взаимодействию. «Национальные организации и объединения должны стать стабилизирующим фактором в разрешении возможных межнациональных конфликтов. Ими также должна проводиться работа с молодежью, в том числе с учащимися вузов, приезжающими из других регионов. Это важнейший аспект работы, направленной на сохранение мира и согласия»¹³.

За последние три года в Саратовской области мероприятия реализуются по нескольким направлениям. Во-первых, это проведение национальных праздников — основное и наиболее затратное мероприятие. Это ежегодная «Широкая Масленица», Детский рождественский фестиваль с привлечением религиозных объединений для одаренных детей «Свет Вифлеемской звезды» (2013 г.); 37 национальных праздников было инициировано институтами гражданского общества, в том числе национальными общественными объединениями граждан, религиозными общинами, вузовским сообществом в целях гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, совместного противодействия росту межнациональной напряженности, экстремизму, разжиганию этнической, религиозной ненависти и вражды, поддержке развития казачества. Во-вторых, это анализ национального вопроса представителями научных школ и исследовательских коллективов (конференции, публикации книг и брошюр о культуре народов области и т. д.). В качестве приоритетной на 2014—2020 гг. заявлена подпрограмма «Гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов Саратовской области» государственной программы «Культура Саратовской области до 2020 года», утвержденной постановлением правительства области от 20 ноября 2013 г. № 642-П.

Некоторые мероприятия, реализуемые в Саратовской области, становятся образцами для подражания в соседних регионах, и наоборот. В качестве оригинальных решений можно назвать уникальный проект «Этнографический комплекс "Национальная деревня"» в Саратове, «горячую телефонную и онлайн-линию» по межэтническим пробле-

мам, созданную областными властями Волгограда, практику мобильного Консультативного совета при губернаторе в Астраханской области и т. д.

Наличие правовой базы, разветвленной системы институтов государственной власти и гражданского общества, ориентированных на предотвращение, регулирование и разрешение межэтнических конфликтов, создание программ развития межнациональных отношений — неотъемлемые черты политики мультикультурализма и культурного обмена. Насколько успешной может стать эта практика — вопрос, обсуждаемый в прессе и научной литературе. Практика европейского мультикультурализма вылилась в проблему защиты принимающей стороны. В течение последних четырех лет руководители многих европейских государств признали провал подобной политики в их странах¹⁴.

При разработке целевых программ и прогнозировании эффективности их реализации в регионе необходимо учитывать тренды миграционной страны, экономическую ситуацию в стране и мире, геополитические аспекты (возможную поддержку этноса другим государством или национальной организацией), регион проживания (размер, этнический состав, опыт взаимодействия органов местного самоуправления с диаспорами, национально-культурными организациями, наличие таких организаций), страну выезда (для мигрантов), уровень образования, сферу деятельности, продолжительность проживания в России и т. д.). Эти факторы влияют на общественное мнение и социальные взаимосвязи, степень готовности к межэтническому консенсусу.

Необходимо признать, что рост культурного разнообразия стал одним из факторов, дестабилизирующих современное российское общество, и Саратовская область в этом отношении не исключение. Большой опыт относительно «мирного» сосуществования этнических и религиозных групп на ее территории выступает благоприятным фактором, однако изменяющиеся условия диктуют необходимость разработки не просто комплекса мероприятий, направленных на гармонизацию межэтнических отношений, а единой стратегии. Приведенные примеры различающихся тактик поведения политических и административных структур в отношении этнических групп, наглядно демонстрируют, что решение проблем в данной сфере имеет множество негативных последствий.

При сохранении существующей динамики миграции очевидно усиление напряженности в межэтнических отношениях, мигрантофобии и иных деструктивных элементов. Существующие проблемы и возможные риски требуют активизации поиска путей гармонизации отношений между принимающим населением и мигрантами. Саратовская область под воздействием различных неблагоприятных тенденций постепенно становится территорией, где растет уровень межэтнической напряженности. Это обусловлено транзитным положением региона и рядом других факторов. Для разработки более грамотных и адекватных способов предотвращения развития конфликтного сценария необходима тщательная сравнительная экспертиза соответствующего опыта других регионов с адаптацией к местным реалиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Постановление Правительства РФ «О Федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России"» (2014—2020 годы) № 718 от 20 августа 2013 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171732 (дата обращения: 10.12.2014).

² См.: Лица России. Саратовская область. URL: <http://www.rus-nations.ru/regions/saratov> (дата обращения: 09.10.2014).

³ См.: Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России: осень 2013 — весна 2014. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01> (дата обращения: 23.12.2014).

⁴ См.: Проект «Саратовская область: мониторинг изменений» реализуется с 2008 г. АНО «Независимый институт социальных исследований». Ежеквартальный опрос населения 13 районов области (охват 85 % всего населения области). Опрашивается 1 300 чел., погрешность данных составляет не более 3 %.

⁵ См.: Официальный сайт Российского совета по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=618#top (дата обращения: 10.12.2014).

⁶ См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения: 11.12.2014).

⁷ Национальный вопрос: Саратовская и Самарская области. URL: <http://www.regnum.ru> (дата обращения: 20.12.2013).

⁸ Там же.

⁹ См.: В области начали селиться дунгане-овощеводы. URL: <http://news.sarbc.ru:80/main/2008/04/15/78948.html> (дата обращения: 10.12.2014).

¹⁰ См.: В область едут дунгане. URL: <http://news.sarbc.ru/main/2009/12/14/96244.html> (дата обращения: 10.12.2014).

¹¹ См.: Барышная Н.А. Новые этнические группы в Саратовской области: конфликтное измерение // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г.: ежегод. докл. Сети этнолог. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2012.

¹² См.: Областная целевая программа национально-культурного развития народов в Саратовской области (2003—2006 годы). URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/achievements/programs/23040310-381.txt> (дата обращения: 10.12.2014).

¹³ В четверг, 4 сентября, в Марксе состоялось заседание Совета по взаимодействию с национальными и религиозными объединениями. URL: www.sgu.ru/news/2014-09-05/na-zasedanii-soveta-pri-gubernatore-oblasti-vystupil (дата обращения: 10.12.2014).

¹⁴ См.: Меркель А. Попытки построить мультикультурное общество в Германии полностью провалились. URL: <http://www.rbc.ru> (дата обращения: 01.12.2014); Британский премьер-министр осудил политику мультикультурализма. URL: <http://lenta.ru> (дата обращения: 10.12.2014); Саркози признал провал мультикультурализма. URL: <http://lenta.ru> (дата обращения: 01.12.2014).

Поступила 22.01.2015.

N. A. Khazanov. Political Practice of Regulation of Interethnic Relations in a Region

The paper discusses the political aspects of regulation of interethnic relations in the Saratov Region. It substantiates relevance of studying the regional experience and emphasizes that it can become the basis for development of the optimal model for the entire country, which should develop not in the direction of searching universal instruments of regulation of interethnic relations, but in the direction of their acceptable multivariate development. Specific examples taken from the regional practice demonstrate the implications of different strategies of regulation of interethnic relations. The paper assesses the models of ghettoization, colonization, assimilation, and multiculturalism basing on the analysis of the consequences to which they lead in practical implementation.

The author assesses new trends in development of the political mechanisms of regulation of ethnic issues, he examines current factors that determine the level of tolerance and of interethnic tension. In particular, the migration processes, socio-cultural practices, and regulatory and legal circumstances.

In conclusion the author concludes that if the dynamics of migration does not change, tensions in interethnic relations will increase, fear of migrants and other destructive elements will develop and produce still new scenarios of the situation development. The existing problems and potential risks need active search for the ways of harmonizing relations between the host and migrant populations on a variety of levels, and not just the regional one.

Н. И. ИВАНОВ

ПРИРОДНО-СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ ЧЕБОКСАРСКОГО РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: районирование территории, планирование, землеустройство, земельные ресурсы
Key words: zoning a territory, planning, land management, land resources

Статья освещает содержание научно-практических разработок в сфере природно-сельскохозяйственного районирования, которые могут быть использованы в ходе планирования рационального землепользования на уровне муниципального района.

The paper deals with the content of scientific and practical developments in the field of natural agricultural zoning, which can be used in planning sustainable land management at the municipal district level.

Исследование и оценка природных, социально-экономических, экологических условий землепользования, выявление предельно общих тенденций его развития, изменений результативности сельскохозяйственного производства в связи со сменой природно-климатических зон и уровня ресурсообеспеченности выступают главной предпосылкой качественного обоснования перспективных направлений использования земельных ресурсов¹.

Пространственные особенности агроресурсных условий землепользования выявляются природно-сельскохозяйственным районированием, предусмотренным Федеральным законом «О землеустройстве» от 18 июня 2001 г. № 78-ФЗ, которое представляет собой разбивку территории с учетом закономерностей распределения природных и экономических

ИВАНОВ Николай Иванович, доцент кафедры землеустройства Государственного университета по землеустройству, кандидат экономических наук (г. Москва).

IVANOV Nikolai Ivanovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Land Use Planning, State University of Land Use Planning (Moscow, Russian Federation).

факторов производства в системе таксономических единиц, позволяя при этом структурировать и идентифицировать ее для анализа существующей ситуации и прогнозного обоснования организации использования земель на более устойчивых тенденциях. Для аграрного землепользования это один из важных инструментов планирования и основа для разработки плановой и проектной документации по использованию земель сельскохозяйственного назначения.

Обзор исследовательских источников свидетельствует о широком спектре работ по районированию и зонированию сельских территорий, где ученые и специалисты различных отраслей знаний транслируют свое видение проблем дифференциации сельскохозяйственных земель. Предлагаемые разработки природно-сельскохозяйственного районирования мировая наука разделяет по типовым подходам: агроэкологический, эколого-ландшафтный, эколого-экономический, кластерный, бассейновый².

В большинстве рассматриваемых схем районирования выделение ареалов осуществляется главным образом на примере отдельных признаков. Мы согласны с тем, что попытки построения землеустроительной типологии территории будут более состоятельными при учете комплекса факторов землепользования, так как в использовании земель действует множество тенденций, часто противоположных по своей направленности и весомости³.

Попробуем разработать природно-сельскохозяйственного районирование на основе изучения комплекса факторов землепользования в условиях Чебоксарского района Чувашской республики: агроклиматических, почвенных, агроландшафтных, факторов продуктивности угодий. Значительная часть сельскохозяйственных угодий Чувашской Республики в соответствии с геоэкологическим анализом и кадастровой оценкой считается благоприятной для сельскохозяйственного производства⁴.

По теплообеспеченности республика относится к умеренному поясу, а по увлажнению — к незначительно засушливой подзоне засушливой зоны (гидротермический коэффициент составляет 1,1—1,2). На территории Чувашии выделены три агроклиматических района: Северный прохладный, Центральный умеренно теплый, Южный теплый. Чебоксарский район попадает в северный прохладный агроклиматический

район, наименее обеспеченный теплом. Сумма положительных температур выше 10 °С составляет менее 2 100 °С. Годовое количество атмосферных осадков составляет около 680 мм. Этот район характеризуется достаточным увлажнением (лесостепная и степная зоны). Здесь в результате сбалансированности поступления тепла и влаги создаются наилучшие условия для почвообразования.

Чебоксарский район имеет сложный почвенный покров. По материалам почвенных обследований, на его территории выделено 14 типов почв, которые объединяют 327 разновидностей. В почвенном покрове сельскохозяйственных угодий района преобладают серые и светло-серые лесные почвы, аллювиальные дерновые, дерново-подзолистые и дерновые овражно-балочные почвы. Остальные типы почв занимают сравнительно небольшие площади⁵. Дерново-подзолистые почвы формируются на надпойменных террасах реки Волги. Почвообразующими породами для них являются супеси и пески. Мощность гумусового горизонта 10—20 см. Эти почвы характеризуются низким потенциальным плодородием.

Светло-серые лесные почвы сформировались под широколиственными дубово-липовыми лесами с травяным покровом. Они менее подвержены дерновому процессу, содержат мало гумуса, питательных веществ для растений и близки по своим свойствам к дерново-подзолистым почвам. Мощность гумусового горизонта равна 37—44 см. Серые лесные почвы формируются под широколиственными лесами с подлеском и травяным покровом. В отличие от светло-серых лесных почв, они характеризуются большей аккумуляцией гумуса, менее резким его убыванием с глубиной. Мощность гумусового горизонта составляет 30—47 см.

Аллювиальные дерновые почвы сформировались на пониженных участках прирусловой поймы, на ее переходах к центральной пойме и на понижениях центральной поймы. Характеризуются хорошими условиями увлажнения, значительными запасами питательных веществ и, следовательно, высоким потенциальным плодородием. Мощность гумусового горизонта — 40—80 см. Дерновые овражно-балочные почвы образуются по днищам и откосам оврагов и балок. Они подвержены процессам водной эрозии, обладают незначительным потенциальным плодородием. Характеризуются укороченным почвенным профилем, где под маломощной

(2—3 см) дерниной залегает слегка слоистый с ржаво-охристыми пятнами и прожилками горизонт, который переходит в почвообразующую породу.

Анализируя расположение преобладающих типов почв, можно сделать следующую разбивку на районы: северная Заволжская зона (почвы под лесной растительностью), северо-восточная, юго-западная и центральная зоны.

На территориях сельскохозяйственных предприятий Чебоксарского района была произведена оценка производственной способности орошаемых и неорошаемых пастбищ, сенокосов, пастбищ и в целом земель сельскохозяйственного назначения. В оценке земель учтены: выход валовой продукции, окупаемость затрат, дифференциальный доход, выход кормовых единиц, фондоемкость, прямые затраты⁶. В результате выделены три класса земель: I класс (земли выше среднего качества), II класс (земли среднего качества), III класс (земли ниже среднего качества).

Для использования адаптивно-ландшафтных систем земледелия с почво- и ресурсосберегающими технологиями обработки почв и возделывания сельскохозяйственных культур на материалах Чебоксарского района проведено агроландшафтное районирование территории, согласно которому выделены три агроландшафта.

Ветлужско-Кокшагский район занимает низменное левобережье Волги. Характеризуется широким развитием дерново-подзолистых почв. Под покровом хвойных лесов на древнеаллювиальных рыхлых песках развиты дерново-слабоподзолистые и дерново-среднеподзолистые песчаные почвы. Зональный тип почв сформировался под покровом хвойно-широколиственных лесов южно-таежной подзоны, и на дерновый процесс наложился более молодой по времени процесс оподзоливания.

Чебоксарский возвышенно-равнинный район со зрелым эрозионным ландшафтом. Располагается по правому берегу реки Волги, занимая полосу шириной от 20 до 45 км. Рельефообразующими породами на территории района являются породы пермской и юрской систем, перекрытые чехлом четвертичных отложений. На севере и северо-востоке из коренных пород наиболее широко распространены отложения татарского яруса. Они представлены розово-красными глинами, пестроцветными мергелями, доломитами и известняками.

В отдельных местах на северо-востоке в строении рельефа принимают участие карбонатные породы казанского яруса. На юго-западе и западе района ведущая роль в геологическом строении принадлежит юрским песчано-глинистым отложениям. Четвертичные делювиально-аллювиальные отложения слагают главным образом речные долины, древние балки и нижние части склонов водоразделов.

Цивиль-Кубнинский возвышенно-равнинный лесостепной район эрозионного ландшафта проходит по югу Чебоксарского района. Рельефообразующими породами являются верхнепермские отложения. Водоразделы сложены пестроцветными глинами и мергелями татарского яруса, а в долинах рек обнажаются известняки и доломиты казанского яруса.

При построении границ природно-сельскохозяйственных районов с учетом изученных условий землепользования выделены шесть природно-сельскохозяйственных районов для земель Чебоксарского района Чувашской Республики.

Северный природно-сельскохозяйственный район преимущественно природно-рекреационного освоения. В него входят Вурман-Сюктерское, Синьяльское и заволжская часть Атлашевского сельских поселений. Район богат живописными местами. Одним из них является район Заволжья, который славится уникальной природой. Сосновые леса обладают целебными и оздоровительными свойствами. В природном парке «Заволжье» имеются озера Светлое, Изъяр, Когояр, Большое Лебединское. На территории района расположены санаторно-курортные комплексы: ОАО «СКК "Волжанка"», ЗАО «СКК "Солнечный берег"», ООО «Санаторий "Волжские зори"», Санаторий «Березовая роща», ОАО «ЧАЗ», ЗАО «Санаторий "Волга"», ЗАО «Санаторий-профилакторий "Утес"», РГОУ «Реабилитационный центр для ветеранов и инвалидов».

Центральный природно-сельскохозяйственный район преимущественно сельскохозяйственного освоения. В него вошли Лапсарский и Шинерпосинский сельские поселения. На территории района действуют такие крупные предприятия, как ОАО «Чувашский бройлер», ООО «Чебоксарская птицефабрика», ОАО «Лапсарская птицефабрика». Район характеризуется производством мяса цыплят и гусей, яиц, колбасных изделий.

Южный природно-сельскохозяйственный район преимущественно сельскохозяйственного освоения. В район вошли Ишакское и Сарабакасинское сельские поселения. Южный район «изрезан» реками Унга, Кашканарка, Кунар, Имгерсирма, Уотнер-Шерши. Территория подвергается сильной водной эрозии. В связи с природными условиями СХПК «Слава» и СХПК «Дружба», расположенные здесь, находятся в убытке. Основную прибыль району приносят ООО «СТАЛТА» (завод стальной тары) и ОАО «ЧВФ» (ватная фабрика).

Центральный природно-сельскохозяйственный район пос. Кугеси преимущественно промышленного освоения.

Важное место в экономике муниципального образования «Чебоксарский район» занимает промышленное производство, которое представлено пятью предприятиями: ЗАО «Чебо-комплект», МУП «Теплоэнергосети», ЗАО «Басон-Лента», ЗАО «Фирма художественных промыслов "Паха тере"», ООО «Чебоксарская вода».

Юго-западный природно-сельскохозяйственный район преимущественно сельскохозяйственного освоения. В район входят Большекатрасьское, Синьял-Покровское, Ишлейское, Кшаушское, Яншыское и Чиршкасинское сельские поселения. Район благоприятен для возделывания сельскохозяйственной продукции. В него входят 7 крупных организаций АПК Чебоксарского района: СХПК «Искра», ПСХК «Ишлейский», СХПК «Сад», СХПК «Туруновский», ЗАО «Прогресс», ФГУП УОХ «Приволжское» ЧГСХА, СПК «Пучах». Предприятия специализируются на выпуске мясо-молочной продукции, зерна, овощей. Сельскохозяйственные угодья состоят преимущественно из пашни и пастбищ. Также на территории района функционируют и приносят значительную прибыль ООО «ИЗВА» — Ишлейский завод высоковольтной аппаратуры и ЗАО «ЧЭМЗ» — Чебоксарский электромеханический завод.

Юго-восточный природно-сельскохозяйственный район преимущественно сельскохозяйственного освоения. В него входят Сирмапосинское, Атлашевское, Акулевское, Атлашевское, правобережная часть Синьяльского сельского поселения. На территории района благоприятно развивается ряд сельскохозяйственных организаций: колхоз «1 Мая», колхоз им. Свердлова, СХПК «Атлашевский», СХПК им. Куйбышева, СХПК им. В. И. Ленина, СХПК им. И. Г. Кадыкова.

Предприятия специализируются на производстве мяса КРС, свинины, молока, зерна и овощей. Наиболее перспективным является СХПК «Атлашевский». На его территории находятся такие предприятия, как ОАО «Агарикус» (выращивание грибов и грибницы), ЗАО «Агрофирма "Ольдеевская"» (выращивание овощей, цветов), Атлашевский завод плодово-овощных консервов.

Все отмеченное позволяет подготовить предложения по выработке обоснованных направлений рационального использования и охраны земель, определению преимущественной специализации сельскохозяйственного производства и формированию состава мероприятий по максимально полному использованию потенциала сельских территорий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Арсентьев Н.М., Доленко Д.В. Проблема модернизации России в контексте цивилизационного и геополитического выбора // Гуманитарий: актуал. проблемы гуманитар. науки и образования. 2010. № 2. С. 2—13.

² См.: Голованов А.И., Кожанов Е.С., Сухарев Ю.И. Ландшафтоведение: учеб. пособие для студентов вузов. М.: КолосС, 2005. 216 с.; Гераскин М.М., Кудашкин М.И. Основные параметры эффективности агроландшафтной организации территории региона // Регионология. 2006. № 3. С. 225—231; Сорокина О.А., Петрова Л.Е. Современное состояние ползащитных лесных насаждений в Российской Федерации // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2014. № 12. С. 23—27; Семочкин В.Н., Иванов Н.И., Семочкин И.В. Разработка проектов землеустройства сельскохозяйственных организаций на основе землеустроительного зонирования сельских территорий // Там же. 2013. № 6. С. 61—67.

³ См.: Мурашева А.А., Лепехин П.А. Зонирование территорий в концепции сбалансированного устойчивого развития поселений региона // Там же. 2006. № 10. С. 24—28.

⁴ См.: Усова А.А. Планирование и организация рационального использования земель сельскохозяйственного назначения Чебоксарского района Чувашской Республики: материалы дипломного проектирования. М.: ГУЗ, 2013. 132 с.

⁵ См.: Иванова Н.А. Повышение эффективности управления земельными ресурсами сельских поселений: дис. ... канд. экон. наук. М., 2013. 156 с.

⁶ См.: Дринев С.Э., Ильина Т.А., Васильев О.А., Ершов М.А., Баясний В.И., Попова Н.Н., Димитриев А.В. Атлас земель сельскохозяйственного назначения Чувашской республики: атлас-моногр. Чебоксары, 2007. 184 с.

Поступила 17.02.2015.

**N. I. Ivanov. Natural Agricultural Zoning
in the Cheboksary district of the Chuvash Republic**

Natural agricultural zoning of regions is provided for by the Federal Law № 78-FZ "On land management" of 18 June 2001 and is about division of the territory according to distribution of natural and economic factors of production in the system of taxonomic units, allowing to structure and identify the territory, to analyze the existing situation and to implement predictive study of organization of land use in more sustainable trends. It is one of the most important tools of planning for agricultural land use and a basis for development of planning and design documentation on the use of agricultural land.

The paper presents the development of natural agricultural zoning based on the study of a set of factors of land use in circumstances of the Cheboksary district of the Chuvash Republic: the agro-climatic, soil, agro-landscape, and the factors of lands productivity. In the territories of agricultural enterprises in the Cheboksary district, the productive capacity of agricultural lands was assessed. As a result, classes of lands were singled out according to the degree of quality, and proposals on the priority and most appropriate use of the territory were given.

Generalization of the presented characteristic allows preparing proposals for development of reasoned directions of rational use and protection of land, and defining the primary specialization of agricultural production, as well as forming various measures for maximum use of the potential of the rural areas.

**А. Н. ЕРШОВ,
Э. Ш. АХМЕТОВА** **НАПРАВЛЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЭКОСИСТЕМЫ МОНОГОРОДА
КАК ФАКТОРА ПОВЫШЕНИЯ
КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**

Ключевые слова: качество жизни населения, экосистема города, регулирование экосистемы, моногород Набережные Челны

Key words: quality of life of the population, ecosystem of a city, management of an ecosystem, the single-industry town of Naberezhnye Chelny

В статье рассматриваются возможные направления совершенствования процесса влияния экосистемы на качество жизни городского населения в моногороде, представлена модель межсубъектного взаимодействия в экологическом поле моногорода.

The paper discusses possible ways of improving the process of an ecosystem's influence on the quality of life of the urban population in a single-industry town; it presents a model of intersubjective interaction in the environmental field of a single-industry town.

Отечественная социологическая наука во многом реализует «управленческий» подход к оценке развития экосистемы, в то время как совершенно недооцениваются закономерности города как самоорганизующейся, саморегулирующейся социально-территориальной системы¹. По справедливому замечанию А. Л. Куравина, исследующего эколого-управленческий потенциал региона, состояние социоприродной среды зависит не только от биоразнообразия, но и от разнообразия

ЕРШОВ Андрей Николаевич, профессор кафедры государственного муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета, доктор социологических наук.

АХМЕТОВА Эльмира Шамсельбаяновна, старший преподаватель кафедры географии и методики ее преподавания Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов.

ERSHOV Andrei Nikolayevich, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of State Municipal Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation).

АХМЕТОВА Elmira Shamselbayanovna, Senior Lecturer at the Department of Geography and Methodology of Teaching It, Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Pedagogical Technologies and Resources (Naberezhnye Chelny, Russian Federation).

и зрелости культуры социума, степени достижения ко-эволюции — гармонизации отношений природы и человека. С этой целью, полагает ученый, необходимо проведение социально-экологического мониторинга по ряду направлений².

Объектом управленческого воздействия в нашем случае является качество жизни населения моногорода, а средством воздействия — экосистема моногорода, оказывающая влияние на качество жизни. Иными словами, воздействуя на развитие экосистемы и гармонизируя отношения «человек — экосистема», субъект управления тем самым осуществляет влияние на процесс улучшения качества жизни населения моногорода.

Совершенствование качества жизни населения в условиях монопромышленного города Набережные Челны через регулирование экосистемы города предполагает несколько групп процессов, лежащих в основе целенаправленного воздействия: улучшение демографических данных через совершенствование показателей здоровья и продолжительности жизни населения; улучшение социального здоровья; создание условий для комфортного отдыха и восполнения физических и душевных сил горожан.

Важнейшим направлением улучшения качества жизни населения моногорода через сохранение и укрепление экосистемы является улучшение демографических показателей. Особую значимость здесь имеют повышение продолжительности жизни населения и укрепление социального здоровья. В связи с этим планировка городской экосистемы напрямую влияет на этот параметр качества жизни: строительство спортивных объектов, расширение зон отдыха, озеленение микрорайонов города выступают приоритетными направлениями регулирования городской экосистемы.

В контексте оптимизации городской экосистемы важным регулятором качества жизни населения становится создание комфортных условий проживания и отдыха, организация рекреационных зон, расширение возможностей культурного саморазвития горожан. Возможность посещать культурные мероприятия — один из критериев качества жизни населения города. Он показывает, насколько у горожан развиты эти потребности, а также наличие объективных возможностей для их реализации.

Для изучения влияния городской экосистемы на качество жизни горожан через отдельные компоненты системы мы провели социологическое исследование «Экомимтема как фактор качество жизни населения моногорода». В качестве методов сбора первичной социологической информации использовались: массовый опрос по репрезентативной выборке с охватом всех основных категорий жителей г. Набережные Челны с соблюдением квот по полу и возрасту, экспертный опрос руководителей промышленных предприятий города и организаций, обслуживающих его инфраструктуру.

Генеральная совокупность определялась на основе данных государственной статистики о численности населения города в возрасте от 18 лет и старше (официальные данные переписи населения 2010 г.). Объем выборочной совокупности составил 450 чел. Отбор экспертов (12 чел.) осуществлялся методом «снежного кома». В число экспертов вошли руководители крупных промышленных предприятий города и организаций, обслуживающих его инфраструктуру. Критериями отбора экспертов послужили: руководящая должность, стаж работы на данном предприятии не менее 3 лет, компетентность в вопросах регулирования экологической среды промышленными предприятиями.

Наши исследования, отраженные в табл. 1, показывают, что жители города возможностями проведения культурного досуга скорее не удовлетворены: 50 % из них отмечают, что хотели бы чаще посещать культурные мероприятия.

Таблица 1

Ответ горожан на вопрос «В какой мере Вы имеете возможность посещать культурные мероприятия — концерты, выставки, театры, кинотеатры?», %

Вариант ответа	Доля ответивших, %	
	2005 г.	2012 г.
Имею достаточно возможностей	19,8	21,5
Хотелось бы иметь больше возможностей	48,6	51,2
Возможности ограничены	31,6	27,3
Все опрошенные	100,0	100,0

Сдерживают горожан в возможности посещения культурных мероприятий, как правило, объективные факторы: недостаток времени и средств (в общей сложности — более 80,0 %). Это указывает на высокую степень занятости жителей и загруженность их работой наряду с невысокими

заработками, что само по себе не является показателем высокого качества жизни (табл. 2).

Таблица 2

Ответ горожан на вопрос «Если полагаете, что возможностей для посещения культурных мероприятий, объектов недостаточно, то что Вас ограничивает?», %

Вариант ответа	Доля ответивших, %	
	2005 г.	2012 г.
Недостаток времени	43,6	49,7
Недостаток средств	47,5	43,2
Отсутствие компании	8,9	7,1
Все опрошенные	100,0	100,0

Результаты исследований, регулярно проводимых в г. Набережные Челны, позволяют констатировать недостаток таких компонентов культурно-досуговой сферы, как музеи и выставочные залы (29,8 %), театры (26,5 %) и кружки по интересам (26,0 %). Молодежные клубы востребованы у 16,9 % опрошенных. Каждый десятый житель города считает недостаточным количество библиотек (10,9 %) и домов культуры (10,6 %). Можно с уверенностью сказать, что достаточно полно развита сеть кинотеатров, кафе, ресторанов, бильярдных клубов и боулинга, так как потребность в этих учреждениях у жителей достаточна минимальна (6,3, 2,8 и 2,3 % соответственно)³. Таким образом, планирование городской экосистемы с точки зрения повышения возможностей ее влияния на культурное развитие горожан явно слабое.

Важным направлением развития экосистемы, с точки зрения ее влияния на качество жизни горожан, является создание условий для развития ее саморегуляции. Формирование саморегулирующейся экосистемы напрямую восходит к вопросам проектирования и строительства экополиса и подразумевает экологизацию деятельности человека во всех направлениях. Однако, по мнению Н. А. Васильевой, строительство подобных экополисов пока не представляется возможным в силу господства потребительского отношения человека к природе и наличия у него потребностей к максимальному использованию всех благ цивилизации⁴.

Правовое регулирование экологического развития города — одно из ведущих направлений развития качества жизни горожан через регулирование экосистемы. На современном этапе цели и задачи экологической политики

в городе крайне сужены и ограничиваются локальными проблемами, не затрагивая основополагающих принципов природопользования, а сама экологическая политика понимается достаточно узко.

Усиление влияния субъектов экосистемы на качество жизни горожан должно происходить, по мнению экспертов, «через построение понятного и четкого взаимодействия». В связи с этим следующим направлением регулирования городской экосистемы выступает создание механизма управления экосистемой как процесса многостороннего взаимодействия на основе принципа социального партнерства. Важная роль здесь отводится общественности (гражданам и их объединениям, движениям). Результаты опроса экспертов показывают, что роль общественных объединений и движений экологической направленности крайне низка: «А какие у нас есть экологические организации? Я не знаю о таких» (Инт.); рядовые горожане в большинстве (65,0 %) также затруднились назвать организации, реализующие функции проэкологической деятельности в городе.

Одна из значимых целей в процессе улучшения качества жизни населения через регулирование экосистемы моногорода — воздействие на ее ментальный компонент, т. е. экологизация массового и профессионального сознания. Ведущую роль в этом процессе играет система образования и воспитания, которая нуждается в реформировании.

Другое направление регулирования экосистемы — планирование социально-экологического развития города с привлечением к процессу всех субъектов экосистемы. Модель межсубъектного взаимодействия в экологическом поле представляет собой процесс организации социального партнерства между субъектами экосистемы: муниципальной властью, бизнес-сообществом, в том числе руководителями промышленных предприятий, общественными организациями, СМИ и населением. Через создание тесного взаимодействия между указанными субъектами осуществляется укрепление экологического сознания субъектов (ментальная подсистема экосистемы), что реализуется через проэкологическое поведение. Эффект от такого поведения воздействует на природную и артефактную подсистемы экосистемы путем их регулирования. Конечный эффект образуется в повышении качества жизни населения.

Важным компонентом социально-экологического управления в регионе является создание и реализация социально-экологического мониторинга. Мы полагаем, что его проведение как комплексной процедуры должно иметь тесную связь с разработанной системой показателей качества жизни населения, выступающих критериями состояния городской экосистемы. Социологическая информация играет большую роль в принятии управленческих решений. Однако информированность в данном аспекте органов городской власти и управления недостаточна. Поэтому с дальнейшим совершенствованием управления актуализируется задача создания научно обоснованной системы информирования органов управления, а следовательно, развитие социологических служб.

Большое значение имеет планирование социально-экологического развития как отдельного направления. В ходе разработки и реализации перспективных планов обеспечивается комплексное развитие территории, взаимообусловленность производственных и социальных вопросов, оптимальное использование демографического, экологического, производственного, научно-технического и человеческого потенциалов. Этим достигается взаимосвязанное решение проблем качества жизни и эффективности деятельности городского хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гиндуллин Н.Ф. Проблемы регулирования экологической системы современного города: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 1995. С. 22.

² См.: Куравин А.Л. Социально-экологический мониторинг в управлении социоприродной средой региона: на материалах Белгородской области: дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2009. С. 171.

³ См.: Общественное мнение о социально-экономической ситуации в г. Набережные Челны. Исследования Центра маркетинговых исследований и аналитики. URL: <http://www.marketing-research2002.ru/2013/02/28/obshhestvennoe-mnenie-o-socialno-yeconomicheskoy.html> (дата обращения: 12.12.2013).

⁴ См.: Васильева Н.А. Современный город как специфическая социо-экосистема: проблемы и перспективы // Вестн. Иркут. гос. с.-х. академии. 2013. № 58. С. 158.

Поступила 27.02.2015.

A. N. Ershov, E. Sh. Akhmetova. Areas of Regulation of a Single-Industry Town's Ecosystem as a Factor of Improving the Quality of Life of Its Population

The paper analyzes possible ways of improving the influence of an ecosystem on the quality of life of the urban population in a single-industry town. The authors develop a model of inter-subject interaction in the environmental field.

Improving the quality of life in a single-industry town through regulation of the ecosystem of the town involves solution of several issues. An important area of development of an ecosystem is setting up the conditions for development of its self-regulation. Formation of a self-regulating ecosystem directly traces back to the issues of designing and constructing an 'ecopolis' and involves 'ecologization' of human activity in all areas. Another direction of regulation of an urban ecosystem is establishment of a mechanism for managing an ecosystem as a process of multilateral cooperation based on the principle of social partnership.

One of the most important objectives in the process of improving the quality of life of the population through regulating an ecosystem of a single-industry town is the impact on the mental component, i. e. ecologization of mass and professional consciousness. The leading role in this process is played by the system of education and upbringing which needs to be reformed. Another area of regulation of an ecosystem is planning the socio-ecological development of a town with the involvement of all actors in the ecosystem. The model of inter-subject interaction in the environmental field is the process of organizing social partnership between actors in the ecosystem: municipal authorities, business community including the heads of industrial enterprises, public organizations, mass media, and the population. In the process of interaction between these actors, environmental consciousness of the subjects (mental subsystem of the ecosystem) is strengthened, what is done through pro-environmental behavior. The effect of the pro-environmental behavior influences the natural and the artifact subsystems of an ecosystem by regulating them. The ultimate effect is in the improved quality of life of the population.

**П. В. ДРУЖИНИН,
Г. Т. ШКИПЕРОВА,
Е. А. ПРОКОПЬЕВ** **ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
КЛИМАТА НА СЕЛЬСКОЕ
ХОЗЯЙСТВО РОССИЙСКИХ
РЕГИОНОВ¹**

Ключевые слова: сельское хозяйство, экономический рост, изменение климата, урожайность, зерновые, картофель, овощи

Key words: agriculture, economic growth, climate change, crop yield, cereals, potatoes, vegetables

В статье исследуется влияние изменения климатических условий на развитие сельского хозяйства российских регионов. В результате построены модели, позволившие оценить влияние изменений климата на урожайность различных сельскохозяйственных культур.

The paper examines the impact of changing climatic conditions on the development of agriculture of Russia's regions. As a result, models are constructed, which allow to evaluate the influence of climate change on productivity of different crops.

ДРУЖИНИН Павел Васильевич, заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра РАН, доктор экономических наук (г. Петрозаводск).

ШКИПЕРОВА Галина Тимофеевна, старший научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра РАН, кандидат экономических наук, доцент (г. Петрозаводск).

ПРОКОПЬЕВ Егор Александрович, младший научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра РАН, кандидат экономических наук (г. Петрозаводск).

DRUZHININ Pavel Vasilievich, Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics of the Karelian Research Center of the RAS (Petrozavodsk, Russian Federation).

SHKIPEROVA Galina Timofeyevna, Candidate of Economic Sciences, Docent, Senior Research Officer at the Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics of the Karelian Research Center of the RAS (Petrozavodsk, Russian Federation).

PROKOPIEV Egor Aleksandrovich, Candidate of Economic Sciences, Research Assistant at the Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics of the Karelian Research Center of the RAS (Petrozavodsk, Russian Federation).

© Дружинин П. В., Шкиперова Г. Т., Прокопьев Е. А., 2015

Проблема исследований влияния изменений климата на экономику в течение двух последних десятилетий является одной из самых актуальных тем для ученых разных стран. Этот процесс имеет негативные и позитивные последствия, причем в период 2007—2014 гг. количество научных подтверждений значимости последствий изменения климата удвоилось. Для бедных стран, в которых быстро увеличивается численность населения, основной проблемой станет продовольственная безопасность, поскольку прогнозируется снижение урожайности кукурузы, риса и пшеницы на 25 % к 2050 г., улов рыбы в некоторых регионах может упасть на 50 %. Быстро растет количество стихийных бедствий и ущерб от них. По прогнозам, развивающимся странам на предупреждение возможных рисков потребуется от 70 до 100 млрд долл. в год². Позитивные последствия изменения климата связаны с возможным ростом урожайности различных сельскохозяйственных культур, развитием новых отраслей сельского хозяйства в северных и горных регионах, с переходом на более урожайные и теплолюбивые культуры. В связи с этим одними из ключевых задач становятся анализ и оценка взаимосвязи и взаимовлияния климатических факторов и производства сельскохозяйственной продукции³. Понимание такого влияния имеет большое значение для построения эффективной государственной экономической политики.

Многочисленные исследования последствий изменения климатических условий основаны на использовании глобальных климатических моделей и моделей урожайности различных сельскохозяйственных культур, причем в последнее время все больше работ посвящено изучению последствий климатических изменений на региональном и местном уровнях⁴. Изучение северных и горных регионов США и Канады показало, что в них возможен рост урожайности за счет улучшения климатических условий и смены культур на более урожайные и требовательные к теплу, в то же время в большинстве южных регионов США доходность сельского хозяйства снижается⁵.

Похожая ситуация наблюдается и в Европе, где проводились исследования на региональных данных по климату, почвам и социально-экономическим показателям в разрезе почти 40 тыс. фермерских хозяйств стран ЕС. Было по-

казано, что доходность хозяйств в Южной Европе будет снижаться на 8—13 % при повышении температуры на один градус, несмотря на ожидаемые новые технологии и культуры⁶. В северных странах урожайность может возрасти⁷. В некоторых горных странах (Швейцария) потепление в отдельных регионах не оказало существенного влияния на урожайность. Значительную роль здесь сыграл менеджмент⁸.

Проблемы обеспечения продовольствием важны для Китая, поэтому в разных регионах активно проводились исследования влияния изменений климата на урожайность, которые показали, что на большей части пахотных земель урожайность хотя бы одной из четырех основных культур (рис, пшеница, кукуруза и соя) снижается⁹. Наибольшие потери наблюдались в производстве пшеницы и кукурузы: в период 1951—2002 гг. его объемы снижались на 120 и 212 тыс. т соответственно каждые десять лет. В то же время объемы производства риса и сои в Китае увеличивались в среднем на 320 и 70 тыс. т за десятилетие¹⁰. Урожайность кукурузы и пшеницы наиболее сильно снижалась в южных провинциях, а рост урожайности риса и сои наблюдался в северо-восточных и северных провинциях. Ожидается, что эти тенденции сохранятся и под влиянием потепления, урожайность риса в северо-восточных провинциях будет возрастать на 0,8 % за десятилетие¹¹.

Влияние климатических изменений на сельскохозяйственное производство в России исследовалось в различных работах¹². Основное внимание было уделено зерновым культурам и было показано, что для регионов и культур существуют значительные различия. В отличие от других стран, заметный положительный эффект для зерновых наблюдается в части южных регионов, отрицательный — в большинстве центральных. Надо отметить, что для озимой пшеницы положительный эффект был отмечен во всех регионах¹³. Решение проблемы адаптации к меняющимся климатическим условиям потребует технических и институциональных инноваций, которые будут способствовать увеличению производства продовольствия¹⁴.

Для оценки влияния климатических изменений на сельское хозяйство были определены климатические зоны, в которых отмечаются близкие значения температуры и осадков. Всего нами было определено шесть зон со среднегодовой

температурой от -5 до 0 °C, от 0 до $+5$ °C (две зоны — восточная и западная в зависимости от суммарных осадков и других характеристик), от $+5$ до $+10$ °C и свыше $+10$ °C (две зоны — юго-восточная и северо-западная в зависимости от суммарных осадков и других характеристик). Регионы с низкой температурой и незначительной долей сельского хозяйства не рассматривались. Если регион оказывался по температуре и осадкам в разных интервалах, то чаще выбор зоны осуществлялся по температуре. Детально рассматривалась зона, ограниченная среднегодовой температурой от 0 до $+5$ °C и осадками от 550 до 700 мм в год, к которой были отнесены 23 региона.

В ходе исследований построен ряд моделей урожайности в зависимости от климатических, агротехнических и социально-экономических характеристик. Проанализированы: средняя температура, сумма активных температур и суммарные осадки за разные периоды (за год, сезон, отдельные месяцы), внесение минеральных и органических удобрений на гектар посевов, объем и динамика инвестиций в сельское хозяйство, динамика валового регионального продукта (ВРП) в сопоставимых ценах и некоторые другие показатели.

Расчеты по линейной функции проводились с включением квадратичной зависимости от температуры и осадков. Предполагалось, что есть оптимальные значения температуры и осадков, при отклонении от которых урожайность снижается¹⁵:

$$Y(t) = A(t) + a \times T^2(t) + b \times T(t) + c \times R^2(t) + d \times R(t) + e \times M(t) + f \times X_i(t), \quad (1)$$

где Y — урожайность, A — нейтральный технический прогресс, T — температура, R — осадки, M — объем внесенных удобрений относительно 1990 г., X_i — социально-экономические и прочие характеристики, t — год, a , b , c , d , e , f — определяемые в ходе расчетов параметры.

Если оптимальное значение не удавалось высчитать, это означало, что оно находится за пределами рассматриваемого интервала, тогда расчеты проводились по линейной зависимости при $a = 0$ и $c = 0$. Расчеты также осуществлялись по линейной приростной функции:

$$\Delta Y(t) = B(t) + a \times \Delta T(t) + b \times \Delta R(t) + c \times \Delta X(t), \quad (2)$$

где ΔY — прирост урожайности относительно предыдущего года, ΔT — прирост температуры относительно предыду-

щего года, ΔR — прирост количества осадков относительно предыдущего года, ΔX — прирост социально-экономических и прочих характеристик.

В расчетах использовалась информация, полученная из статистических справочников ФСГС, а также институтами РАН, ВНИИГМИ-МЦД и другими организациями и ведомствами¹⁶.

Исследование проводилось на данных по урожайности зерновых, картофеля и овощей по динамическим рядам, пространственным и панельным данным за 1990—2013 гг. По трем основным культурам были построены уравнения с использованием стандартных статистических пакетов.

Урожайность зерновых снижалась до начала 2000-х гг., затем стала расти, что близко к динамике ВРП Карелии, Марий Эл, Мордовии, Чувашии. Зерновые выращивают сельскохозяйственные предприятия, значит, для этих регионов должны быть значимы происходившие изменения в уровне менеджмента и технологий (они в значительной степени определяются ВРП на душу населения), также на наблюдаемую динамику урожайности зерновых повлияло изменение посевных площадей. Расчеты по панельным данным для западной части исследуемой зоны показали, что если рассматривать регионы отдельно, то у каждого из них урожайность с повышением температуры падает, а урожайность у региона с более высокой средней температурой выше. Расчеты по функции (2) показали отрицательное влияние и значимость температуры для урожайности (t -статистика превышает 2). В 2010 г. во всех регионах было резкое падение урожайности. Видимо, с ростом температуры нужно переходить на другие сорта и культуры, более урожайные и теплолюбивые.

Урожайность картофеля в 1990-х гг. в Карелии, Марий Эл, Мордовии, Чувашии изменялась достаточно хаотично, колебалась, не имея какой-либо тенденции. Положительные изменения в экономике в начале 2000-х гг. привели к небольшому и непродолжительному росту урожайности. Возможно, отсутствие стабильного роста связано с высокой долей в производстве картофеля личных подсобных хозяйств, в которых отсутствуют технологические изменения. Также надо отметить сильное падение урожайности в 2010 г. в восточной части исследуемой зоны.

Анализ зависимости (1) от климатических условий показал, что урожайность картофеля заметно увеличивается с ростом активной температуры и снижением суммарных осадков. Использование в уравнении в качестве фактора активных температур (вместо средних) дает более ясную картину и более высокие статистические характеристики. Расчеты по формуле (2) подтвердили значимость снижения осадков для роста урожайности.

Динамика урожайности овощей отличается от других культур: после непродолжительного спада в начале 1990-х гг. она стала расти во всех указанных регионах, за исключением Мордовии. Увеличение урожайности в значительной степени связано с вложением инвестиций в освоение современных технологий сельскохозяйственными предприятиями. Анализ зависимости урожайности от климатических условий (1) показал, что с увеличением средней и активной температуры у овощей она растет. Расчеты по формуле (2) подтверждают это: потепление ведет к росту урожайности овощей, но статистические характеристики не позволяют говорить о значимости последнего фактора.

Таким образом, проверка гипотезы о положительном влиянии климатических изменений на урожайность сельскохозяйственных культур нашла лишь частичное подтверждение для исследуемой зоны. Рост урожайности за счет потепления климата для зерновых будет незначителен. Для картофеля и овощей изменение климата ведет к некоторому росту урожайности в пределах 5—10 % в разных сценариях. Большой эффект дадут: повышение уровня менеджмента и переход к более современным технологиям, изменение структуры посевных площадей, постепенный сдвиг на север выращиваемых культур, переход к позднеспелым и более урожайным сортам и к новым, более теплолюбивым культурам, что требует уже сейчас увеличения вложений в сельскохозяйственную науку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-22-18005а/Fin).

² См.: Climate Change 2014: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. URL: <http://www.ipcc.ch/report/ar5/wg2> (дата обращения: 18.08.2014).

³ См.: Еремина О.И. Управление рисками в аграрном секторе региона // Регионология. 2011. № 3. С. 164—169.

⁴ См.: Dell M., Jones B.F., Olken B.A. What Do We Learn from the Weather? The New Climate-Economy Literature. URL: http://scholar.harvard.edu/files/dell/files/131018_climatejel_manuscript_master_-_post.pdf (дата обращения: 04.09.2014).

⁵ См.: Seo S.N. An essay on the impact of climate change on US agriculture: weather fluctuations, climatic shifts, and adaptation strategies // *Climatic Change*. 2013. Vol. 121. P. 115—124.

⁶ См.: Passel S., Massetti E., Mendelsohn R.A. Ricardian analysis of the impact of climate change on European agriculture. URL: <http://www.feem.it/userfiles/attach/201345151394NDL2012-083.pdf> (дата обращения: 04.09.2014).

⁷ См.: Iglesias A., Garrote L., Quiroga S., Moneo M. Impacts of climate change in agriculture in Europe. PESE-TA-Agriculture study. URL: <http://ftp.jrc.es/EURdoc/JRC55386.pdf> (дата обращения: 11.07.2014).

⁸ См.: Klein T., Holzkämper A., Calanca P., Fuhrer J. Adaptation options under climate change for multifunctional agriculture: a simulation study for western Switzerland // *Reg. Environmental Change*. 2014. Vol. 14. P. 167—184.

⁹ См.: Xiong W., Holman I.P., Lin E., Conway D., Li Y., Wu W. Untangling relative contributions of recent climate and CO2 trends to national cereal production in China // *Environmental Research Letters*. 2012. Vol. 7. P. 14—44.

¹⁰ См.: Tao F., Yokozawa M., Liu J., Zhang Z. Climate-crop yield relationships at provincial scales in China and the impacts of recent climate trends // *Climate Research*. Vol. 38. P. 83—94.

¹¹ См.: Zhang T., Huang Y. Impacts of climate change and inter-annual variability on cereal crops in China from 1980 to 2008 // *J. of the Science of Food and Agriculture*. 2012. Vol. 92. P. 1643—1652.

¹² См.: Кокорин А.О., Смирнова Е.В., Замолодчиков Д.Г. Изменение климата. Вып. 1. Регионы севера европейской части России и Западной Сибири. М.: Всемир. фонд дикой природы (WWF), 2013. 220 с.; Оценка макроэкономических последствий изменений климата на территории Российской Федерации на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу / Росгидромет. М.: Д'АРТ: Глав. геофиз. обсерватория, 2011. 252 с.; Порфирьев Б.Н. Природа и экономика: риски взаимодействия. М.: Анкил, 2011. 352 с.

¹³ См.: Сиротенко О.Д., Павлова В.Н. Наблюдаемые изменения климата и динамика продуктивности сельского хозяйства России // *Тр. Глав. геофиз. обсерватории им. А.И. Воейкова*. 2012. № 565. С. 132—151.

¹⁴ См.: Саубанов К.Р. Пути повышения конкурентоспособности сельского хозяйства региона // *Регионология*. 2010. № 1. С. 117—121.

¹⁵ См.: Дружинин П.В. Влияние климатических изменений на сельское хозяйство Карелии // *Уч. Зап. ПетрГУ. Обществ. и гуманитар. науки*. 2013. № 1. С. 94—98.

¹⁶ Регионы России: социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.

Поступила 30.09.2014.

P. V. Druzhinin, G. T. Shkiperova, E. A. Prokopiev.
Impact of Climate Change on Agriculture of Russia's Regions

In the last two decades, the issue of researching the impact of climate change on the economy is a most relevant one for scientists from different countries. This paper examines the impact of changing climatic conditions on development of agriculture of Russia's regions; models are made to assess the impact of these changes on the yield of different crops. Analysis of the research results shows that the influence of changes in temperature and precipitation is significant for most regions and crops and that it is diverse. The main attention of Russian researchers has been paid to cereal crops and the research revealed that unlike in other countries a significant positive effect for grain production was observed in some of the southern regions, and the negative one — in most central regions.

During the research, several models of productivity were made depending on climatic, agronomic, and socio-economic characteristics. The study was based on the data on yields of cereals, potatoes, and vegetables on dynamic series, spatial, and panel data for 1990—2013, for regions with annual average temperature from 0 to +5 degrees. The research showed that the increase in productivity due to climate warming will be insignificant for grains. For potatoes and vegetables, climate change leads to some increase in productivity by 5—10 % in different scenarios. More effective will be the increase in the level of management and transition to more modern technology, changes in the structure of the areas under crops, a gradual shift of crops northward, transition to late-ripening and higher-yielding varieties and to new, more heat-loving crops what now requires greater investment in agricultural science.

И. Б. ЮЛЕНКОВА

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РЕГИОНА¹

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, муниципальный район, инвестиционный имидж, инновационный потенциал муниципального района, факторы, сдерживающие инновационное развитие, новые технологии

Key words: investment attractiveness, municipal district, investment image, innovative potential of a municipal area, factors constraining innovative development, new technologies

В статье представлен комплекс мероприятий, ориентированных на формирование условий для мобилизации внутренних и увеличения притока внешних инвестиционных ресурсов и новых технологий в экономику муниципальных районов Республики Мордовия.

The paper presents a set of activities aimed at creating conditions for mobilizing domestic and for increasing the flow of external investment resources and new technologies into the economy of the municipal districts of Mordovia.

Одним из важных факторов развития экономики являются инвестиции. Формирование благоприятной инвестиционной среды будет способствовать увеличению объемов инвестиций и их диверсификации по секторам экономики и изменению структуры экономики, улучшению инвестиционной привлекательности сельской местности. Инвестиционная привлекательность имеет важное значение для создания благоприятных условий для активного развития муниципальных районов Республики Мордовия, так как способствует формирова-

ЮЛЕНКОВА Ирина Борисовна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

YULENKOVA Irina Borisovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Finance and Credit, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Юленкова И. Б., 2015

нию условий для мобилизации внутренних и увеличения притока внешних новых технологий в экономику сельской местности, устойчивому функционированию реального сектора экономики сельских территорий, увеличению доходной части бюджета республики. Инвестиционная привлекательность — потенциал активного развития экономики на селе.

Основные показатели инвестиционной привлекательности муниципальных районов Республики Мордовия — объем инвестиций в основной капитал, инвестиции в основной капитал на душу населения, индекс физического объема инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования. Что касается финансирования, то большая часть всех привлеченных бюджетных инвестиций за 2009—2014 гг. поступила из республиканского и федерального бюджета, и лишь небольшая доля — из местного. Как показывает практика, динамика реальных объемов инвестиций в основной капитал в муниципальных районах крайне нестабильна. Перекосы в их отраслевой структуре, где большую часть составляют инвестиции в сельское хозяйство, недостаточные вложения в обрабатывающее производство являются факторами, сдерживающими устойчивый экономический рост муниципальных районов.

В районах сохраняются неблагоприятные тенденции, создающие опасность для эффективного инвестиционно-инновационного развития: ограниченный платежеспособный спрос на внутреннем рынке на передовые технологии и нововведения; недостаточная информационная прозрачность инновационной сферы; слабая поддержка и неактивное развитие малого инновационного предпринимательства; отсутствие интеграции образования, науки и производства.

В качестве серьезных угроз инвестиционной привлекательности сельских территорий можно назвать: диспаритет цен на сельскохозяйственную продукцию, старение квалифицированного кадрового состава, наличие незанятого экономически активного населения в трудоспособном возрасте, отток молодого экономически активного населения за пределы районов, снижение налогового потенциала, недостаточная бюджетная обеспеченность районов, повышение аварийности в жилищно-коммунальной сфере районов, снижение объемов продукции в личных подсобных хозяйствах.

Для обеспечения стабильного роста инвестиций в экономику районов необходимо предпринять комплекс мер, направленных на снижение инвестиционных рисков, развитие оптимальных условий для вложения капитала в предприятия районов.

Важное направление инвестиционной политики муниципальных районов — повышение инвестиционной привлекательности территории. Для привлечения потенциальных инвесторов и развития территории администрациям муниципальных районов совместно с администрациями их поселений необходимо разработать и утвердить схему территориального планирования районов, генеральные планы сельских поселений, которые следует выложить в открытый доступ на официальных сайтах администраций муниципальных районов. У некоторых муниципальных районов (например, Краснослободского) есть такой опыт. Однако этого недостаточно для интенсификации инвестиционной активности районов.

Поддержка инновационной деятельности — одно из приоритетных направлений инвестиционного развития муниципальных районов республики, поскольку рост научно-технического потенциала сельских территорий позволяет развивать производство высокотехнологичной, ресурсосберегающей и конкурентоспособной продукции. Во многих районах работают промышленные (ОАО «Краснослободский радиозавод», ЗАО «Ельниковская ДСПМК», ООО «Дубенский кирпичный завод» и др.) и сельскохозяйственные (ООО «Моргинское» в Дубенском муниципальном районе, ООО «СП Богдановское» — в Старошайговском и др.) предприятия. В промышленности ведется посильная замена устаревшего оборудования на новое с использованием современных технологий производства выпускаемой продукции, в сельском хозяйстве районов применяется механическая подача корма, осуществляется разработка сбалансированного рациона животных и др.

Открытие новых предприятий и приток инвестиций в промышленное и сельскохозяйственное производство зависит от проводимой политики, связанной со снижением административных барьеров и определением режима экономического благоприятствования для традиционных производителей. В настоящее время критерием выделения целевого финансирования постепенно становится стремление, закрепленное

в планах развития, внедрять и развивать инновационные технологии, открывать новые направления деятельности, применять информационно-коммуникационные технологии в работе, что подразумевает интенсивное развитие деятельности предприятий.

При отсутствии научно-исследовательских, проектных институтов на территориях муниципальных районов основной их инновационного развития могут стать средние специальные учебные заведения (таковые есть, например, в Краснослободском, Дубенском, Zubovo-Полянском, Рузаевском, Ковылкинском и других муниципальных районах). В перспективе это позволит районам сконцентрировать соответствующие ресурсы и усилия на создании малых инновационных предприятий, в том числе с участием студентов и преподавателей вузов, что будет способствовать обеспечению занятости молодых специалистов на селе.

Эффективным механизмом интеграции образования, науки и производства на территориях муниципальных районов может стать координационный научно-технический совет при администрациях районов, в составе которого будут руководители и ведущие специалисты администрации, вузов, предприятий и организаций, входящих в состав хозяйственного комплекса районов. Задачи такого совета — определение приоритетных и перспективных направлений устойчивого развития промышленного и агропромышленного комплекса, способствование внедрению инновационных проектов на предприятиях, в учреждениях, организациях, осуществляющих свою деятельность на территории муниципальных районов.

Администрациям муниципальных районов республики во взаимодействии с предпринимательским сообществом, осуществляющим свою деятельность на селе, уместно реализовать комплекс мероприятий, ориентированных на формирование условий для мобилизации внутренних и увеличения притока внешних инвестиционных ресурсов и новых технологий в экономику муниципальных районов Мордовии:

— *регулирование правовых основ инвестиционно-инновационной деятельности*, что предполагает: разработку регламента взаимодействия органов местного самоуправления и хозяйствующих субъектов при подготовке и реализации инвестиционных проектов на территории районов; создание коллегиального органа (координационного научно-технического

совета), способного внедрять научно-технические разработки и инновационные технологии в реальном секторе экономики районов; внедрение государственно-частного партнерства с бизнесом и населением как важного направления развития инвестиционных процессов. Частный капитал в реализации инвестиционных соглашений позволит муниципальным органам власти решить важные социально-экономические задачи без дополнительных бюджетных затрат, а также повысить конкурентоспособность районов;

— *активизация инвестиционной деятельности на территории муниципальных районов*, которая предусматривает: подготовку бюджетных заявок для включения инвестиционных проектов муниципальных районов в перечень федеральных, республиканских целевых и адресных программ; оказание консультационной помощи субъектам инвестиционной деятельности по формированию пакета документов на получение льгот и субсидий; оказание консультационной поддержки по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов для реализации на территориях муниципальных районов; вовлечение в инвестиционный процесс временно приостановленных и законсервированных строений и объектов, находящихся в муниципальной собственности (формирование реестра инвестиционных площадок); мониторинг инвестиционных процессов в разрезе видов экономической деятельности, в том числе мониторинг реализации инвестиционных проектов;

— *информационное обеспечение инвесторов* будет осуществлено посредством: ведения и обновления электронного реестра инвестиционных проектов, реализуемых в муниципальных районах (на официальных сайтах администраций районов); ежемесячного обновления реестров инвестиционных площадок районов, в которых будут отражены свободные производственные площади по состоянию на начало текущего месяца, городская свалка, рекреационная зона, ветхая жилая застройка; организации и проведения тематических выставок, ярмарок-презентаций инвестиционных проектов в муниципальных районах;

— *формирование положительного инвестиционного имиджа*. Целесообразно создавать имидж региона как благоприятной площадки для открытия определенного вида производств (отраслевого кластера). Определив базовые на-

правления развития территории, необходимо: подготовить и разместить в СМИ, на сайтах информационных агентств материалы об экономических процессах и инвестиционных возможностях муниципальных районов; объявить об инвестиционных проектах или конкурсах, об изменениях в инвестиционном муниципальном и региональном законодательстве; создать презентационный фильм и др.;

— *стимулирование эффективного использования ресурсного блока инновационного потенциала муниципальных районов (производственно-технологической базы, кадрового потенциала, информации и финансов)*, которое предполагает, во-первых, формирование и регулярное обновление базы данных с внесением в нее наиболее перспективных компаний и предприятий, обладающих высоким потенциалом развития, и компаний, не занимающихся инновационной деятельностью, а также анализ сложившейся в компаниях ситуации, потребности, проблем, основных причин, препятствующих развитию; во-вторых, создание банка данных о разработках, проводимых и завершенных на предприятиях, о полученных патентах, свидетельствах; в-третьих, выбор наиболее эффективного направления работы районов (создание специализированных сельскохозяйственных кооперативов; производства, направленного на переработку сельскохозяйственной продукции; производство строительных материалов; формирование специализированной сбытовой сети с учетом особенностей производимой продукции) и основных предприятий, которым будет обеспечена постоянная поддержка со стороны научно-технического, образовательного комплекса, органов местного самоуправления по всем видам ресурсов (финансам, квалифицированным кадрам, поиску партнеров, по спросу на продукцию и др.)².

Реализация предложенных мероприятий позволит повысить инвестиционную привлекательность, будет способствовать инновационному развитию и, как следствие, обеспечит конкурентоспособность муниципальных районов в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья публикуется при финансовой поддержке РГНФ № 14-12-13015 «Развитие теории и методологии формирования системы консолидированного финансового обеспечения инновационного малого предпринимательства в регионе».

² См.: Байрамукова А.С.-Х. Механизмы развития инновационного потенциала региона // Интернет-журн. «Экономические исследования». 2011. № 5. URL: <http://www.erce.ru/internet-magazine/magazine/24/367> (дата обращения: 12.12.2014).

Поступила 14.01.2015.

**I. B. Yulenkova. Increase of Investment
and Innovative Development of Municipal Districts of a Region**

Intensification of investment and innovative activity is the most important factor of economic development of municipal districts of the Republic of Mordovia, of its formation, development, and strengthening in all spheres of life. Today, an important task is to produce and develop new products in the shortest time and with the lowest production costs while ensuring high product quality and reliability.

The role of innovations becomes much more important every year. There are technical bases of economic systems that are based on the use of the latest achievements. At the present stage of development of municipalities in the Republic of Mordovia, innovative and investment processes become the major factor of increase in production efficiency and of addressing the major socio-economic issues of the rural areas. The technological, marketing, and organizational innovations are the important components of innovative activity of the municipal districts of the region. They promote accelerated development and introduction of the new highly effective technologies to enhance the growth and renewal of manufactured products in the rural areas.

**В. В. БЕЛЯЕВ СОСТОЯНИЕ
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО
КОМПЛЕКСА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Ключевые слова: машиностроение, динамика производства, состояние отрасли, стратегическое планирование, экономический кризис, регион

Key words: engineering, production dynamics, state of the industry, strategic planning, economic crisis, region

Исследуется и анализируется состояние машиностроительного комплекса региона в кризисный и посткризисный периоды, выявляются основные отраслевые проблемы. Определяются меры, способствующие долгосрочному развитию машиностроительной отрасли Самарской области.

The paper explores and analyzes the state of the machine-building complex of a region in the crisis and post-crisis periods; it reveals the main problems in this industry. The author identifies the measures that promote long-term development of the machine-building industry in the Samara Region.

Машиностроение — основополагающая отрасль в промышленном секторе развитых стран. В 1990 г. в СССР доля машиностроительной продукции в промышленном производстве составляла порядка 40 %, что соответствует аналогичному значению в развитых странах в настоящее время. В современной России удельный вес машиностроительной продукции, как правило, не превышает 22 %.

Машиностроительный комплекс традиционно занимает одно из центральных мест в структуре обрабатывающего сектора Самарской области. На его предприятиях работают около 178,7 тыс. чел., объем отгруженных товаров машиностроительных предприятий составляет 46,3 % от общего объема отгрузки в промышленности Самарской области (361,6 млрд руб. в 2013 г.).

Доля отгруженной продукции машиностроительных предприятий Самарской области от общего объема промышленной продукции, несмотря на снижение с 58 до 46 %, за последнее десятилетие более чем в два раза превышает аналогичный

БЕЛЯЕВ Владимир Васильевич, аспирант кафедры общего и стратегического менеджмента Самарского государственного университета.

BELYAEV Vladimir Vasilievich, Postgraduate at the Department of General and Strategic Management, Samara State University (Samara, Russian Federation).

© Беляев В. В., 2015

общероссийский показатель (21 % в 2013 г.) и находится на уровне ведущих мировых машиностроительных держав.

Основными направлениями экономической специализации региона являются производство автомобилей и их компонентов, авиационное и ракетно-космическое машиностроение. Автомобилестроение — ведущая отрасль машиностроения, определяющая экономический и социальный уровень развития Самарской области. Производство автомобильной техники осуществляется в тесной кооперации с предприятиями электротехнической, металлургической, химической, легкой и других отраслей промышленности региона. Только ОАО «АВТОВАЗ» обеспечивает заказами на сумму более 65 млрд руб. более 240 предприятий различных отраслей экономики области.

Структура машиностроительного комплекса Самарской области выглядит следующим образом: 78 % — доля транспортных средств и оборудования, 14 % — производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, 8 % — производство машин и оборудования (средне-взвешенные значения за период 2005—2013 гг.).

Говоря о динамике индекса производства в машиностроительном секторе региона (рисунок), следует отметить прямую зависимость изменений показателя обрабатывающих производств от движения в подотраслях машиностроения:

Рисунок. Динамика индекса производства Самарской области по отдельным видам экономической деятельности

На рисунке видно, что ухудшение производственных показателей машиностроения в кризисный период привело к провалу в сфере обрабатывающих производств. Стоит отметить, что причиной снижения стал высокий уровень зависимости результатов экономической деятельности машиностроительных предприятий от платежеспособности клиентских организаций, чей спрос выступает в качестве ориентира. Иначе говоря, с конца 2008 г. промышленные предприятия области и России снизили объем заказов на машиностроительную продукцию в связи с общей антикризисной политикой сокращения издержек для недопущения критического снижения финансовой устойчивости.

В то же время финансовая поддержка, стимулирование, попытки «реанимации» машиностроительного сектора обеспечивают рост показателя обрабатывающих производств, что позволяет сделать вывод о высоком уровне зависимости промышленности региона от состояния ее «локомотива» — машиностроительного комплекса.

Как уже было сказано, машиностроение представляет собой комплексный сектор промышленности. Для более полного понимания, в каком состоянии находится самарское машиностроение, выделим в нем три наиболее крупных сегмента: производство транспортных средств и оборудования, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, производство машин и оборудования.

Крупными предприятиями сегмента «Производство транспортных средств и оборудования» являются ЗАО «Джи Эм — АВТОВАЗ», ОАО «АВТОВАЗ», ОАО «КУЗНЕЦОВ», ЦСКБ «Прогресс». Несмотря на устойчивый рост производства после кризисного 2009 г. в рамках мероприятий по увеличению производственных мощностей, обновления модельного ряда, в 2013 г. наметилась отрицательная динамика, приведшая к убытку в 5,9 млрд руб.

Сокращение издержек за счет оптимизации персонала (–22 % к 2008 г.) и автоматизации производства не позволяет существенно снизить удельный вес убыточных организаций и достичь уровня рентабельности, достаточной для качественного развития предприятий отрасли. Отмечается, что резкий рост инвестиций в основной капитал в 2011—2013 гг., в том числе за счет реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период

до 2020 г. и инвестиционного проекта в особой экономической зоне, позволил несколько сократить степень износа ОПФ, уровень которого по-прежнему не выносит критики (более 2/3). Специфика производимой сегментом продукции определяет достаточно высокий процент инновационных товаров в общем объеме отгруженной продукции (58 % против 31 % в обрабатывающем секторе в 2013 г.)¹.

Для Самарской области способом избежать резкого падения спроса и изменения структуры рынка из-за вступления России в ВТО могут стать федеральные целевые программы, позволяющие поддержать объем выпускаемой продукции на прежнем уровне. Госзаказ для предприятий оборонной сферы как в области, так и в России в целом остается гарантом их стабильного развития. Еще в 2011 г. субсидирование самарских предприятий по федеральным целевым программам превысило 20 млрд руб., в 2012 — 25 млрд руб.²

Лидерами сегмента «Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования» являются ООО «Тольяттинский трансформатор» и ЗАО «Самарская кабельная компания». Анализ показателей сегмента показывает, что для объема производства и финансового результата к 2012 г. отмечен двукратный рост по сравнению с 2009 г. и снижение в 2013 г.; постепенно сокращается доля убыточных организаций при небольшом уменьшении численности (–4,2 % за 2013 г.), что позволило увеличить рентабельность производства до 5,6 %; объем инвестиций в основной капитал, хотя и вышел на докризисный уровень к 2013 г., не позволяет существенно снизить степень износа ОПФ; доля инновационной продукции в общем объеме производства оказалась наименьшей за последние пять лет (5,4 % в 2009 г. против 1,5 % в 2013 г.)³; в ближайшие годы в качестве предпосылок развития предприятий подотрасли выступит увеличение спроса на продукцию электротехнической отрасли из-за необходимости ввода новых мощностей для обеспечения роста потребностей в электроэнергии, внедрения современных энергосберегающих технологий в промышленности, а также стабильного надежного энергоснабжения (степень износа оборудования в российском секторе электроэнергетики составляет около 65,0 %).

Лидерами сегмента «Производство машин и оборудования» являются ОАО «ЕПК Самара» (подшипниковая промышленность), ООО «ВМЗ» (станкостроение), ОАО «ТЯЖМАШ». Из анализа показателей этого сегмента ясно, что, во-первых, уровень его производства (единственный в секторе машиностроения региона) не имел отрицательной динамики в 2013 г., достигнув исторического максимума (34,8 млрд руб.). Во-вторых, рентабельность производства, хотя и является наиболее высокой в отрасли, демонстрирует снижение начиная с 2010 г., при том что сегмент имеет наименьшую долю материальных затрат в отрасли (51,0 % в 2013 г. против 72,0 и 73,2 % в двух других сегментах). Доля затрат на оплату труда, наоборот, самая высокая в отрасли (26,6 % в 2013 г. против 13,1 и 15,3 % соответственно). Учитывая тенденцию к росту численности персонала в течение последних трех лет, докризисного уровня рентабельности без существенных технологических изменений в производстве и инвестиций в основной капитал достичь будет практически невозможно. В-третьих, степень износа ОПФ в 2013 г. благодаря росту инвестиций достигла максимального значения (39,7 %), что является лучшим показателем в отрасли⁴.

В качестве стратегических ориентиров для предприятий сегмента выступают НИОКР, разработка и освоение производства крупногабаритного оборудования для ОПК (куда будут направляться государственные инвестиции в рамках реализации стратегий и ФЦП с последующим ростом объемов заказов) энергетики, черной и цветной металлургии, химической и нефтеперерабатывающей отраслей.

Современные реалии таковы, что ждать бесконечных вливаний и надеяться на рост валовой финансовой поддержки не приходится. В условиях жесткой экономии, сокращения нецелевых расходов, тенденции создания федеральных целевых программ для поддержки исключительно ключевых отраслей экономики, способных оказать положительный эффект уже в среднесрочной перспективе, на наш взгляд, необходимо обращать внимание на: действующие на федеральном и региональном уровне стратегии и целевые программы по поддержке и развитию машиностроительной отрасли; механизм взаимодействия органов исполнительной власти на федеральном и региональном уровне, в компетенцию которых входит реализация указанных стратегий

и программ; риски и перспективы вхождения Российской Федерации в ВТО для предприятий машиностроительного комплекса региона, которым в качестве стратегических ориентиров стоит учитывать возможности усиления взаимодействия со своими иностранными партнерами.

В 2014 г. разработана государственная программа «Инновационное развитие машиностроительного комплекса Самарской области до 2020 года». В документе сделана ставка на наличие в регионе достаточно мощного научно-образовательного потенциала. Приоритеты региональной политики в сфере инновационного развития машиностроительного комплекса установлены нормативными правовыми актами: Законом Самарской области «Об основах промышленной политики в Самарской области», государственной программой Самарской области «Создание благоприятных условий для инвестиционной и инновационной деятельности в Самарской области» на 2014—2018 годы, утвержденной Постановлением Правительства Самарской области от 14 ноября 2013 г. № 622. Приоритетом региональной политики в сфере реализации госпрограммы служит государственной поддержкой традиционных для региона отраслей, продукция которых ориентирована на потребительский сектор (автомобилестроение), государственный заказ (ОПК), инвестиционный спрос (металлургия, тяжелое машиностроение, машиностроение для нефтегазохимического комплекса, станкостроение, силовая электротехника и энергетическое машиностроение, сельскохозяйственное машиностроение, подшипниковая промышленность). В документе сформулирован ряд ключевых показателей эффективности, на основе которого ежегодно будут анализироваться процессы реализации каждого этапа многолетней стратегии⁵.

Одной из задач развития является техническое и технологическое перевооружение организаций машиностроительного комплекса Самарской области. При реализации государственной программы планируется эффективнее задействовать инструменты государственного регулирования, направленные на поддержку и развитие предприятий машиностроительного комплекса и создание благоприятных финансовых условий их деятельности по выводу на рынок конкурентоспособной инновационной продукции.

Федеральные органы управления должны, максимально учитывая особенности функционирования подотраслей и регионов, выработать единую стратегию развития комплекса, способствующую производству конкурентоспособной продукции, отвечающей современным требованиям рынка и реализующей достижения научно-технического прогресса⁶.

Подводя итоги анализа текущего состояния отечественного машиностроения, следует отметить, что, несмотря на тенденцию постепенного увеличения объемов производства, во многих отраслях наблюдается отставание ряда показателей от предкризисного уровня. Многие проблемы носят системный характер, и без государственного участия в развитии машиностроительного сектора России ожидать каких-либо улучшений сложно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Самарский статистический ежегодник — 2004: стат. сб. Самара: Изд-во территор. органа Федер. службы гос. статистики по Самарской области, 2014. 357 с.

² См.: Федеральная служба государственной статистики. Промышленность России: социально-экономические показатели — 2014. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 08.03.2015).

³ См.: Самарский статистический ежегодник — 2004 ...

⁴ Там же.

⁵ См.: Государственная программа Самарской области «Инновационное развитие машиностроительного комплекса Самарской области до 2020 года» (утв. Постановлением Правительства Самарской области от 4 июня 2014 г. № 321). URL: <http://docs.cntd.ru/document/464011089> (дата обращения: 08.03.2015).

⁶ См.: Дубровина Н.А. Основные направления государственного регулирования развития отечественного машиностроения // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвуз. сб. науч. тр. 2011. № 1. С. 52—59.

Поступила 20.04.2015.

V. V. Belyaev. State of the Machine-Building Complex in the Samara Region

The paper reveals the structure of machine building in the region, its importance and key role in the region's manufacturing industry. The author analyzes the state of the main sub-sectors of the machine-building complex in the Samara Region for the period of 2005—2013 basing on the use of

statistical data characterizing the numbers, material and technical basis, the financial and economic situation. This time period allows to trace the development of enterprises in the segment of machine building before the economic crisis of 2008—2009 and in the crisis and post-crisis periods allowing to reveal the impact of the crisis and its consequences. The analysis shows that despite a dramatic decline in industrial production during the crisis and the gradual attainment by the enterprises of the pre-crisis levels in some areas by 2013, there were traces of negative dynamics in the machine building industry in general.

The study allows to draw a conclusion about a high level of dependence of local industry on the state of its 'engine' — the machine-building complex. Recommendations are given, which can be divided into 3 types. The first one concerns the strategies and targeted programs for support and development of the machine-building industry at the federal and regional levels. The second one concerns the mechanisms of interaction of the executive authorities responsible for implementation of the above-mentioned strategies and programs at the federal and regional levels. The third type is about the importance of analyzing foreign experience of joining the World Trade Organization.

О. А. СЕМЕНОВА,
Т. Н. МАКАРОВА

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ РЕГИОНА

Ключевые слова: промышленное предприятие, логистические операции, производственная система, производственная структура

Key words: industrial enterprise, logistic operations, manufacturing system, industrial structure

В статье осуществлена попытка анализа производственных систем на машиностроительных предприятиях Республики Мордовия на примере ЗАО «НПО "НЕФТЕХГАЗМАШ"». Рассмотрены основные принципы функционирования системы: своевременная поставка продукции заказчику, усиленный контроль за качеством продукции на всех этапах производства, тщательная наладка оборудования, исключающая выпуск брака, сокращение числа поставщиков комплектующих изделий.

The paper analyzes production systems in the machine-building enterprises in the Republic of Mordovia exemplified by the case study of the CJSC 'NPO Neftechgazmash'. Timely delivery of products to the customer, increased control of product quality at all stages of production, careful adjustment of the equipment preventing production of defective items, reduction in the number of component suppliers — these all are the fundamental principles of functioning of the system.

Главными приоритетами в промышленной политике Республики Мордовия являются активизация инновационной деятельности и модернизация производственных систем. Перспективными направлениями в связи с этим выступают

СЕМЕНОВА Ольга Анатольевна, доцент кафедры менеджмента и экономики образования Мордовского государственного педагогического института, кандидат экономических наук.

МАКАРОВА Татьяна Николаевна, доцент кафедры менеджмента и экономики образования Мордовского государственного педагогического института, кандидат экономических наук.

SEMENOVA Olga Anatolievna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Economics of Education, Mordovian State Pedagogical Institute (Saransk, Russian Federation).

МАКАРОВА Tatiana Nikolaevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Economics of Education, Mordovian State Pedagogical Institute (Saransk, Russian Federation).

реализация инновационной деятельности экономического развития, увеличение производственной деятельности, оказание воздействия на широкий круг различных отраслей. Это позволит получить прямые и косвенные эффекты от роста инновационной стратегии. Поэтому создание эффективных организационно-экономических методов модернизации производственных систем в республике, а также интеграции хозяйствующих субъектов, действующих на их территориях, весьма актуально.

В отечественной литературе вопросы конкурентоспособности, устойчивости, модернизации и развития региональных производственных систем рассматриваются отдельно друг от друга, а вопросы их пространственной организации в регионах не связываются со стратегическими целями обеспечения конкурентоспособности. Нет единых трактовок понятия «модернизация», оценочных показателей и факторов, влияющих на устойчивость региональной производственной системы. За рубежом много литературы направлено на изучение инновационной стратегии развития и модернизации производственных систем, но не учитываются проблемы адаптации региональных производственных систем в переходных условиях. Процессы развития и модернизация производственной системы регионов в условиях транзитивных экономик также исследованы недостаточно.

В сложившейся ситуации особую актуальность и важное народно-хозяйственное значение приобретают исследования, направленные на совершенствование организационно-экономических методов управления региональными производственными системами, способствующие обеспечению и росту их конкурентоспособности, а также устойчивому функционированию и развитию. При этом разрабатываемые методы должны учитывать особенности региона в условиях глобального экономического кризиса и посткризисного развития.

Исследуя организацию предприятия, необходимо иметь в виду, что производственные системы представляют собой движение материальных и информационных потоков. Они являются важным фактором материальных систем, который подразумевает социальные системы. Таким образом, производственная система — это большая и сложная кибернетическая система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов производственного процесса, технической и ор-

ганизационной упорядоченности производства, образующих единое целое и функционирующих в целях производства промышленной продукции или оказания услуг¹.

Предприятие — главный объект организации производства в современной экономике. Для развития такой деятельности предназначены определенные имущественные комплексы. В них входят производственное и торговое оборудование, товары на складе и в продаже, денежные средства на расчетном счете и в кассе, производственные и торговые площади, а также персонал.

Наглядно возможно рассматривать производственную систему на примере машиностроительного предприятия ЗАО «НПО "НЕФТЕХГАЗМАШ"». В данном случае производственная система включает ряд факторов: участие в системе машин, природной среды, коллектива людей, а также влияющих на систему возмущающих отклонений; наличие выделенных подсистем, имеющих содержательный характер действий; наличие целей функционирования и критериев эффективности достижения целей; иерархическая структура управления с вертикальными и горизонтальными связями между подсистемами; большое количество и разнообразие связей; движение больших трудовых, материальных и информационных потоков между входящими в состав предприятия подсистемами.

Производственная структура должна отвечать принципам рациональной организации производственного процесса, обеспечивать качество продукции или услуги, высокую производительность труда и эффективность производства. Основными факторами, определяющими производственную структуру предприятия, являются организационно-технический уровень производства, уровень и формы специализации и кооперирования.

Среди других факторов, влияющих на производственную структуру, можно выделить профиль предприятия (характер его продукции и технологию ее изготовления); тип производства, стадии технологического процесса и значительные объемы однородного производства в каждой стадии; степень промышленно-экономического развития региона, в котором расположено предприятие.

В исследовании развития производственных систем существует много разных тенденций и аналитических материалов.

Одной из причин провала внедрения концепции производственной системы является то, что ЗАО «НПО "НЕФТЕХ-ГАЗМАШ"» запускало отдельный инструмент или метод, а не строило производственную систему как принципиальный и базовый фактор производства. На наш взгляд, это следствие завышенных ожиданий тех, кто реализовывал проект. На рассматриваемом предприятии не добились поставленных целей в указанные сроки и «провалили» проект внедрения производственной системы, но не провалили внедрение самой системы. Если на предприятии есть квалифицированные кадры, работает система инновационных предложений, руководство обучает, а не указывает и контролирует, работают регламенты и стандарты, то производственная система предприятия развивается.

Необходимо выявление ведущих подразделений и исполнителей с учетом комплексных значений объектов управления. В качестве таких объектов управления можно рассматривать стоимость элементов производственных фондов, количество единиц оборудования, фонды рабочего времени, нормы и нормативы расхода; функциональный (здания сооружения, рабочие машины и оборудование), производственный (активная и пассивная часть) и технологический состав (по видам производственных фондов внутри определенной группы); технологическое (возрастной состав, физический и моральный износ) и техническое состояние (классы точности и надежности); капитальное строительство, реконструкцию и техническое перевооружение; процессы использования производственных фондов; процессы восстановления производственных фондов².

Внедрение производственной системы на предприятии — сложный и трудоемкий процесс. При ее реализации всегда возникают проблемы. Ошибки в выборе метода или неподходящие условия являются оправданием для тех, кто не хочет внедрять систему или делает это формально. Многие эксперты отмечают фактор «усталость от проектов внедрения производственной системы на предприятии», когда много раз и с громкими словами начинают проект, а после нескольких лет деятельности работники на это уже не реагируют.

Тяжело менять навыки и привычки персонала, который привык к определенному ритму работы и стандартам. Трудящиеся плохо воспринимают изменения и инновации

производства, работают по старинке. Поэтому следует предъявлять определенные требования к качеству руководящего и производственного персонала, так как никакой отдельный штаб или отдел по внедрению производственной системы не дадут положительного результата. Перед грамотным руководителем не должен стоять вопрос, внедрять производственную систему или нет. Проанализировав производство и продажи автомобилей за последние тридцать лет, можно увидеть, что рост продолжается только у автоконцерна «Тойота мотор», где эта система активно работает.

Современные рынки очень турбулентны, и поэтому гнаться за ними бессмысленно. Необходимо проектировать и организовывать производственные системы, учитывая различные сценарии развития событий и закладывая трансформационные возможности в свойства системы. Для того чтобы успевать за рынком, необходимо инвестировать в трансформационные способности производственной системы. Сценариев развития событий на рынке не так много, тем более все они влияют на производственные через качество, время заказа, партионность, ассортимент и т. д. Между тем количество компаний, декларирующих развитие производственных систем, существенно превышает число тех, кто их реально внедрил. Российская промышленность не сможет существовать в вакууме, она должна реагировать на вызовы современного мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Луис Р. Система канбан: практические советы по разработке в условиях вашей компании / пер. с англ. Е.В. Журиной, под науч. ред. Э.А. Башкардина. М.: РИА «Стандарты и качество», 2008. С. 194.

² См.: Семенова О.А. Управление обновлением активной части основных производственных фондов машиностроительных производств // Региология. 2007. № 4. С. 91—98.

Поступила 13.01.2015.

O. A. Semenova, T. N. Makarova. Development of Production Systems in the Industrial Enterprises of a Region

The most promising directions of development of production systems in an enterprise are: implementation of innovative activity in the economy, increased industrial activity, and impact on a wide range of different sectors.

Abroad, much attention is paid to the innovative strategy of development and modernization of production systems, but even here, there are problems in adaptation of regional production systems in the circumstances of transition. Enterprises are the main object of production organization in the modern economy. Certain property complexes provide for development of the productive activity. They include: industrial and commercial equipment, goods in stock and on sale, cash on current account and in the box office, industrial and retail areas, and the staff.

We have examined the production system of the CJSC 'NPO Neftechgazmash' machine-building enterprise. The determinants of industrial structure of the company were studied. One of the disadvantages of introduction of a production system is that 'NPO Neftechgazmash' introduced an individual method rather than the entire production system as a whole. According to the research results, it can be argued that it were not failures of introduction, but a consequence of inflated expectations of those who implemented the project. On the one hand, the CJSC 'NPO Neftechgazmash' did not achieve its goals on time and was unable to carry out the project of introduction of a production system, but they implemented the introduction of the system itself. If a company has skilled workforce, if the system of innovative proposals works, if the administration educates, and does not indicate and control, if the regulations and standards work, then the production system of the enterprise develops.

И. Н. ГЕРАСЬКИНА Н. В. КОРНЕЕВА

СИСТЕМА ЖКХ г. САРАНСКА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСОБЕРЕГАЮЩИХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТРАСЛИ

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, ресурсосбережение, энергобезопасность, бизнес-процесс, основные фонды, износ, коммуникационные сети, коммунальные услуги

Key words: services and utilities sector, resource saving, energy security, business process, fixed assets, depreciation, communication networks, communal public services

Статья посвящена проблемам жилищно-коммунального хозяйства Республики Мордовия: анализу состояния, источникам потерь жилищно-коммунальных услуг, оценке ресурсосберегающих мероприятий. Отмечено, что

ГЕРАСЬКИНА Инна Николаевна, доцент кафедры экономики и организации производства Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

КОРНЕЕВА Наталья Викторовна, доцент кафедры экономики и организации производства Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

GERASKINA Inna Nikolaevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Organization of Production, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

KORNEEVA Natalia Viktorovna, Associate Professor at the Department of Economics and Organization of Production, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Гераськина И. Н., Корнеева Н. В., 2015

ключевым вопросом организации ресурсосберегающей деятельности является вопрос финансирования, в связи с чем предлагается схема финансовых потоков для обеспечения ресурсосберегающих мероприятий.

The paper is devoted to problems of the housing services and utilities sector in the Republic of Mordovia, to analysis of its state, to the causes of losses, and to assessment of the resource-saving activities. The authors note that the key issue in organization of resource-saving activities is the issue of funding; in this connection, a scheme of financial flows to ensure resource-saving activities is proposed.

Существующее положение дел в жилищно-коммунальном хозяйстве (ЖКХ) России характеризуется наличием комплекса значительных проблем, требующих решения. Очевидна необходимость применения комплексного подхода к реформированию отрасли, использования зарубежного опыта, выработки принципов взаимоотношений с поставщиками, рассмотрения вопросов финансовой поддержки. Создание механизма, обеспечивающего оптимальное и обоснованное распределение средств, предназначенных на финансирование ЖКХ, обеспечит условия его устойчивого развития.

Важнейшим звеном реформирования ЖКХ является снижение издержек на производство услуг. Экономической основой этого, на наш взгляд, должно стать ресурсосбережение, представляющее собой процесс рационального использования ресурсов в водопроводных сетях, сетях тепло-, энергоснабжения и газопровода, сокращение потерь трудовых, финансовых и прочих ресурсов. Продолжающееся расточительное их расходование в жилищно-коммунальном секторе при отсутствии необходимого контроля за ресурсопользованием ведет к осложнению социальной обстановки в стране и требует срочного вмешательства органов государственной власти. Ключевым вопросом организации ресурсосберегающей деятельности остается проблема финансирования подобных мероприятий (в настоящее время не существует отработанных схем по аккумулированию и выплате средств для возврата инвестиций).

В связи с проведением в России политики, направленной на достижение самодостаточности регионов, перед Республикой Мордовия, относящейся к энергозависимым регионам, встает проблема энергобезопасности, что при нехватке собственных энергетических ресурсов можно решить путем ресурсосбережения. В то же время, по оценкам экспертов,

собственные и закупаемые ресурсы расходуются нерационально. Исследования показывают, что до четверти электроэнергии и до 40 % тепловой энергии теряются¹.

В топливно-энергетический комплекс республики входят: три ТЭЦ; несколько сотен котельных, работающих на системы центрального теплоснабжения; около 20 тыс. км воздушных электрических линий; 580 км кабельных электрических линий; 4 681 трансформаторная подстанция 10/0,4 кВ; 200 трансформаторных подстанций на напряжения 35 и 220 кВ; 761,7 км тепловых сетей, 2 газокompрессорные станции; 39 автоматизированных газораспределительных станций, более 9 тыс. км газовых сетей; 189,3 км сетей водоснабжения и 419,0 км канализационных сетей².

В такой сложной системе, требующей эффективного управления, в настоящее время существуют следующие проблемы:

— высокая степень износа основных фондов, служащая причиной снижения надежности энергоснабжения и роста потерь. Износ оборудования ТЭЦ-2 составляет 88,0 %, вододоводов — 80,0 %. Количественные параметры, структура и техническое состояние ТЭК в достаточной мере для планирования энергосберегающих мероприятий не остаются неизвестными. При сложившемся экономическом положении организаций ЖКХ ремонт и восстановление инженерной инфраструктуры в необходимых объемах не выполняются. Финансовые ресурсы расходуются только на ликвидацию последствий аварий;

— дефицит электрогенерирующих мощностей и снижение коэффициента их использования;

— рост неплатежей, сокращение инвестиций, снижение экономических показателей предприятий и перекрестное финансирование;

— существенное влияние ТЭК на экологическую обстановку в регионе. Повышение эффективности использования энергии является одним из способов улучшения экологической обстановки. Известно, что снижение потребления энергии на 10,0 % дает возможность уменьшить выбросы по всем компонентам более чем на 300 тыс. т и сберечь около 600 тыс. т кислорода.

Жилищный фонд ГО Саранск составляет 6 486,8 тыс. кв. м. На многоквартирные дома приходится 5 951,6 тыс. кв. м

Годовое потребление топливно-энергетических ресурсов, по данным 2014 г., включает: 238,65 млн кВт электроэнергии; 27 616,9 тыс. куб. м воды, или 86,7 % от общего объема водопотребления; 1 447,32 тыс. Гкал, или 87,4 % от потребляемой мощности³.

На территории ГО Саранск эксплуатационный жилой фонд составляет 10 706 жилых домов, из них: 5 556 домов индивидуальной (частной) застройки, 5 140 многоквартирных домов, обеспеченных энергопаспортами всего на 65,8 %. Большая часть многоквартирных домов 60—80-х гг. XX в. застройки, процент износа этого жилищного фонда составляет: от 0 до 30,0 % — 2 357 жилых домов; от 31,0 до 65,0 % — 5 754 жилых дома; от 66,0 до 70,0 % — 121 жилой дом; свыше 70,0 % — 14 жилых домов.

С 2004 г. активизирована замена стальных трубопроводов системы холодного водоснабжения на полиэтилен (выполнение составляет 21,0 % от общей величины). Работа осуществляется за счет собственных средств МП ГО Саранск «Саранское водопроводно-канализационное хозяйство», получаемых от оказания услуг потребителям (основного тарифа). Прежде всего замене подлежат трубопроводы с износом более 70,0 %. Общая протяженность систем холодного водоснабжения ГО Саранск составляет 483,0 км. Объем капитального ремонта (реконструкции) сетей водоснабжения в 2011 г. составил 28,5 км, в 2012 г. — 12,6 км, в 2013 г. — 4,6 км. Удельный вес перекладки коммуникационных сетей к общей протяженности в 2011 г. был 5,9 %, 2012 г. — 2,6 %, в 2013 г. — 1,0 %⁴.

Согласно данным организаций, эксплуатирующих системы коммунальной инфраструктуры города, износ сетей составляет 59,2 %. Это амортизационный износ — экономический показатель, получаемый произведением доли ежегодных амортизационных отчислений на срок эксплуатации. Он не отражает реального физического состояния сетей, а также не учитывает в значительной мере интенсивность воздействия грунта и воды на наружную и внутреннюю поверхность трубы.

Одной из основных причин снижения эксплуатационного срока трубопроводов водоснабжения и образования утечек в сетях является внутренняя и наружная коррозия. Несмотря на большой износ коммуникационных сетей водоснабже-

ния, серьезных аварийных ситуаций с отключением подачи воды потребителям более суток на территории ГО Саранск не было, но имеются локальные утечки водных ресурсов. Процент потерь в сетях холодного водоснабжения составил в 2011 г. 11,4 %, в 2012 г. — 9,6 %, в 2013 г. — 15,9 %. Изменение показателя за три года составляет 4,5 %. Это свидетельствует о возрастании величины потерь водных ресурсов. Не лучшим образом складывается обстановка и по сетям горячего водоснабжения. Значительная часть оборудования котельных и центральных тепловых пунктов (ЦТП) отработала нормативный срок эксплуатации и уже не обеспечивает их надежного функционирования, а также рационального использования топливно-энергетических ресурсов.

В ОАО «СаранскТеплоТранс» отмечают, что вода в ЦТП не проходит химводоподготовку и деаэрацию, сети горячего водоснабжения более интенсивно подвергаются коррозии, это приводит к многочисленным утечкам и преждевременному разрушению трубопроводов. Срок службы последних составляет 5—7 лет, что значительно ниже нормативного. Эксплуатация трубопроводов свыше указанного периода приводит к отключению циркуляционных линий и снижению качества снабжения населения горячей водой.

Водоснабжение ГО Саранск обеспечивают 4 водозабора. В табл. 1 представлена динамика потребления воды за период с 2011 по 2014 г. Объемы потребления определены на основании данных фактического водопотребления и прогноза на 2015 г.

Таблица 1

Потребление воды по ГО Саранск в 2011—2014 гг. с прогнозом на 2015 г.⁵

Показатель	Значение показателя по годам, тыс. куб. м				
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Прогноз на 2015 г.
Объем водопотребления	31 768,1	31 050,7	31 857,7	30 000,0	29 963,6
В том числе на собственные нужды	39,0	53,5	56,4	57,5	58,6
— население	27 333,7	26 647,8	27 616,9	26 109,0	25 669,0
— население по водомерам	960,2	1 669,8	2 393,4	6 106,0	11 346,2
— население по нормативу	26 373,5	24 970,5	25 206,5	19 985,0	14 304,8
Прочие потребители:	4 395,4	4 356,9	4 192,9	3 842,5	4 245,0
— по водомерам	3 901,4	4 111,3	3 983,3	3 792,1	4 200,0
— по нормативу	494,0	254,6	209,6	50,4	45,0

Централизованное горячее водоснабжение города осуществляется через центральный тепловой пункт (ЦТП). Суммарная установленная мощность источников ОАО «ТГК-6» составляет 1 427,6 Гкал/л; протяженность тепловых сетей — 247,43 км. Общая мощность котельных ОАО «СаранскТеплоТранс» равна 311,6 Гкал/л.

Износ коммуникационных сетей теплоснабжения (значительная доля расположена под землей) и инженерного оборудования в котельных составляет 60,0 %. Возникающие потери не поддаются оперативному обнаружению, что приводит к неэффективному использованию тепловой энергии. Процент потерь теплоснабжения составил в 2011 г. 14,5 %, в 2012 г. — 13,7 %, в 2013 г. — 13,3 %. Обеспеченность приборным учетом на котельных и тепловых пунктах составляет 99,0 %⁶.

В соответствии с требованиями Федерального закона РФ «Об энергосбережении» от 1996 г. в Мордовии действовала программа «Энергосбережение в Республике Мордовия на 2001—2005 годы». По плановым расчетам, затраты на реализацию программы должны были составить 564 млн руб. при экономическом эффекте в период реализации программы не менее 750 млн руб., с 2006 г. — не менее 400 млн руб. ежегодно. Во исполнение Федерального закона «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ, в целях проведения комплексных системных работ по реализации политики энергосбережения и повышения энергетической эффективности в рамках учреждений бюджетной сферы, в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ и Уставом ГО Саранск в 2010 г. разработана и вступила в силу программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности по учреждениям, финансируемым за счет средств бюджета ГО Саранск, на 2010—2012 гг.».

Был осуществлен комплекс программных мероприятий по энергосбережению и повышению энергоэффективности в многоквартирных домах в период 2010—2015 гг.⁷

Плановые показатели экономии энергоресурсов по многоквартирным домам представлены в табл. 2.

Таблица 2

Плановые показатели экономии энергоресурсов в 2014—2016 гг.⁸

Показатель	Всего	В том числе по годам		
		2014	2015	2016
Годовое сокращение потребления электроэнергии при переходе на многоставочные электросчетчики, млн кВт	2,39	—	1,19	1,19
Годовое сокращение потребления электроэнергии при внедрении светодиодных светильников, млн кВт	119,33	—	59,67	56,66
Годовое сокращение потребления тепловой энергии, тыс. Гкал	289,46	67,89	173,15	43,42
Годовое сокращение потребления воды, млн куб. м	11,05	2,21	8,2	0,64
Затраты на выполнение мероприятий, млн руб.	1441,5	601,33	464,48	375,69
Стоимость сэкономленных топливно-энергетических ресурсов, млн руб.	502,3	—	299,76	202,52

Объем финансовых средств на проведение мероприятий по энергосбережению в рамках Программы носил ориентировочный характер, уточнялся ежегодно по факту реализации и составил 2 617,56 млн руб.

Исследование вопросов организации ЖКХ Республики Мордовия и системы ресурсосбережения позволили выявить отсутствие внимания к вопросам ресурсосбережения на этапах становления и развития ЖКХ, организацию ресурсосбережения без применения мер по регулированию и стимулированию на государственном уровне, проведение ресурсосберегающих мероприятий в условиях наличия множества нерешенных проблем в отрасли и слабую ориентацию на зарубежный опыт.

Анализ деятельности жилищно-коммунальных предприятий, источников потерь жилищно-коммунальных услуг позволили дать низкую оценку выполнению ресурсосберегающих мероприятий в регионе по причине отсутствия нормативной, методической документации, материально-технической базы и финансовых возможностей для реализации ресурсосберегающих проектов из-за кризисного финансового состояния коммунальных организаций⁹.

В организации ресурсосберегающей деятельности ключевым является вопрос о финансировании подобных мероприятий. В настоящее время в России существуют несколько возможностей привлечения дополнительных средств в ЖКХ

с императивом ресурсосбережения: бюджетные средства (сэкономленные дотации и средства, выделяемые на проведение капитального ремонта, оплату тепла и подготовку к зиме, а также целевое финансирование из городского бюджета); средства населения, складывающиеся из стоимости сэкономленной тепловой энергии, введения энергосберегающей составляющей в квартплату, повышения ставок отчислений на капитальный ремонт в составе платежей за ЖКХ; средства тепловых компаний, сэкономленные за счет ресурсосберегающей компоненты в составе тарифа на тепло; средства ЖКХ и другие средства (кредитные ресурсы, консолидированные внебюджетные средства, частный капитал и т. д.).

Основным способом консолидации бюджетных средств является включение ресурсосберегающих проектов в целевые программы различного уровня (республиканские, федеральные, международные). Однако принятию положительных решений о выделении средств должны предшествовать соответствующие технико-экономические обоснования и бизнес-планы. Инвестирование ресурсосберегающих мероприятий сопровождается оценкой эффективности подобных проектов, где отражается влияние результатов на доходы и расходы местных бюджетов.

Хозрасчетные негосударственные структуры должны получать средства из бюджетных источников только по результатам конкурса и на возвратной основе. Предпочтительное должно отдаваться быстроокупаемым инвестиционным проектам со сроком реализации 2—3 года. Эффективным методом финансирования можно считать предоставление бюджетных гарантий под займы.

Средства, предусмотренные в местном бюджете на финансирование развития и текущей деятельности ЖКХ, целесообразно направить на установку приборов учета в организациях бюджетной сферы. Эффективность их использования должна определяться по критерию сокращения потребности в бюджетных средствах, направленных в виде дотаций предприятиям ЖКХ. Кроме того, возможно создание муниципальных финансово-кредитных систем, обеспечивающих поддержку целевых ресурсосберегающих программ.

Механизмы финансово-экономического обеспечения мероприятий по ресурсосбережению должны включать сба-

лансированные системы стимулирования и принуждения. Возможно применение «револьверного» способа, сущность которого заключается в том, что организации, реализующие ресурсосберегающие проекты на объектах бюджетной сферы, получают из государственного бюджета начальный объем финансовых средств, значительно меньший требуемого, но достаточный для осуществления работ на части объектов. В результате их выполнения ресурсопользование там снижается и для них можно уменьшить бюджетные дотации. При этом часть полученной экономии средств возможно направить на погашение полученных инвестиций, а остальное использовать на финансирование ресурсосберегающих проектов следующей группы объектов. Дальнейшее субсидирование целесообразно осуществлять из бюджета и аккумулированных средств. В зависимости от масштабов проектов и доли реинвестированных сэкономленных средств наступит момент, когда этого будет достаточно для финансирования работ, а бюджет получит возможность снижения объема дотаций на ресурсопотребление объекта.

Существенную роль в привлечении финансовых средств играет многоканальность источников субсидирования ресурсосберегающих мероприятий. Подобные проекты могут быть реализованы разными способами в части организации схем финансирования. Важным источником капиталовложений в ресурсосберегающие мероприятия является долговое финансирование, предполагающее проведение реконструкций на предприятиях ЖКХ за счет заемных средств и выплаты долга из полученной в результате проведения ресурсосберегающих мероприятий экономии. Преимущества долгового финансирования обусловлены:

— экономической целесообразностью. Размеры инвестиций в проекты ресурсосбережения, как правило, велики. Их полноценное финансирование из бюджета в рамках относительно короткого строительного периода либо невозможно, тогда строительство и реконструкция оттягиваются на неопределенный срок, либо бремя расходов бюджета слишком велико и инвестиции осуществляются за счет других не менее важных статей расходов. Долговое финансирование позволяет провести ресурсосберегающие мероприятия без отсрочек, распределить расходы на несколько лет;

— экономической привлекательностью. Источником погашения заемных ресурсов могут быть средства, сэкономленные в результате сокращения себестоимости производства дорогостоящих коммунальных услуг;

— социальной справедливостью. В мировой практике принято распределять бремя инвестиций в общественный сектор экономики на тех, кто реально пользуется производимыми ею благами и услугами. Городская инфраструктура служит многие десятки лет, поэтому наиболее справедливой моделью с этой точки зрения являются долгосрочные заимствования с последующим инвестированием полученных средств в городскую инфраструктуру и выплатами по долгам в течение долгого периода. Таким образом, может быть достигнута справедливость в распределении бремени финансирования инвестиций между несколькими поколениями пользователей.

Важным источником инвестиций в ресурсосберегающие мероприятия могут стать амортизационные отчисления при их аккумулировании на специальных счетах и целевом использовании. Необходимо отметить, что к «жилым зданиям» относятся и комплекс инженерного оборудования, находящийся в них. Источники инвестиций существуют, но они в ЖКХ не работают. Любой инвестор устанавливает основное условие предоставления своих средств для инвестирования ресурсосбережения — гарантию их возврата. Можно констатировать, что в настоящее время не существует отработанных схем по аккумулированию и выплате средств для возврата инвестиций.

В зарубежных странах такой проблемы нет, так как население в состоянии оплатить большую часть мероприятий в области ресурсосбережения в жилищном фонде. В российских условиях эта проблема имеет первостепенное значение из-за низкой платежеспособности населения.

Предлагаем схему финансовых потоков для финансирования ресурсосберегающих мероприятий (рисунок). Основным источником возврата инвестиций будут бюджетные средства. Для обеспечения возврата долгов, взятых на ресурсосбережение, может направляться часть средств местного бюджета, ранее предназначавшихся для финансирования развития и текущей деятельности предприятий ЖКХ и высвобожденных в результате реализации ресурсосберегающих проектов.

Рисунок. Источники возврата инвестиций в ресурсосберегающие мероприятия ЖКХ

Источником погашения долга может стать возникающая в результате проведения ресурсосберегающих мероприятий экономия за счет: установки современного экономичного оборудования, сокращения потерь вследствие проведения реконструкции, уменьшения расходов на текущий ремонт объектов ЖКХ в результате модернизации.

Предпочтительным видом обеспечения возврата долга являются платежи населения за коммунальные услуги. Возможным источником возврата инвестиций могут стать собственные средства ЖКХ, полученные в качестве платы за аренду энергосберегающего оборудования на правах лизинга, а также за счет повышения платы за аренду нежилых помещений при улучшении их комфортности. Коммунальное предприятие может использовать в качестве залога по кредитам коммерческих банков права требования оплаты предоставленных услуг. В данном случае необходимо передавать лишь часть платежей, сумма которых покрывает всю

сумму долга, процентов по нему, величину, эквивалентную ожидаемым неплатежам.

Источниками возврата инвестиций могут стать введение дополнительной инвестиционной составляющей, отчисления на капремонт в составе квартплаты. Вся политика в сфере ЖКХ в последние годы направлена на сдерживание роста цен. В стране нередко устанавливаются тарифы ниже уровня, обеспечивающего возмещение коммунальными службами издержек на производство услуг. Однако, как свидетельствует мировой опыт, экономия на оплате ресурсов сопровождается ростом квартплаты. Здесь необходимо действовать в соответствии с принципом «размер платежей за коммунальные услуги после проведения ресурсосберегающих мероприятий не должен существенно повыситься при прочих равных условиях». Иначе становятся нецелесообразными сами мероприятия по ресурсосбережению, являющиеся важной составляющей реформирования ЖКХ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Корнеева Н.В., Гераськина И.Н. Приоритетные направления решения проблем ресурсосбережения в сфере ЖКХ Республики Мордовия // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 9. С. 16—24.

² См.: Республиканская целевая программа «Модернизация и реформирование жилищно-коммунального хозяйства» на 2011—2015 годы (утв. Постановлением Правительства Республики Мордовия от 29 ноября 2010 г. № 459). URL: <http://jkh.e-mordovia.ru> (дата обращения: 01.04.2015).

³ См.: Расходы фонда ЖКХ в Республике Мордовия. URL: <http://youhouse.ru> (дата обращения: 11.02.2015).

⁴ См.: Показатели, подлежащие раскрытию в сферах холодного водоснабжения и водоотведения по МП ГО Саранск «Саранское водопроводно-канализационное хозяйство». URL: <http://www/adm-saransk.ru> (дата обращения: 15.01.2015).

⁵ Там же.

⁶ См.: Республиканская целевая программа «Модернизация и реформирование жилищно-коммунального хозяйства» ...

⁷ См.: Целевые программы. URL: <http://minzhkh.e-mordovia.ru> (дата обращения: 18.12.2014).

⁸ Там же.

⁹ См.: Гераськина И.Н. Формирование стратегии промышленного предприятия региона на основе бенчмаркинга // Регионология. 2012. № 2. С. 68—74.

Поступила 18.02.2015.

I. N. Geraskina, N. V. Korneeva. Housing Services and Utilities System of Saransk and the Main Directions of Formation of Resource-Saving Activities in the Sector

In accordance with the policy of Russia's federal authorities aimed at self-sufficiency of regions, the Republic of Mordovia faces the acute problem of energy security, which for lack of own energy resources can only be solved through efficient use of resources. Mordovia is an energy-dependent region. At the same time, according to experts, its own and the purchased resources are spent inefficiently.

The paper reveals the problems of the housing services and utilities sector as well as political and economic contradictions between the interests of the federal and municipal authorities arising from the reform of the sector. In order to develop the areas of formation of resource-saving activities in the sector under consideration, the paper analyzes the housing services and utilities system of the city of Saransk, the state of metering in the housing stock of the city, the tear and wear of the housing stock, as well as the water and heat supply systems in Saransk. The paper reveals the problems of organization of resource-saving in housing services and utilities as well as issues of the theory and practice of resources saving in the Republic of Mordovia and in enterprises within the housing and utilities sector. Special attention is paid to analysis of the main causes of losses in the housing services and utilities sector; the resource-saving activities are assessed. Funding remains the key issue of organization of the resource-saving activity. An original scheme of financial flows to finance the resource-saving activities is proposed.

Н. И. ИЗЕРГИНА, Л. А. ЗАЙЦЕВА, В. П. ИЗЕРГИНА
СИСТЕМНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: системная модернизация, социоинновационное развитие, инновационная политика, инновационное развитие, регион

Key words: systemic modernization, socio-innovative development, innovation policy, innovative development, region

В статье анализируется сущность системной модернизации российского общества и роль инновационной политики в регионе в модернизационных процессах. Особое внимание уделяется анализу опыта Республики Мордовия в осуществлении инновационной политики.

The paper analyzes the essence of a systemic modernization of the Russian society and the role of regional innovation policy in the modernization process. Special attention is paid to analysis of the experience of the Republic of Mordovia in implementation of the innovation policy.

Приоритетом развития России в XXI в. является системная модернизация, основанная на ценностях и институтах демократии, умной экономике, производящей уникальные знания, новые вещи и технологии, обеспечивающие новое

ИЗЕРГИНА Нина Ивановна, профессор кафедры регионоведения и политологии Мордовского государственного университета, доктор политических наук.

ЗАЙЦЕВА Лариса Александровна, доцент кафедры регионоведения и политологии Мордовского государственного университета, кандидат политических наук.

ИЗЕРГИНА Вера Павловна, старший лаборант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета, кандидат политических наук.

IZERGINA Nina Ivanovna, Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Regional Studies and Political Science, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

ZAITSEVA Larisa Aleksandrovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Regional Studies and Political Science, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

IZERGINA Vera Pavlovna, Candidate of Political Sciences, Senior Department Assistant at the Department of Methodology of Science and Applied Sociology, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Изергина Н. И., Зайцева Л. А., Изергина В. П., 2015

качество жизни людей не только как потребителей, но и как творцов новых социальных идей, новой национальной духовной культуры. Новое качество жизни как главный критерий системной модернизации российского общества должно выражаться в том, чтобы человек стремился не только владеть, распоряжаться и наслаждаться, но и творить, создавать и совершенствовать, используя все дары природы. Системная модернизация как социоинновационное развитие предполагает гармоничное развитие экономики, социально-трудовой сферы и культуры на основе сотрудничества государства, общества и бизнеса для достижения общих целей. Иначе говоря, системная модернизация осуществима в условиях общественной поддержки проводимых преобразований.

Россия как федеративное государство заинтересована в экономической модернизации регионов, так как взаимоотношения в экономической сфере, по мнению исследователей, являются одной из ключевых проблем в обеспечении безопасности федерации и ее субъектов¹. Концептуальные подходы к инновационному развитию Республики Мордовия (РМ) обозначены в Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г., Стратегии инновационного развития Мордовии до 2030 г., Концепции Республиканской целевой программы научно-инновационного развития РМ на 2010—2015 гг. и Программы повышения инвестиционной привлекательности республики. Стратегия основной целью развития республики определяет повышение конкурентоспособности региона за счет инновационного сектора экономики и повышения качества жизни населения. Реализация Программы научно-инновационного развития РМ должна обеспечить создание условий для достижения приоритетных задач, сформулированных в Стратегии, формирования в РМ инновационно-технологического узла межрегионального электротехнического кластера, а также развития базовых секторов специализации региона и появления новых секторов.

Инновационный потенциал Мордовии, по данным рейтингового агентства «Эксперт РА», имеет стабильную тенденцию к росту. В последнее время в республике формируются высокотехнологичные промышленные кластеры в светотехнической, агропромышленной, фармацевтической, кабельной, оптико-волоконной отраслях, а также в сило-

вой электронике. Перспективными для Мордовии являются информационные технологии, биотехнологии, композитные материалы, фотоника и производство светодиодов. Активизировались исследования в сфере нанотехнологий. В Стратегии инновационного развития России Мордовия отнесена к числу «успешных инновационно-активных субъектов», чей опыт необходимо использовать другим регионам «для совершенствования институциональной среды и механизмов использования инновационной инфраструктуры, являющихся основой успешного развития»².

В интервью телеканалу РБК 1 апреля 2014 г. Глава РМ В. Д. Волков отметил, что Мордовия — это в первую очередь территория инноваций. Регион развивается за счет внедрения наукоемких технологий. В рейтинге инновационного развития регионов за пять лет Мордовия поднялась на 55 пунктов. «За последние десять лет Мордовия вдвое увеличила объем валового регионального продукта, — подчеркнул В. Д. Волков. — И еще вдвое мы увеличим ВРП за предстоящие пять лет»³. ВРП на душу населения в Мордовии в 2012 г. по сравнению с 1998 г. увеличился в 18 раз. В 2014 г. поставлена задача обеспечить прирост ВРП и объемов промышленного производства как минимум на 6 %⁴. В последние годы рост объемов промышленного производства и строительных работ в республике превысил среднероссийскую динамику. Доля инновационной продукции в республике превышает 20 %⁵. Объем экспорта продукции за последние пять лет увеличился в 2,5 раза.

Успехи социально-экономических преобразований в Мордовии в значительной степени обусловлены эффективностью научно-инновационной деятельности. При этом в определяющей степени решение задач научно-инновационного развития зависит от инфраструктуры, которая в республике поддерживается и развивается. Поддержку инфраструктуры инноваций в РМ формируют: Министерство промышленности, науки и новых технологий РМ, Министерство информатизации и связи РМ, НО «Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Республики Мордовия», ЗПИФ смешанных инвестиций «Региональный фонд инвестиций в субъекты малого и среднего предпринимательства», АУ «Технопарк-Мордовия» (Технопарк), Информационно-вычислительный комплекс,

ООО «Инновационно-технологический центр Республики Мордовия», управление научных исследований Мордовского государственного университета, ОАО «Научно-технологический парк Мордовии», подразделение «Биокомпозит», АНО «Центр интеллектуальной собственности Республики Мордовия», ГКУ «Бизнес-инкубатор Республики Мордовия», ГУ «Мордовский центр научно-технической информации», ГНУ «Мордовский научно-исследовательский институт сельского хозяйства» Российской академии сельскохозяйственных наук, ООО «Мордовский республиканский научно-технический центр "Электротехника Мордовии"», ООО «Центр поддержки научно-инновационного предпринимательства „Интеллис”»⁶.

Ведущее положение в республике как поставщики инновационной продукции занимают: Мордовский государственный университет, Мордовский государственный педагогический институт, ОАО «Электровыпрямитель», Лисма-ВНИИИС, НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. В Мордовском университете имеется Центр трансфера технологий — информационная инфраструктура, осуществляющая отбор проектов, представляющих коммерческий интерес. Эффективным направлением коммерциализации разработок является создание новых технологических компаний. В 2011 г. в Мордовском государственном университете создано 7 малых инновационных предприятий.

ОАО «Электровыпрямитель», успешно развивая проект в области разработки и освоения промышленного производства приборов нового поколения на основе широкозонных полупроводниковых материалов, способствует качественному, инновационному развитию экономики республики, выходу ее на российский рынок с наукоемким и конкурентоспособным товаром. В 2005 г. Правительство РМ и Торгово-промышленная палата РМ создали ООО «Инновационно-технологический центр Республики Мордовия», который должен на новом уровне решать вопросы подготовки кадров для инновационной деятельности. ООО «Центр ЭкоГеоТехПром» осуществляет работы в области геологоразведки, эффективного использования природных ресурсов в республике, решения экологических проблем. Разрабатываемые и реализуемые Центром проекты оказывают значительное влияние на развитие сельского хозяйства и строительных технологий

в республике. Центр компьютерных технологий, относящийся к предприятиям инновационной структуры, создан для усовершенствования и поддержки информационных технологий в области межбюджетных и имущественных отношений в РМ. ООО «Центр новых строительных материалов и технологий», наряду с проведением научных исследований, выполняет сертификацию работ в области строительных технологий. В республике работает Центр координатного земледелия, которым, например, разработана технология дифференцированного применения минеральных удобрений и средств защиты растений под яровую пшеницу, позволяющая обеспечить устойчивое формирование урожайности на 10—15 %, экономию ресурсов на 15—20 % и минеральных удобрений на 20—25 %. Сотрудники Центра испытания и внедрения новой сельскохозяйственной техники и машинных технологий активно работают над адаптацией отечественной и зарубежной техники к условиям республики. В 2006 г. здесь начато производство пяти видов почвообрабатывающей техники по технологиям итальянских производителей, которые хорошо зарекомендовали себя на полях республики и других регионов России. Отдельные узлы сельхозтехники, изготавливаемые в Саранске, направляются для сборки этих агрегатов на предприятия Западной Европы. Продолжает работу ООО «Мордовский республиканский научно-технический центр “Электротехника Мордовии” — Центр энергосбережения Республики Мордовия». Выполнены проекты НИОКР по модернизации светильников уличного освещения в городах Саранске и Рузаевке, позволяющие экономить до 40 % электроэнергии, расходуемой на эти цели. ГУП «Научно-производственный центр информатизации и новых технологий» оказывает сервисные услуги и технологическую поддержку органам государственной власти и организациям в области информатизации. Развитием современных медицинских технологий в республике занимается Республиканский центр современных медицинских технологий, специализирующийся на телемедицине и на работах в области создания банка стволовой клетки⁷.

Для координации работы по реализации проектов и программ развития в 2013 г. в республике создано региональное Агентство инновационного развития. Региональный инновационный комплекс на основе соглашений поддерживается

такими крупнейшими федеральными институтами развития, как РОСНАНО, Ростехнологии, ММВБ, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и рядом крупнейших компаний и научных организаций. Для поддержки малого инновационного бизнеса активно привлекаются средства федерального и республиканского бюджетов, частных компаний. На условиях паритетного финансирования созданы ГКУ «Бизнес-инкубатор Республики Мордовия», Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Республики Мордовия, АНО «Гарантийный фонд кредитного обеспечения Республики Мордовия». Формируется инфраструктура поддержки субъектов малого предпринимательства на муниципальном уровне: функционируют две микрофинансовые организации и два информационно-правовых центра поддержки малого предпринимательства, созданные при участии республики.

Основным элементом региональной инновационной системы, направленным на формирование инновационного кластера республики, является Технопарк. Он объединяет существующую инновационную инфраструктуру и инновационно активные предприятия в единый механизм, создает дополнительные стимулы для развития инновационного малого и среднего бизнеса, включая малые научные предприятия при вузах и НИИ. В рамках этого проекта в 2011 г. в республике был открыт первый на территории стран СНГ технологический комплекс по производству полиэтиленов пероксидной сшивки для кабельной промышленности — «Лидер-Компаунд». Кроме того, были введены в строй новые предприятия: ООО «Исследовательский центр „Оптикэнерго”» и ООО «САРМАТ» — совместное российско-испанское предприятие, специализирующееся на производстве спиральной арматуры для ЛЭП и воздушных линий связи. Эти предприятия ориентированы на обеспечение максимально возможного собственного производства комплектующих и материалов, необходимых для кабельной промышленности, а также расширение номенклатурного перечня сопутствующих изделий и услуг⁸.

В 2013 г. Технопарк начал реализацию ряда значимых для республики инновационных проектов. В нем были размещены 44 компании-резидента по шести специализациям,

создано более 1 200 рабочих мест. Запущен IT-акселератор, деятельность которого направлена на отбор и поддержку инновационных проектов в этой области. Введен в эксплуатацию Центр экспериментального производства. Введение в эксплуатацию в 2014 г. Инжинирингового центра оптоэлектроники — первое звено в создании в Мордовии кластера оптоэлектронного приборостроения с применением оптоволокна и фотоники — новейшего инновационного кластера страны. Инжиниринговый центр опто-электроники, завод по промышленному выпуску оптоволокна, кабельное производство на основе оптоволокна и телевизионный завод — база для создания нового направления в стране — радиофотоники. В связи с этим перспективной целью инновационного развития республики является ее трансформация в центр оптоэлектроники в России. Тесно увязано с развитием оптоэлектроностроения формирование Центра проектирования инноваций, который позволит с нуля выходить на изготовление опытных образцов устройств и приборов. Принципиальное значение для развития экономики и науки в республике имеет привлечение мордовских ученых и инженеров к внедрению научных разработок на предприятиях региона.

В числе проектов Центра нанотехнологий и наноматериалов РМ, базирующегося на площадях Технопарка, пять международных проектов с участием представителей Германии, США, Финляндии и Швеции. В 2013 г. DATA-центр Информационно-вычислительного комплекса Технопарка получил сертификат TIER-4. Это показатель высшего уровня надежности и доступности. В мире его имеют всего около трех десятков DATA-центров, а в России он единственный. С сентября 2013 г. одним из якорных резидентов Технопарка, российско-корейской компанией «НЕПЕС РУС», организован промышленный выпуск светоизлучающих диодов и светильников на их основе с использованием удаленного люминофора.

Дальнейшее инновационное развитие республики связано с организацией производства полупроводниковых приборов силовой электроники нового поколения на основе технологии «кремний на молибдене» с использованием низкотемпературных соединений и архитектурного флоат-стекла; созданием комплексного производства светодиодов по технологии нитрида галлия на кремнии и современной

элементной базы силовой электроники на основе арсенида галлия. Будет продолжена модернизация производства и освоение новых видов продукции на предприятиях «ВКМ-Сталь», «Рузхиммаш», «Резинотехника», на телевизионном, приборостроительном, механическом заводах, в обществах «Лидер-Компаунд», «Плайтерра».

На реализацию этих и ряда других проектов необходимо привлечь значительные финансовые ресурсы. С этой целью в республике проводится систематическая работа по качественному улучшению инвестиционного климата. Механизм привлечения инвестиций предоставляет инвесторам широкий набор преференций и льгот, обеспечивающих благоприятные условия для инвестиционной деятельности. В результате в последние пять лет в Мордовии реализовано более 200 проектов развития с объемом инвестиций более 120 млрд руб. Создано и сохранено 34 тыс. рабочих мест, в том числе в 2013 г. создано 2 326 высокотехнологичных рабочих мест⁹.

Наряду с достигнутыми успехами в области инновационного развития, в республике имеются и проблемы. Они касаются привлечения в регион частных венчурных фондов и так называемых «бизнес-ангелов», работающих в наиболее рискованных зонах; участия в программах, финансируемых институтами развития, для которого в республике еще недостаточно интересных для инвесторов новых идей и проектов; недостаточного применения самых современных технологий и материалов в строительстве. Основными причинами, снижающими восприимчивость региональной экономики к инновационному развитию и инвестиционную привлекательность РМ, являются: непреодоленный спад воспроизводства; неразвитость институтов и механизмов государственно-частного партнерства в инновационной сфере и институтов развития; слабая мотивация к инновационно-инвестиционной деятельности вследствие сохранения низкого уровня жизни в регионе; высокий уровень дотационности регионального бюджета; деловой климат, не обеспечивающий рост малого инновационного предпринимательства, и др.¹⁰

Таким образом, главным приоритетом республики сегодня является ускоренное социоинновационное развитие. В общероссийском контексте, чтобы стать конкурентоспособным, высокоэффективным инновационным регионом с самой современной инженерной и социальной инфраструктурой и

максимально комфортными условиями для работы и жизни, Мордовия должна ежегодно по ряду направлений значительно превышать общероссийские параметры роста.

Инновационное развитие Мордовии в условиях системной модернизации должно быть ориентировано на развитие собственной региональной научно-технической сферы без неоправданного импорта в регион технологий; создание механизмов поддержки и развития инновационной деятельности для повышения общей инвестиционной привлекательности республики; формирование региональной инновационной системы по принципу сети — специальных региональных инновационно-внедренческих кластеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Зайцева Л.А., Казакова М.Н. Потенциал федерализма в обеспечении национальной безопасности России // Современные тенденции в образовании и науке: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Тамбов, 31 октября 2013 г.): в 26 ч. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. Ч. 22. С. 58—61.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.» от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124> (дата обращения: 17.11.2014).

³ Глава Республики Мордовия В.Д. Волков ответил в прямом эфире на вопросы телеканала РБК. URL: <http://www.e-mordovia.ru/news/view/19629> (дата обращения: 15.11.2014).

⁴ См.: Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия 31 января 2014 года. URL: <http://www.e-mordovia.ru/content/view/2531> (дата обращения: 17.11.2014).

⁵ См.: Зотикова В. В производстве Мордовии доля инновационной продукции достигла 26 %. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/23/reg-pfo/innovacii-anons.html> (дата обращения: 07.11.2014).

⁶ См.: Кормишкин Е.Д., Кормишкина Л.А., Горин В.А. и др. Формирование регионального сегмента национальной инновационной системы в современной России: моногр. / под общ. ред. Е.Д. Кормишкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. С. 141—142.

⁷ См.: Изергина Н.И., Изергина В.П. Республика Мордовия в России и мире: учеб. пособие / под ред. Н.М. Арсентьева. Саранск: Издат. центр ИСИ МГУ им. Н.П. Огарёва, 2013. С. 173—175.

⁸ См.: Кормишкин Е.Д., Кормишкина Л.А., Горин В.А. и др. Формирование регионального сегмента ... С. 142—143.

⁹ См.: Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия 31 января 2014 года.

¹⁰ См.: Кормишкин Е.Д., Кормишкина Л.А., Горин В.А. и др. Формирование регионального сегмента ... С. 176.

Поступила 28.11.2014.

N. I. Izergina, L. A. Zaitseva, V. P. Izergina.
Systemic Modernization and Innovation Policy in a Region

Systemic modernization is the priority of Russia's development in 21st century and its main criterion is the new quality of life, which is manifested in the desire not only to possess, use, and enjoy, but to create, produce, and improve. In this context, systemic modernization appears as a social and innovative development presuming harmonious development of economic, social, labor, and cultural spheres on the basis of cooperation between the state, society, and business to achieve common goals.

Subjects of the Russian Federation perform an important role in the systemic modernization. Success of national innovative activity of the country is determined by the chosen concept of innovative development of the regions. Today, the Republic of Mordovia is among the successful innovation-active subjects. The main priority of the Republic is the accelerated socio-innovative development. In the national context, in order to become a competitive and highly efficient innovative region with the most modern engineering and social infrastructure and the most comfortable conditions for work and life, Mordovia needs to significantly exceed the national growth rates in a number of sectors annually.

Innovative development of the Republic of Mordovia in the conditions of systemic modernization should be focused primarily: on development of its own regional scientific and technical sphere without undue import of technologies to the region; on establishment of mechanisms to support and develop innovative activities in order to improve the overall investment attractiveness of the Republic; on formation of a regional innovation system as a network of special regional innovative clusters.

С. Г. УШКИН Л. Ю. МАКСИМОВА В. А. ИНШАКОВ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА: МНЕНИЯ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, инновационная активность, научно-инновационная сфера

УШКИН Сергей Геннадьевич, научный сотрудник отдела мониторинга экономических процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга» (г. Саранск).

МАКСИМОВА Лариса Юрьевна, старший научный сотрудник отдела мониторинга экономических процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга» (г. Саранск).

ИНШАКОВ Виталий Александрович, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга экономических процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», кандидат социологических наук (г. Саранск).

USHKIN Sergei Gennadievich, Research Officer at the Department of Monitoring of Economic Processes, State Public Institution of the Republic of Mordovia 'Scientific Center for Social and Economic Monitoring' (Saransk, Russian Federation).

MAKSIMOVA Larisa Yurievna, Senior Research Officer at the Department of Monitoring of Economic Processes, State Public Institution of the Republic of Mordovia 'Scientific Center for Social and Economic Monitoring' (Saransk, Russian Federation).

INSHAKOV Vitaly Aleksandrovich, Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Officer at the Department of Monitoring of Economic Processes, State Public Institution of the Republic of Mordovia 'Scientific Center for Social and Economic Monitoring' (Saransk, Russian Federation).

© Ушкин С. Г., Максимова Л. Ю., Иншаков В. А., 2015

Key words: innovations, innovative activity, innovative actions, scientific and innovative sphere

В статье анализируются текущее состояние, перспективы развития и существующие проблемы научно-инновационной сферы Республики Мордовия. В основу статьи положены материалы экспертного опроса, проведенного среди представителей органов государственной власти, научно-образовательных, производственных и других организаций, имеющих непосредственное отношение к научно-инновационной сфере.

The paper analyzes the current state, the prospects of development, and the existing problems of the science and innovation sector in the Republic of Mordovia. The paper is based on an expert survey conducted among representatives of the state authorities, scientific and educational, industrial and other organizations relevant to the field of scientific innovation.

Переход страны от экспортно-сырьевой к инновационной модели развития является одной из основных задач России на ближайшую перспективу. Ключевым моментом этих изменений выступают повсеместное распространение инноваций, ускоренное развитие науки, технологий и высокотехнологичных производств. Пока положение России на мировом рынке не позволяет говорить о произошедшем за последние годы технологическом скачке. Напротив, Россия постепенно утрачивает свои позиции в экспорте высокотехнологичных товаров и продукции с высокой добавленной стоимостью, при этом доля России на рынке высокотехнологичной продукции составляет чуть более трети процента¹.

Длительное время в социологии проблематика научно-инновационного развития оставалась периферийной, выходя на первый план только в периоды научно-технических революций. Формирование устойчивого интереса к ней со стороны социальных исследователей произошло лишь в середине XX в., в первую очередь под влиянием работ Г. Тарда, Й. Шумпетера и Р. Мертон². По мнению некоторых авторов, причина этого заключается в осознании того факта, что «для успешного внедрения научно-технических новшеств недостаточно создать условия для научных открытий и наладить процесс технологического производства инновации»³.

Сегодня инновация «становится одним из ключевых элементов культуры, общезначимой социальной ценностью, не ограничивающейся пределами технической и экономической областей деятельности, распространяемой на сферы общественных норм, образов, идеалов»⁴. Несмотря на это,

понятие «инновации» до сих пор не является унифицированным и концептуализированным в отечественной социологической литературе⁵. Поэтому в исследовании мы использовали определение, закрепленное на федеральном уровне: «Инновации — введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях»⁶.

С 4 по 25 ноября 2013 г. Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга» провело экспертный опрос «Развитие научно-инновационной сферы в Республике Мордовия». Целью исследования было получение экспертных оценок текущего состояния, перспектив развития и существующих проблем научно-инновационной сферы региона.

Критериями формирования экспертной группы отбора выступили непосредственное отношение эксперта к исследуемой области, опыт работы по профилю и отношение к руководящей профессиональной элите. Общее число экспертов составило 28 чел. (2 представителя органов государственной власти, 12 — научно-образовательных учреждений, 10 — производственных организаций, 4 — других организаций), имеющих непосредственное отношение к научно-инновационной сфере.

Современное состояние научно-инновационной сферы Российской Федерации в целом экспертами характеризуется преимущественно негативно (+21/-79 %). Несколько выше оно оценивается применительно к территории Мордовии (+36/-64 %). Причина такого несоответствия заключается в том, что в последние годы в регионе существенно увеличилось число инновационных производств, стали активно внедряться новые технологии, развивается инновационная инфраструктура⁷. Это подтверждается и тем, что около половины экспертов (46 %) положительно оценивают динамику происходящих изменений на территории Российской Федерации и две трети (67 %) — в Мордовии. Причем большая часть экспертов ожидает улучшения состояния научно-инновационной сферы в стране (39 %) и регионе (54 %).

Фиксируется выраженный негативный вектор оценки уровня инновационной активности в России и Республике

Мордовия. Баланс положительных и отрицательных мнений в первом случае составляет +36/-64 %, во втором — +4/-57 %. По отношению к Российской Федерации позиции экспертов являются в большей степени радикальными и полярными, средние оценки практически отсутствуют; по отношению же к республике доля средних оценок превышает треть (39 %). Это является тревожным симптомом, поскольку инновационная активность на территории региона оценивается ниже, чем в целом по стране.

Интересным представляется сопоставление представленных данных с результатами других методологически совместимых исследований. Следует упомянуть проведенный в октябре — ноябре 2010 г. в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» экспертный опрос, посвященный перспективам инновационного развития глазами российской научно-технической элиты. Согласно одному из его выводов, «Россия находится где-то в общем ряду 10—15 развитых стран, проявляя тенденцию в середину данного списка»⁸. Другими словами, экспертное сообщество скептически настроено по отношению к текущей ситуации. Результаты опроса это подтверждают.

В ходе исследования эксперты оценивали не только общую картину, но и состояние научно-инновационной сферы в Мордовии по различным компонентам. Каждый из показателей был оценен экспертами по шкале от 1 до 5, где 1 балл — низкая, 5 баллов — высокая оценка. Наибольшие опасения экспертов связаны с конкурентоспособностью научных достижений на международном уровне (2,36 балла), финансовым обеспечением (2,48), результативностью научных исследований и разработок (2,50), подготовкой и восполнением научных кадров (2,52 балла). Наиболее позитивно оценивается интеллектуальный потенциал (3,07 балла). Интегральная же оценка состояния научно-инновационной сферы, рассчитываемая как среднее арифметическое, составила 2,61 балла. В рамках выбранной нами шкалы состояние научно-инновационной сферы по параметрам можно оценить как удовлетворительное.

Основным сдерживающим фактором научно-инновационного развития, по мнению экспертов, выступает *дефицит квалифицированного инженерно-технического персонала*

(85 %). Интеллектуально-кадровый потенциал традиционно признается одним из важнейших системообразующих элементов инновационного потенциала экономической системы любого хозяйственного уровня, поскольку от него зависит потенциальная возможность появления инноваций⁹. Более половины экспертов (61 %) оценивают кадровый потенциал как средний, а еще около трети (36 %) — как низкий. Его восполнение также является существенной проблемой: качество подготовки специалистов — выпускников высших учебных заведений региона оценивается на 5,6 балла из 10 максимально возможных.

По мнению некоторых авторов, «воспроизводство высококвалифицированных кадров в России оказалось под угрозой в связи с постепенным исчезновением "советского поколения" ученых и преподавателей, а также явно недостаточными масштабами притока и закрепления молодежи в научных организациях и вузах»¹⁰. В научной литературе фиксируется, что низкая степень участия государства в международном научно-техническом обмене обусловлена не только последствиями социально-экономического кризиса, но и «нехваткой высококвалифицированных кадров нового поколения, самостоятельных в мышлении, обладающих высоким лидерским потенциалом, высокомотивированных на творчество и инновации»¹¹.

В условиях возникшего дефицита высококвалифицированных кадров в инновационной сфере, по мнению большинства экспертов, необходимо оказание всесторонней поддержки развитию вузовской и академической науки (68 %). Каждый второй опрошенный представитель научной и управленческой элиты считает, что стоит объединить усилия образовательного и научного потенциала (46 %). Столько же полагают, что нужно создание системы непрерывного обучения и переподготовки кадров (46 %). Также в Республике Мордовия необходимо создавать условия для профессиональной самореализации и карьерного роста инженерно-технического персонала (43 %).

Второй сдерживающий фактор — сложность привлечения внешнего финансирования для разработки и внедрения новых продуктов, услуг и технологий (67 %). В данном случае под внешним финансированием инновационной деятельности понимаются привлечение и использование средств государства, финансово-кредитных организаций, отдельных

граждан и нефинансовых организаций¹². Для финансовой поддержки научно-инновационной деятельности в регионе, по мнению большинства экспертов, требуется активизация участия региона в федеральных целевых программах (64 %). Также значимы создание льготного режима налогообложения инвестиционной деятельности (39 %), бюджетное финансирование (32 %), расширение внебюджетного финансирования инноваций на приоритетных направлениях (29 %) и привлечение частных инвестиций (21 %).

Третьим сдерживающим фактором эксперты называют неэффективность существующих механизмов государственной финансовой поддержки инновационной деятельности (59 %). При этом абсолютное большинство экспертов (74 %) не удовлетворены состоянием нормативно-правового регулирования научно-инновационной деятельности на федеральном уровне. На уровне Мордовии их оценки менее критичны, однако уровень неудовлетворенности достаточно высок (57 %).

В значительной степени уровень инновационного развития зависит от качества инновационной политики в регионе¹³. Поэтому отдельного рассмотрения заслуживают составляющие механизма государственной поддержки инновационной деятельности, в число которых входят предоставление государственных гарантий, финансовая поддержка, субсидирование, льготное налогообложение, государственные преференции, консультационные услуги, экспертное обеспечение, поддержка научных исследований и информационное обеспечение (таблица).

Таблица

Оценки механизмов государственной поддержки научно-инновационной деятельности

Механизм	Средний балл
Предоставление государственных гарантий	2,78
Финансовая поддержка	2,70
Субсидирование	2,54
Льготное налогообложение	2,88
Государственные преференции	2,80
Консультационные услуги	2,78
Экспертное обеспечение	2,74
Поддержка научных исследований	2,85
Информационное обеспечение	2,96
Интегральный показатель	2,78

Каждый из показателей оценен экспертами по шкале от 1 до 5, где 1 балл — низкая, 5 баллов — высокая оценка. Интегральная оценка механизмов государственной поддержки научно-инновационной деятельности, рассчитываемая путем вычисления их среднего арифметического, составила 2,8 балла, что является удовлетворительным результатом.

Четвертый сдерживающий фактор — *низкий спрос на новую продукцию и услуги* (56 %). Это актуально не только для развития отдельно взятого региона, но и для всей страны в целом. Так, в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию В. В. Путин акцентировал внимание на том, что стране «необходимо формировать внутренний спрос на высокие технологии»¹⁴. Поэтому в Мордовии существует острая необходимость активизации работы по поиску новых рынков сбыта инновационных продуктов и услуг в России и за рубежом.

Пятый сдерживающий фактор — *нехватка управленческих кадров, способных реализовывать инновационные проекты* (41 %). Превращение научно-технических разработок в инновационный товар обеспечивают профессионально подготовленные специалисты в области менеджмента инноваций, владеющие компетенциями коммерциализации разработок, трансфера технологий, теории и практики правовой охраны и использования объектов интеллектуальной собственности, проектного финансирования и управления инновационными проектами. Качественной подготовке управленческих кадров будет способствовать предпринимательское взаимодействие университета, бизнеса и государства, т. е. внедрение в жизнь принципа «тройной спирали»¹⁵.

Почти каждый второй эксперт полагает, что в регионе необходимо создать механизм эффективного взаимодействия бизнеса, науки и образования (52 %), стимулировать крупный и средний бизнес к разработке и внедрению инноваций (52 %), поддерживать вузовскую и академическую науку (52 %) и организовать систему финансового обеспечения создания и внедрения инноваций (48 %). При этом каждый третий опрошенный представитель научной и управленческой элиты придерживается мнения, что республике необходимы разработка и реализация долгосрочной стратегии развития научно-инновационной сферы (33 %), повышение качества государственного управления научно-инновационной сферой

(33 %), поддержка и стимулирование развития малого инновационного предпринимательства (30 %). Несомненно, что этот круг вопросов также является важным компонентом государственного регулирования научно-инновационной деятельности в регионе.

В контексте мер, необходимых для эффективной мотивации научно-инновационной деятельности в республике, на первый план выходит ее экономическая составляющая. В частности, абсолютное большинство экспертов (82 %) сходится во мнении, что в регионе необходимо существенное увеличение заработной платы научных сотрудников. В настоящее время внутренние затраты на исследования и разработки (оборудование, приборы, препараты, расходные материалы, коммунальные услуги, заработная плата) в расчете на одного российского исследователя в 5—10 раз ниже, чем у стран — лидеров по этому показателю¹⁶. Это негативно влияет на состояние научно-инновационной сферы, поскольку существенно затрудняет приток новых высококвалифицированных кадров и препятствует раскрытию потенциала тех, кто уже работает в этом направлении.

Еще один важный фактор развития инновационной деятельности — *оснащение лабораторий оборудованием и обеспечение их расходными материалами* (57 %). Активизации научных исследований и разработок будет способствовать дальнейшее развитие созданных лабораторий в научных организациях, технопарке и на базе предприятий.

Другие факторы упоминаются реже. Среди них можно выделить повышение престижа научно-инновационной деятельности (39 %), предоставление молодым ученым социальных выплат на приобретение жилья на территории региона (32 %), возможности повышения качества квалификации научных работников (29 %) и обеспечение их расширенным социальным пакетом (льготы, бонусы и т. д.) (21 %).

Подводя итоги экспертного опроса, можно констатировать, что состояние научно-инновационной сферы в Республике Мордовия характеризуется наличием низких и средних оценок. Сравнение региональных показателей с общероссийскими значениями позволяет нам говорить о том, что значимого технологического отставания в республике не фиксируется. Напротив, здесь состояние научно-инновационной сферы оценивается более позитивно, чем в целом по

России. Следствием этого является то, что регион обладает предпосылками для активизации инновационного процесса и имеет достаточно развитый научно-исследовательский и производственный потенциал.

Отсутствие в регионе сырьевых запасов ориентирует республиканскую экономику на активный рост наукоемких, высокотехнологичных производств и выпуск конкурентоспособной продукции. В последние годы Мордовии удалось сделать прорыв в модернизации экономики и инновационном развитии. Тем не менее в условиях ужесточающейся конкурентной борьбы за ресурсы (в первую очередь интеллект) в республике фиксируется острая кадровая проблема научно-инновационной деятельности. Основными сдерживающими факторами ее развития в регионе выступают дефицит квалифицированного инженерно-технического персонала и нехватка управленческих кадров, способных реализовывать инновационные проекты.

В связи с этим одной из главных задач, определяющих развитие научно-инновационной сферы региона, становятся воспроизводство региональных интеллектуальных ресурсов и создание благоприятных условий инновационной деятельности. Для решения кадрового вопроса рекомендуется оказание поддержки развитию вузовской и академической науки.

Большая часть экспертов критикует существующие механизмы нормативно-правового регулирования научно-инновационной деятельности на федеральном и региональном уровнях. По их мнению, для того чтобы законодательная база в инновационной сфере работала, необходимы создание механизмов эффективного взаимодействия бизнеса, науки и образования, стимулирование крупного и среднего бизнеса к разработке и внедрению инноваций, поддержка вузовской и академической науки и организация системы финансового обеспечения создания и внедрения инноваций. Основной мерой, способствующей эффективной мотивации научно-инновационной деятельности в Мордовии, по мнению экспертов, должно выступить увеличение заработной платы сотрудников. Второй по значимости фактор — оснащение лабораторий оборудованием и обеспечение их расходными материалами.

В заключение необходимо отметить, что дальнейший мониторинг научно-инновационной сферы республики по-

зволит осуществлять наблюдение за состоянием сферы науки и инноваций в регионе и воздействующими на нее факторами, сравнение результатов инновационной политики региона во времени, будет способствовать принятию решений и реализации мер по эффективному регулированию региональной инновационной системы. Целесообразно проведение подобных мониторинговых исследований на всей территории Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Миндели Л.Э., Клева Л.П., Воробьев И.В. Наука и инновации в современной России // Энергия: экономика, техника, экология. 2012. № 3. С. 16.

² См.: Тард Г. Законы подражания. М.: Академ. проект, 2011. 304 с.; Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: ЭКМО, 2007. 864 с.; Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 880 с.

³ Пузанов К.А. Современные модели распространения инноваций: критический анализ // Социология власти. 2012. № 6—7. С. 82—83.

⁴ Басов Н.В. Инновация как фактор социальной самоорганизации: процессуально-пространственное моделирование // Журн. социологии и социал. антропологии. 2008. Т. 11. № 4. С. 185—186.

⁵ См.: Мезенина Н.С. Инновация как результат и процесс // Молодой ученый. 2012. № 6. С. 189—191.

⁶ Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О науке и государственной научно-технической политике"» от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ // Рос. газ. 2011. 26 июля. № 5537.

⁷ См.: Якуба В.В. Технопарк Мордовия: путь к прорыву // Наноиндустрия. 2013. № 4. С. 6—15.

⁸ Андреев А.Л. Перспектива инновационного развития глазами российской научно-технической элиты // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 2. С. 27.

⁹ См.: Сергеева В.В., Ширяев А.А. Кадровый потенциал региона и кадровая политика как факторы результативности инновационной деятельности // Социология науки и технологий. 2012. № 1. С. 65—78.

¹⁰ Гохберг Л.М., Китова Г.А., Кузнецова Т.Е., Шувалова О.Р. Российские ученые: штрихи к социологическому портрету. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. С. 9—10.

¹¹ Осипова О.Ю. Профессиональные компетенции, ценности и социальный статус молодых ученых региона // Регионология. 2011. № 2. С. 141.

¹² См.: Маховикова Г.А., Ефимова Н.Ф. Инновационный менеджмент: учеб. пособие. М.: ЭКМО, 2010. С. 136.

¹³ См.: Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналит. докл. / под ред. Л.М. Гохберга. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2012. С. 14.

¹⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 25.12.2013).

¹⁵ См.: Полутин С.В. Интеграция государства, науки и бизнеса в контексте теории «тройной спирали» // Регионоведение. 2013. № 4. С. 109—112.

¹⁶ См.: Программа кандидата в президенты Российской академии наук академика В.Е. Фортова. Основные направления развития Российской академии наук. Москва, 10 мая 2013 г. С. 42. URL: <http://www.oem.ras.ru/index.php/deyatelnost-otdeleniya/vybory-prezidenta-ran> (дата обращения: 14.12.2014).

Поступила 15.01.2015.

**S. G. Ushkin, L. Yu. Maksimova, V. A. Inshakov.
Modern State of the Science and Innovation Sector
of a Region: Opinions of the Expert Community**

The paper analyzes the current state, prospects of development, and problems of the science and innovation sector of the Republic of Mordovia. The paper is based on the results of an expert survey conducted in November 2013 among representatives of the state authorities, scientific and educational, industrial and other organizations relevant to the field of science and innovation (N = 28).

The general state of the science and innovation sector in the Republic of Mordovia is characterized mainly by low and medium appraisals. At the same time, positive dynamics of the changes occurring in the region was noted. The main constraints of scientific and innovative development, according to experts, are: shortage of qualified engineering and technical personnel; difficulty of attracting outer funding for development and introduction of new products, services, and technologies; ineffectiveness of the existing mechanisms of state financial support of innovation activity; low demand for new products and services; lack of management personnel capable of implementing innovative projects. Effective motivation of the research and innovation activities is possible by means of a substantial increase in salaries of scientific staff as well as by means of equipping laboratories and providing them with consumables.

On the basis of the conducted research the authors conclude that further monitoring of the science and innovation sector is a necessary and indispensable component of regional policy and that it is advisable to carry out such a monitoring on the whole territory of the Russian Federation.

**Л. А. КОРОТКОВА ЦЕЛОСТНОСТЬ
ОТОБРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТА
ПРИКЛАДНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Ключевые слова: прикладное исследование, целостность отображения, эмпирическое знание, научное описание, педагогическая практика, этап исследования, контекст, результаты исследования

Key words: applied research, integrity of representation, empirical knowledge, scientific description, pedagogical practice, stage of a study, context, results of a study

В статье обосновывается, что целостность отображения объекта на всех этапах прикладного исследования — это необходимое условие обеспечения качества его результата. Целостное отображение в педагогическом исследовании означает изучение объекта как со стороны его внутренних характеристик, так и со стороны того, как он отвечает целям и задачам, поставленным практикой.

Integrity of representation of an object at all stages of applied research is a necessary condition to ensure the quality of its result. Holistic representation in pedagogical research means studying an object both through its intrinsic characteristics and in terms of how it meets the practical goals and objectives.

Исходным пунктом прикладного педагогического исследования является педагогическая практика. Однако ученый не может и не должен изучать ее в бесконечном разнообразии. В каждом случае выделяется определенный участок педагогической практики — объект исследования, который с учетом ракурса его предмета подлежит целостному рассмотрению на всех этапах научного изыскания.

Целостность — объективное свойство предметов и явлений внешнего мира, а также «обобщенная характеристика объектов, обладающих сложной внутренней структурой»¹. Это

КОРОТКОВА Людмила Александровна, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, кандидат философских наук.

KOROTKOVA Lyudmila Aleksandrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics (Moscow, Russian Federation).

понятие обозначает внутреннее единство объекта, выражает его интегрированность, самодостаточность, автономность, отдифференцированность от окружающей среды, противопоставленность окружению. Оно характеризует и качественное своеобразие объекта, обусловленное присущими ему специфическими закономерностями функционирования и развития. Целостным называют также и сам объект, обладающий такими свойствами. В этом случае понятие «целостность» употребляется как синоним понятия «целое».

С методологической точки зрения представление о целостности заключается в указании на необходимость выявления внутренней детерминации свойств целостного объекта, на недостаточность объяснения специфики объекта только исходя из внешних условий. Каждый исследователь, начиная изучение объекта, уже имеет некоторое представление о нем. Но этих знаний недостаточно для целостного отображения исследуемого объекта педагогической действительности. Разрыв между познанным и непознанным ликвидируется посредством представления о целостности изучаемого объекта. Как отмечает И. В. Блауберг, целостность имеет двухслойную структуру, включая актуальное и потенциальное знание. Слой актуального знания образует уже известное, познанное. Второй слой выступает как потенциальный. Он представляет то, что выясняется в ходе дальнейшего исследования, т. е. взаимосвязи, которые существуют в действительности, но еще не раскрыты².

Задача исследователя учесть все, что познано в отношении изучаемого педагогического объекта, спроектировать непознанное и отобразить объект целостно на всех уровнях исследовательской деятельности, так как «целостность не всегда дана изначально, и это относится, в частности, к педагогическим объектам»³. В. А. Ганзен, например, пишет о целостности как о принципе, который следует реализовать целенаправленно⁴.

Мы рассматриваем целостность как одно из условий, обеспечивающих научную обоснованность и практическую направленность результата прикладного педагогического исследования. Отображать объект целостно, с нашей точки зрения, означает, что надо рассматривать его не как совокупность разрозненных элементов, каждый из которых изучается и обосновывается изолированно, а в единстве

всех его компонентов; не только со стороны его внутренних характеристик, но и функционально — со стороны того, как он отвечает целям и задачам, поставленным практикой. Практическая направленность изучаемого объекта в прикладном педагогическом исследовании должна быть обеспечена при его первоначальном отображении на эмпирическом уровне, при конструировании эмпирической модели, когда собранные исследователем эмпирические данные вводятся в систему научного знания. Описание как способ фиксации этих данных должно осуществляться в контексте педагогической теории.

Установление закономерных связей, раскрытие сущности изучаемого объекта не является целью отображения объекта на этом уровне исследовательской деятельности, поэтому оно не выводит исследователя за рамки эмпирического уровня. Оно представляет материал для научного анализа, фиксирует исследуемый объект педагогической действительности адекватным его фактическим параметрам. Его итог — модель изучаемого объекта, позволяющая исследователю углубиться в изучение отдельных его аспектов, сторон, закономерностей его функционирования, не забывая о его целостности.

Необходимость соблюдения указанного условия на всех этапах прикладного педагогического исследования объясняется и тем, что, как пишет В. Г. Афанасьев, «целостность не является свойством, постоянно присущим тому или иному процессу или предмету. На каком-то этапе развития предмета в силу тех или иных причин свойство целостности может возникнуть, а на каком-то другом этапе в силу других причин оно может исчезнуть, разрушиться»⁵. Именно это и происходит, если исследователь не осознает необходимости целенаправленно отображать изучаемый объект целостно. Рассмотрим, как может быть реализовано условие целостного отображения изучаемого объекта на всем протяжении исследовательской деятельности для обеспечения практической направленности прикладного исследования. При этом следует отметить, что понятие целостности неразрывно связано с понятиями системности и комплексности⁶.

Прикладное педагогическое исследование начинается с обнаружения противоречий в сложившейся педагогической практике, с наблюдения за состоянием личности учащегося

и анализа этого состояния на эмпирическом уровне. При этом в исследованиях по дидактике и методикам внимание обращено на такое качество личности, как обученность.

Анализ обученности с необходимостью предполагает дидактический обзор обучения как целостного объекта, основными инвариантными характеристиками которого, отображающими его внутреннее единство как целостности, являются единство преподавания и учения, содержательной и процессуальной сторон обучения. Мы разделяем точку зрения В. В. Краевского, считающего эти характеристики закономерно присутствующими в обучении и определяющими целостность, объективно ему присущую. Несмотря на то что в каждом дидактическом или частно-методическом исследовании изучается лишь небольшой участок сложившейся педагогической практики, ученый должен рассматривать как отношение «преподавание — учение», опосредованное через множество заранее запланированных учебных ситуаций, так и отношение «содержание — процесс его передачи», предполагающее учет состава содержания и разработку или применение уже существующих методов по его передаче⁷.

В результате целенаправленной, сознательной деятельности педагога-исследователя на этапе изучения сложившейся педагогической практики формируется двухслойное эмпирическое знание, которое одновременно носит «непосредственный и опосредованный» характер⁸. Первым его слоем является актуальное знание. Оно бывает непосредственным, содержание которого составляют чувственно данные явления, и опосредованным — явления, обнаруженные на основе уже известного исследователю ранее теоретического знания.

Слой потенциального эмпирического знания складывается чаще всего из результатов констатирующей части эксперимента и здесь тоже можно выделить знание непосредственное и опосредованное. Но такое эмпирическое знание — это отражение отдельных отношений в исследуемом объекте, взятых порознь. Отдельные отношения в таком виде не содержат единого, целостного понимания изучаемого объекта педагогической действительности. Связать в единое целое, систематизировать разрозненное эмпирическое знание об объекте помогает исследователю конструируемая им эмпирическая модель или описание, являющееся целью и результатом первого этапа исследования. Системообразующим

фактором на этом этапе выступает выделенный автором предмет исследования.

На теоретическом уровне у исследователя возникает потребность в новом знании из различных научных дисциплин, целью которой является получение научных знаний о свойствах исследуемого объекта. Одним из интегральных начал, обеспечивающих целостность отображения, выступает контекст как моделирующий элемент познания, так как познание объекта всегда осуществляется в контексте⁹.

Во второй половине XX в. содержание понятия «контекст» расширяется. Это изменение связано с возвращением к его исходному значению. Контекст происходит от латинского *cum, con-c, co-u textum* (ткань, связь) — тесная связь, переплетение. Определение контекста как «целого, связующего и объясняющего какие-либо явления, факты и т. д.»¹⁰ указывает исследователю на его возможности, заключающиеся в осуществлении связи исследуемого и установлении некоторых отношений, способных осуществить более детальное изучение объекта согласно целям и задачам исследования.

В отличие от идеи, «общего понятия о предмете или явлении»¹¹, концептуального замысла автора, контекст представляет собой целостную картину исследуемого объекта и различных его взаимосвязей. Отображение полноты объекта без акцента на какой-либо его стороне как основной является когнитивным элементом познания, формирующим смыслы и обеспечивающим целостность смыслового поля¹².

Философы рассматривают контекст в отношении к тексту, в их неразрывной связи. При этом текст выделяется в качестве предмета гуманитарного исследования¹³. По мнению М. М. Бахтина, аналогия с текстом, его первоначальным значением сближает понятия «контекст» и «текст», создает единое смысловое поле, позволяющее перенести закономерности функционирования одного (текст) на другое (контекст)¹⁴. При таком рассмотрении контекст предстает как первоначальная основа гуманитарного познания, позволяющая: придать смысл тексту; построить контекстуальный ряд в определенном направлении, создать смысловую структуру рассмотрения объекта; создать фоновое рассмотрение объекта, обогатить его смысловые решения; задать модель исследования, определенным образом конструировать тексты описаний; соединить внешние и внутренние характеристики

объекта; при помощи концептуальной идеи вновь задать направление рассмотрения объекта; структурировать все элементы в единораздельную целостность.

Целостность объекта на нормативном уровне прикладного педагогического исследования обеспечивается, с одной стороны, научным основанием, подготовленным двумя предыдущими уровнями. Таким основанием являются целостное эмпирическое описание объекта и целостное теоретическое представление о нем, с другой — требованиями общества, порождаемыми общественно-исторической практикой, социальным заказом, находящимся «вне системы педагогической деятельности, хотя именно эта практика и именно эти требования составляют фундаментальное, первичное основание обучения и воспитания»¹⁵.

Таким образом, исследователь отбирает некоторые факты, описывая их на уровне явлений. Такое описание отражает лишь внешние признаки исследуемого объекта. Более точное, целостное и глубокое представление о тех же фактах получается при рассмотрении их при помощи научных положений, что помогает исследователю, руководствуясь своей гипотезой, научно обосновать представление о том, как должна быть организована система педагогической деятельности, чтобы изменить существующее положение в лучшую сторону, т. е. описать исследуемый объект на уровне сущности.

Целостное описание на уровне сущности выполняет в таком исследовании модельную функцию. Нередко оно бывает представлено в наиболее абстрактном виде, например, в виде математического уравнения. Затем педагогическая действительность рассматривается с позиций этого абстрактного представления. Используя систему понятий, разносторонне отражающих сущность, исследователь выделяет в объекте только то, что связано с сущностными отношениями, принимая при этом некоторые из действующих факторов за постоянные, идеализируя обоснованное им представление, допуская, например, что педагогическое взаимодействие происходит без помех. Педагогическая же действительность не существует в чистом виде. Разнонаправленные факторы отклоняют реальный участок исследования от идеального. В. В. Краевский пишет по этому поводу: «Результаты, полученные при сопоставлении реального с идеальным, в итоге

категориального синтеза “сущность — явление” приводят к конкретному теоретическому представлению о проявлениях исследуемой зависимости как единству многообразного... На пути восхождения к такому описанию как мысленному конкретному от абстрактного представления... при постоянном обращении то к самой педагогической действительности, то к ее отражению в системе понятий, возникает необходимость и возможность конструирования модели обучения в плане должного, т. е. представления об обучении более совершенном, таком, каким оно должно быть»¹⁶, т. е. абстрактной модели должного как результата третьего (нормативного) уровня прикладного исследования в педагогике. Полученный таким образом результат носит целостный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большая советская энциклопедия. М., 1970. Т. 28. С. 480.

² См.: Блауберг И.В. Целостность и системность // Системные исследования. Методологические проблемы: ежегодник, 1977. М.: Наука, 1977. С. 5—28.

³ Краевский В.В. Проблема целостности учебно-воспитательного процесса в средней школе // Сов. педагогика. 1984. № 9. С. 37.

⁴ См.: Ганзен В.А. Восприятие целостных объектов. Л., 1974. С. 132.

⁵ Афанасьев В.Г. Системность и общество. М., 1980. С. 29.

⁶ См.: Краевский В.В. Проблема целостности учебно-воспитательного процесса в средней школе. С. 37.

⁷ См.: Лернер И.Я. Взаимосвязь обучения и воспитания в целостном учебно-воспитательном процессе // Нов. исслед. в пед. науках / АПН СССР. 1986. № 2. С. 14—18.

⁸ См.: Вахтомин Н.К. Генезис научного знания. М., 1973. С. 187.

⁹ См.: Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 129—141.

¹⁰ См.: Словарь новых слов русского языка. М.: Рус. яз., 1950—1980. С. 307.

¹¹ См.: Словарь иностранных слов. М., 1949. С. 239.

¹² См.: Розов М.А. Знание как объект исследования // Вопр. философии. 1998. № 1. С. 89—110.

¹³ См.: Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. С. 134.

¹⁴ См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 422 с.; Его же. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. С. 25.

¹⁵ См.: Краевский В.В. Проблемы научного обоснования обучения (методологический анализ). М.: Педагогика, 1977. С. 198.

¹⁶ Там же. С. 185—186.

Поступила 26.01.2015.

**L. A. Korotkova. Integrity of Representation
of an Applied Pedagogical Research Object**

Integrity is an objective property of objects and phenomena of the external world, as well as a generalized characteristic of objects with complex internal structure. It denotes the internal unity of an object, expresses its self-sufficiency, autonomy, and differentiation from the environment, opposition to surroundings; it also characterizes the qualitative uniqueness of an object due to its inherent specific laws of functioning and development. An object with such properties itself is also called integral. In this case, the concept of 'integrity' is used as a synonym for the concept of 'whole'.

From a methodological point of view, integrity has a two-layer structure, including actual and potential knowledge. Layers of actual knowledge are formed by the already known. The second layer acts as a potential one. It represents what becomes clear in the course of further research, i. e. the relationship that exists in reality, but are not yet disclosed. The task of the researcher is to take into account the actual layer, i. e. all that is known concerning the pedagogical object under study and to design the potential layer — the unknown, as well as to represent the object holistically at all levels of research (at the empirical, theoretical, and normative ones).

The author regards integrity as one of the conditions for ensuring scientific validity and practical value of results of an applied pedagogical research. To represent the object holistically means that it is regarded not as a collection of odd elements, each of which is examined and substantiated separately, but in the unity of all of its components; not only from its intrinsic characteristics, but also functionally, in terms of how it meets the practical goals and tasks. Moreover, practical orientation of the object under study in applied pedagogical research must be ensured already during its initial representation at the empirical level, when constructing an empirical model, when the empirical data collected by the researcher are entered into the system of scientific knowledge. Description as a way of recording these data, being in fact the primary object of the research, must be carried out in the context of the pedagogical theory.

The paper reveals that the integrity of representation of the studied object of an applied pedagogical research must be ensured at all levels of research (at the empirical, theoretical, and normative ones). Integrity is not a property constantly inherent to a particular process or object. At a particular stage of development, under the influence of certain reasons, the property of integrity may occur, and at some other stage, under the influence of other causes, it can collapse.

This can occur if the researcher is not aware of the need to deliberately represent the object under study holistically, starting with the empirical level and ending with the normative one.

С. В. ПОЛУТИН

А. В. СЕДЛЕЦКИЙ

**ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ
ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Ключевые слова: постиндустриальное общество, социально-экономическое развитие, инновации, креативность, инновационное поведение, мотивы, потребности, ценностные ориентации, инновационный потенциал

Key words: post-industrial society, socio-economic development, innovations, creativity, innovative behavior, motives, needs, value orientations, innovative potential

ПОЛУТИН Сергей Викторович, заведующий кафедрой социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

СЕДЛЕЦКИЙ Александр Викторович, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат социологических наук.

POLUTIN Sergei Viktorovich, Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Head of the Department of Sociology, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

SEDLITSKIY Alexander Viktorovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Marketing Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza, Russian Federation).

В статье рассматриваются основные проблемы формирования инновационного поведения в современном обществе, особенности мотивации и ценностные ориентации инноваторов. Определена роль современной организации в формировании креативного климата.

The paper considers the basic issues of formation of innovative behavior in the modern society, features of motivation, and the value focus of innovators. The authors define the role of a modern organization in formation of a creative climate.

Изменения в обществе не являются случайными и хаотичными, как не являются они и продуктом коллективного бессознательного. Они носят разумный и рациональный характер. Логика этих преобразований до сих пор остается скрытой, поскольку преобразования все еще продолжают-ся. Р. Инглехарт указывает на то, что исходным моментом социально-экономического развития являются технические инновации, повышающие производительность труда¹.

Р. Флорида полагает, что в основе движущей силы социально-экономического развития лежит человеческая креативность, играющая ключевую роль в экономике и обществе. Принято считать, что сейчас мы живем в «информационном обществе», в котором знания играют значительную роль. Однако более существенная истина заключается в том, что современная экономика приводится в действие человеческой креативностью. Практически в любой области производства побеждает в итоге тот, кто обладает творческим потенциалом. Это справедливо для любой исторической эпохи, начиная с этапа сельскохозяйственной революции и заканчивая промышленной².

Согласно широко распространенному и ошибочному мнению, креативность ограничивается техническими изобретениями, разработкой новой продукции и созданием новых фирм. Напротив, в современном обществе креативность — это масштабная и непрерывная практика. Постоянно модифицируются и улучшаются всевозможные продукты, процессы и операции. Кроме того, техническая и экономическая креативность подпитывается взаимодействием с культурной креативностью и художественным творчеством. Подобная связь очевидна на примере появления новых индустрий, от компьютерной графики до цифровой музыки и анимации. Для развития различных форм креативности необходима также благоприятная социально-экономическая

среда. М. Вебер когда-то указал на то, что протестантская этика обеспечила принципы бережливости, трудолюбия и деловитости, которые легли в основу раннего капитализма. Сходным образом общая приверженность духу креативности в его множественных проявлениях усиливает творческие тенденции, определяющие наш век.

Креативность выступает в качестве наиболее ценного товара экономики, не являясь при этом собственно товаром. Несмотря на то что человека можно нанять на работу или уволить, его творческие способности нельзя купить и продать или включить и выключить по желанию. Вот почему наблюдается зарождение новых порядков на предприятиях и в офисах. Если прежде отсутствие дискриминации при приеме на работу было требованием закона, то теперь на этом держится экономическая жизнеспособность компании, поскольку креативность не зависит от цвета кожи, пола или личных предпочтений. График работы, корпоративные правила и форма одежды стали более либеральными, подчиняясь особенностям творческого процесса. По мнению Ю. В. Шаронина, работодатели, сотрудники фирм и общества, где эти фирмы расположены, обязаны поощрять и стимулировать креативность всеми доступными способами. Творческий этос выходит за рамки профессиональной деятельности, проникая во все сферы жизни³.

Таким образом, инновационное поведение в современном обществе предполагает применение творческого потенциала. Различные аспекты инновационного поведения и труда связаны с человеческой деятельностью. Поскольку последняя является социальным процессом, то различные составляющие инновационного поведения следует рассматривать в рамках социальной структуры общества.

Возникновение инновационного поведения связано с внутренними мотивами, удовлетворением потребности человека в самореализации. Инновационная деятельность не является одной из разновидностей деятельности. Это особое общественное состояние ее разных видов, определенное качественное состояние деятельности в отличие от механической, стереотипной, шаблонной⁴. Ю. Хабермас считает, что для современного общества характерно формирование новой системы мотивов и стимулов деятельности, активизация творческой деятельности, изменение системы ценностей индустриаль-

ного общества⁵. По мнению Г. Арндта, в большей степени это связано с развитием материального производства. Из-за того, что значительная часть населения стран Запада не испытывает воздействия базового уровня потребностей, инновационная деятельность приобретает большие перспективы своей практической реализации⁶.

П. Ф. Друкер отмечает, что инновационная деятельность способствует развитию современного общества, в котором, помимо удовлетворения базовых потребностей, особую значимость имеет удовлетворение духовных⁷. Д. Норт считает, что активизация мотивации к инновационной деятельности работников связана с факторами технического прогресса⁸. Ю. Хабермас полагает, что возрастает роль трансформирующейся социальной среды и индивидуального труда⁹.

В какой-то степени можно согласиться с этими суждениями, так как инновационная деятельность формируется под влиянием всего общества. Личный экономический интерес являлся значимым мотивом деятельности в индустриальный период. В постиндустриальном обществе этот мотив заменяется другими мотивами, в основном нематериального характера¹⁰. Р. Инглехарт отмечает, что 70—80-е гг. XX в. в структуре ценностных ориентаций начали доминировать ценности творческого развития над ценностями оплаты труда и социальной безопасности¹¹. О. Тоффлер полагает, что в постиндустриальной экономике сформировались новые мотивы и ценности, связанные с потребностями самореализации и творчества¹².

А. А. Соболевская отмечает, что в исследованиях Д. Белла, Р. Инглехарта и Г. Хофстеда показана важная роль «молчаливой революции» в ценностях и культуре постиндустриального общества, которая напрямую повлияла на мотивацию труда¹³. От трудового общества, основанного на принципах аскетической протестантской этики, западная цивилизация перешла к гедонистической этике И. Бентама и постиндустриальному «обществу досуга» и «обществу потребления»¹⁴. По мнению Я. В. Куна, в сфере производства и потребления новая этика стала предполагать появление возможности получить необходимое образование для смены вида занятий независимо от возраста, что позволило работникам реализовать свой инновационный потенциал во всех сферах деятельности¹⁵.

В конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. внимание ученых США стали привлекать изменения в структуре мотивации, а именно утрата важности материальных факторов в мотивации работников. Можно выделить несколько предпосылок этих изменений.

Во-первых, *увеличение вознаграждения не оказывало стимулирующего влияния на работников*, так как материальные потребности персонала были удовлетворены. Для трудящихся большое значение приобрели свободное время и творческая работа. Человек стал в большей мере ориентирован на удовлетворение творческих потребностей. В 60-е гг. XX в. начинает возрастать значимость свободного времени и реализации креативного потенциала работников. Около 55 % служащих США не удовлетворял карьерный рост, связанный с уменьшением доли свободного времени. Большинству было присуще желание отказаться от части заработной платы с условием увеличения доли свободного времени¹⁶. Однако реализация инновационного потенциала вне рамок процесса производства происходит не в полной мере, так как деятельность человека в профессиональной сфере занимает большую часть времени и меняется вместе с модификацией ценностей.

Во-вторых, *в конце XX в. во время перехода от индустриального общества к постиндустриальному в шкале ценностных ориентаций лидирующие позиции стали занимать ценности социальных заслуг перед коллективом*. Распространение неэкономической мотивации началось в конце XX в. в производственной сфере, когда по мере становления информационного общества в трудовых процессах отмечено преобладание творчества. Развитие информационного общества создает условия для разностороннего применения творческих способностей людей. В это время наблюдаются повышение престижа образования и становление новой группы в социальной структуре общества — работников умственного труда. По мнению Я. В. Куна, «информация и знания стали являться необходимой предпосылкой приобретения власти»¹⁷.

П. Ф. Друкер полагает, что работники демонстрируют стремление к приобретению знаний для повышения заработной платы и социального статуса. В настоящее время они готовы отказаться от удовлетворения текущих материальных

потребностей и заниматься повышением своей квалификации, что подтверждает довод о снижении значимости материальной мотивации в инновационной деятельности. Наличие нематериальных мотивов деятельности характерно прежде всего для социальных групп работников информационной сферы общества. По мнению Дж. Гэлбрейта, «желание в полной мере реализовать свои способности для удовлетворения потребностей общества являются значимыми для работников факторами мотивации»¹⁸.

Таким образом, в социальной структуре работников постиндустриального общества получила распространение нематериальная мотивация, а для полной реализации инновационного потенциала руководству необходимо предоставлять им большую свободу действий¹⁹.

Развитие инновационной деятельности модифицирует и социальные действия людей. Показывая предрасположенность к самостоятельности в деятельности, работники активизируют свой инновационный потенциал. Мобилизация инновационного потенциала способствует совершенствованию техники и технологий. В случае появления препятствий в реализации такого потенциала трудящиеся уходят из организаций. Для тех, чьи потребности связаны с саморазвитием, в большей степени характерна предрасположенность к децентрализации руководства²⁰.

По мнению Ф. Адамса, в реализации инновационного потенциала людей проявляется стремление участвовать в выполнении конкретных инновационных проектов, а не работать по найму. Руководство организации, предоставляя широкие возможности для самостоятельной работы персонала, тем самым создает условия для генерации инноваций на производстве²¹. В условиях информационного общества знания стали самым значимым производственным ресурсом, работники становятся более свободными от организаций. В. Л. Иноземцев отмечает, что все большая часть людей предпочитает сотрудничать с компанией, а не работать на нее в качестве служащих²². Г. Пишот указывает, что в постиндустриальном обществе деятельность работников все больше связана с оказанием услуг, что приводит к уменьшению числа традиционных промышленных структур²³.

По оценкам П. Ф. Друкера, в конце XIX в. наблюдается рост квалификационного уровня работников, связанный с

повышением персональной занятости. Большая часть сотрудников перестала быть связана с крупными организациями и работает в сфере производства и потребления информации и знаний²⁴. У персонала, занятого в этой сфере, имеется возможность трудиться независимо друг от друга. Взаимодействие осуществляется с помощью Интернета. К концу 90-х гг. XX в. в США появляется тенденция формирования фирм на дому, работающих в области высоких технологий, что подтверждается увеличением использования домашних информационных сетей.

В-третьих, *происходит переход от прежней корпоративной системы, опиравшейся на крупные компании, к новой, в которой более заметное место отводится отдельным людям*. Но это не значит, что большие компании отмирают. Компании, включая самые большие, по-прежнему существуют, их влияние все также велико, и, вероятно, они сохраняют его и в будущем.

Исторически корпорации играли ведущую экономическую роль в сочетании людей и рабочих мест, особенно благодаря системе долгосрочного найма, принятой после Второй мировой войны. Однако сегодня корпорации куда в меньшей степени культивируют своих сотрудников, а последние намного чаще меняют место работы, в результате чего контракт по личному найму приобрел более случайный характер. При таких обстоятельствах именно географическое местоположение, а не корпорация, предоставляет организационную матрицу для сочетания людей и рабочих мест. В современном бизнесе доступ к талантливым и креативным профессионалам является примерно тем же, чем был когда-то доступ к углю и железной руде в сталелитейной промышленности. Им определяется, где будут возникать и развиваться компании, что, соответственно, меняет условия конкуренции между городами.

Р. Флорида подчеркивает, что сами инноваторы отнюдь не просто концентрируются там, где требуется рабочая сила. Они живут там, где им нравится, и предпочитают центры творческой активности. Креативность всегда была в определенных местах — от классических Афин и Рима до Флоренции эпохи Медичи и елизаветинского Лондона и вплоть до Грин-вич-Вилидж и района залива Сан-Франциско. Многомерные и неоднородные места не обслуживают какую-

либо одну промышленность или демографическую группу. Их отличает обилие творческих стимулов и креативное взаимодействие. Месту необходим креативный климат — наравне с благоприятными условиями для бизнеса. Такие города, как Сиэтл, Остин, Торонто и Дублин, уловили многомерный характер этой трансформации и стремятся стать не просто центрами технических инноваций и высокотехнологической индустрии, но и развитыми креативными сообществами²⁵.

В-четвертых, *в условиях постиндустриального общества подверженность людей социальному контролю ослабевает, и они меньше зависят от сплоченных групп, принадлежность к которым определяется не их собственным выбором, например, родственников или соседей*. Р. Инглехарт считает, что сегодня общение с родными, соседями или коллегами все больше определяется самостоятельным выбором человека²⁶. Современная организация спланирует работников прежде всего как креативных личностей, а не как элементы организационного механизма. Именно своим обобществленным характером и отличается современная организация постиндустриального от организаций индустриального общества.

Целью современной организации является не просто принудить сотрудника к выполнению определенной работы, а создать условия для полной реализации инновационного потенциала в рамках новой для них организационной культуры, которую они должны принять. Взаимоотношения организации с новыми работниками должны строиться на основе интеграции культур и являться неповторимым процессом. Современная организация для полной реализации инновационных возможностей сотрудников использует принципы, существенно отличающиеся от применявшихся ранее.

Многие ученые отмечают, что методы воздействия на работников в постиндустриальном обществе меняются. В этих условиях в организационных системах происходят значительные трансформации, связанные с заменой управления трудовыми процессами управлением инновационными процессами. Главной целью менеджеров в условиях информационного общества становится не воздействие на работников для выполнения поставленных задач, а создание условий для полной автономности в разработке целей и их достижения²⁷.

Таким образом, предпосылками формирования инновационного поведения в современном обществе являются: повы-

шение значимости ценности свободного времени и творчества, изменение роли корпоративной системы в производстве, повышение роли географического положения в сплочении творческих работников, рост социальной мобильности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Инглехарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Нов. изд-во, 2011. 464 с.

² См.: Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер с англ. М.: Классика — XXI, 2007. 421 с.

³ См.: Шаронин Ю.В. Психолого-педагогические основы формирования качеств творческой личности в системе непрерывного образования (синергетический подход). М.: МГИУ, 1998. 321 с.

⁴ Там же. С. 322.

⁵ См.: Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1991. P. 11.

⁶ См.: Arendt H. The Human Condition. Chicago; L., 1958. P. 61.

⁷ См.: Drucker P.F. Managing in Turbulent Times. Oxf., 1993. P. 185.

⁸ См.: North D. Structure and Change in Economic History. N. Y.; L., 1981. P. 86.

⁹ См.: Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. P. 55, 19.

¹⁰ См.: Weber M. General Economic History. N. Y., 1966. P. 207; Idem. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. L., 1974. P. 17.

¹¹ См.: Инглехарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия ...

¹² Там же. С. 33.

¹³ См.: Соболевская А.А., Попов А.К. Постиндустриальная революция в сфере труда. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 205 с.

¹⁴ Там же. С. 44.

¹⁵ См.: Kuhn J.W., Shriver D.W. Beyond Success. N. Y., 1990. P. 151.

¹⁶ См.: Drucker P.F. The New Realities. L., 1989. P. 172.

¹⁷ Kuhn J.W., Shriver D.W. Beyond Success. P. 150.

¹⁸ См.: Galbraith J.K. The New Industrial State. L., 1991. P. 55.

¹⁹ См.: Brockway G. P. The End of Economic Man. N. Y.; L., 1995. P. 145.

²⁰ См.: Durso G., Rothblatt R. Stock Ownership Plans Abroad // Rosen C., Young K.M. (Eds.) Understanding Employee Ownership. N. Y., 1991. P. 169—196.

²¹ См.: Adams F.T., Hansen G.B. Putting Democracy to Work: A Practical Guide for Starting and Managing Worker-Owned Businesses. San Francisco, 1992. P. 171.

²² См.: Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2000. С. 108.

²³ См.: Pinchot G., Pinchot E. The Intelligent Organization: Engaging the Talent and Initiative of Everyone in the Workplace. San Francisco: Berrett-Koehler, 1996. P. 305—306.

²⁴ См.: Drucker P.F. Managing in Turbulent Times. P. 195.

²⁵ См.: Флорида Р. Креативный класс ...

²⁶ См.: Инглехарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия ...

²⁷ См.: Moschella D.C. Waves of Power. Dynamics of Global Technology Leadership 1964—2010. N. Y., 1997. P. 125.

Поступила 16.01.2014.

S. V. Polutin, A. V. Sedletskiy. Prerequisites of Formation of Innovative Behavior in Modern Society: the Regional Aspect

Changes in society are of reasonable and rational nature. Modern society is characterized by formation of a new system of activity motives and incentives, by increased creative activity, by changes in the system of values of the industrial society. Innovative activity contributes to development of modern society, where, in addition to meeting the basic needs, spiritual needs gain special significance. In the social structure of post-industrial society workers, non-material motivation became common, and in order to fulfill the innovative potential, management needs to provide them with greater freedom of action.

Prerequisites of formation of innovative behavior in modern human activities are the following: to have free time and creative work became more important for employees; during the transition from industrial to post-industrial society, values of social services to the team of co-workers began to occupy the leading positions in the scale of value focus; there occurred a transition from the old corporate system that relied on large companies to a new one, in which a more prominent place is given to individuals; in post-industrial society the individual's exposure to social control weakens, and people are less dependent on the cohesive groups whose membership is determined not by their own choice.

Thus, the prerequisites for the formation of innovative behavior in modern society are: the increasing importance of the value of free time and creativity, the changing role of the corporate system in production, the increasing role of geographical location in connecting creative professionals, and the growth of social mobility.

В. В. КРАСУЛИНА КУЛЬТУРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НРАВСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК В ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: теория отставания культуры, здравый смысл, социальный контроль, практическое знание, транзит моральных ценностей, динамика предпосылочных знаний, партиципация, инверсия, медиация, этический тезаурус, предпринимательская этика

Key words: theory of cultural lag, common sense, social control, practical knowledge, transit of moral values, dynamics of prerequisite knowledge, participation, inversion, mediation, ethical thesaurus, entrepreneur ethics

В статье рассматриваются теоретические подходы к формированию профессиональной этики предпринимателя. Процесс становления этического тезауруса происходит в условиях динамичной среды при отсутствии должной культуры бизнеса и традиций, обеспечивающих функционирование рынка.

The paper deals with theoretical approaches to formation of professional ethics of the entrepreneur. The process of formation of the ethical thesaurus is taking place in the context of dynamic environment in the absence of proper business culture and traditions ensuring functioning of the market.

Нравственный порядок в обществе представляет собой, по мысли Т. Лукмана, «фундамент разумного социального мира», т. е. ту историческую действительность, «которая всегда изменялась, конструировалась и поддерживалась в порядке», где социальные интеракции выражают коммуникативный характер¹. Социальность как субъектность в сфере предпринимательства (бизнеса) выражает воспроизводство жизнедеятельности социальных групп в контексте особой логики и рациональности, особой культуры и этики как интегрирующей силы развития общества и проявления его солидарности. Творимый людьми «искусственный мир» становится, по мнению В. А. Кутырева, бытием человека,

КРАСУЛИНА Валентина Владимировна, исполняющая обязанности директора Ногинского торгово-экономического колледжа.

KRASULINA Valentina Vladimirovna, Acting Director, Noginsk Technical School of Trade and Economics (Noginsk, Russian Federation).

людей, сообществ, социально-технических и социально-экономических систем. Эти системы начинают «самопрограммироваться» и «генерировать новое знание»², а также производить новые формы саморегуляции, институты, структуры, социальные организации, отношения. Этот процесс противоречив, амбивалентен, сопряжен с кризисами, порождаемыми «борьбой миров», старого уходящего и нового приходящего, искусственного и естественного.

Действия сообществ людей по социальному конструированию реальности направлены на адаптацию к условиям среды и ее улучшение, переструктурирование «условий сред». Отталкиваясь от этой посылки и анализируя этот процесс реальных изменений, У. Огборн создал теорию отставания культуры. Основная идея этой теории состоит в том, что одни элементы культуры не успевают за другими, между ними складывается культурный лаг (запаздывание). Все социальные, технические, технологические и культурные перемены происходят через развитие и кристаллизацию личности, ее моральных качеств. Одновременно происходит организационная революция, связанная с возникновением организационных структур (демократических учреждений, рыночных институтов), которые становятся необходимыми социальными амортизаторами нарастающего усложнения общественной жизни. Однако техническое и технологическое развитие постоянно и быстро идет вперед, а процесс адаптации в других областях (в культуре, морали) запаздывает. Нормы и правила регуляции адекватного поведения входят в практику гораздо позже. Такова особенность развития культуры, подмеченная американским социологом.

Предпринимательская деятельность в современную эпоху занимает одно из главных мест в структуре общественной практики. Эта деятельность тесно связана с производством инноваций, она же выступает и в качестве важнейшей функции «средоструктурных факторов, ситуационных событий, определенных свойств личности» и характеризуется как деятельность, направленная на преобразование социальных отношений³. Предпринимательская активность выражает своеобразную форму экономического и социального творчества.

Обращение к современному российскому обществу с позиций транзита его моральных ценностей на первый план выводит рассмотрение флуктуации нравственных процес-

сов, связанных с развитием рыночных отношений и обеспечением предпринимательской деятельности и бизнеса. Именно эта деятельность оказалась связанной с поиском и становлением механизмов регуляции, которые традиционно сформированы и успешно функционируют в других странах, не знавших коммунистического эксперимента, например, в культуре Запада. Однако менталитет каждой страны и народа привносит в сложившиеся модели рыночной культуры и этики некий колорит, совмещенный с амбивалентной парой универсальных ценностей рынка. Для России, безусловно, свойственно становление регулятивной модели этики предпринимательства и бизнеса, основные контуры которой за прошедшее четверть века получили определенное развитие.

Этический тезаурус науки последних десятилетий существенно обогатился терминологией, связанной с характеристикой поведенческих стратегий и оценочных суждений в сфере предпринимательской деятельности, что связано с развитием этики бизнеса. В качестве основных предпосылочных оснований в развитии этической рефлексии в области предпринимательской деятельности, этики хозяйства и этики бизнеса исследователи называют здравый смысл.

Формирование тезауруса как определенной суммы (массы) знания берет начало с некоей предпосылки, накопления предпосылочных знаний. Реестр форм предпосылочного знания в этике, социальной философии и социологии достаточно широк и во многом обусловлен историей их становления. В число очевидных форм входят: здравый смысл, проблематичность и другие компоненты, детерминирующие характер познавательного процесса и пути развития науки. Сюда следует включить также габитус. Важным фактором развития научных теорий и методов служит динамика предпосылочных знаний, их функционирование, флуктуация и дифференциация⁴.

Идеи развития современной культуры, становления регулятивных систем поведения в обществе получили отражение в концепции «срединной культуры» (термин впервые употребил Н. А. Бердяев), основанной на идеях диалога, компромисса, на базе распространения научных представлений, критической рефлексии⁵. Как концепция воспроизводства культуры «срединная культура» сложилась в трудах А. С. Ахиезера. Она служит для объяснения механизма «поиска новых

смыслов, нового содержания сферы между сложившимися смыслами, противостоит партиципации, инверсии»⁶. Инверсия в данном применении термина характеризуется обращением к сложившимся смыслам и выступает как «господствующая форма», держащая медиацию под собой. Медиация составляет дуальную оппозицию к инверсии, постепенно усиливая свои позиции в культуре. Она оттесняет инверсию и овладевает эмоциональной доминантой изнутри. Медиация все больше подчиняет движение абстрактной логике интеллекта, ведущей к конкретному знанию, и превращается в господствующую в обществе логику⁷. Формирующийся новый смысл выражает синтез смыслов «полюсов исходной дуальной оппозиции», укорененных в культуре, нравственности.

Диалог — «высшая степень социальности»⁸. Раскрытие внутренней социальности, по замечанию З. З. Каримовой, во многом сопряжена с кардинальным изменением структуры науки⁹. Бахтинская парадигма неслиянности — нераздельности культурных областей требует «реконструирования» глубинных основ социальности как целостности причастно-диалогического единства, социальности, укорененной в единстве культуры, в позиции оценки человека с точки зрения содержания когнитивного и этического моментов, единства мира познания и поступка, в плоскости ценностно-организованного события-бытия. В. С. Библер пишет: «Общение индивидов как личностей (культура) есть общение их как реальных (и потенциальных) культур, есть общение индивидов как личностей... каждый изобретает свое особое бытие, — сознание, — разум это есть — в произведениях запечатлеваемые — бытие, сознание, разум личности, отделенной от индивида»¹⁰. Г. С. Батищев отмечает: «Самоопределятельная работа каждого обладает невосполнимым самостоянием, ее нельзя заменить чужими усилиями и обретениями, заимствованиями, подражаниями и т. д. Истина же лежит в бытии принципиально инаковым, третьем по отношению к замкнутым внутри себя существованиям. Это взаимность самостоятельных исканий и самоопределятельной работы над собой — полифоническая сопричастность друг другу внутри смыслового ценностного поля с его «вертикальными измерениями», измерениями самосовершенствования»¹¹.

Отталкиваясь от диалогической рефлексии, В. С. Библер подчеркнул мысль о том, что на рубеже XX—XXI вв. на-

растает конфликт двух форм детерминации человеческого бытия и, соответственно, сознания, разума, мышления. Это прежде всего внешняя детерминация человеческого бытия, сознания, мышления и поступков, а также внутренняя детерминация, состоящая из физиологических, генетических, подсознательных предопределенностей. В качестве детерминации такого рода он называет «слабые поля» самодетерминации, определяющей индивидуальность человека, за свои поступки, сознание, мышление, судьбу, историю. Культура выступает как «целостный феномен самодетерминации», она подобна «пирамидальной линзе», вживленной — своим острием — в хрусталик нашего духовного зрения»¹².

Для России свойственно становление регулятивной модели этики предпринимательства и бизнеса, основные контуры которой за прошедшее четверть века получили определенное развитие. Формирование профессиональной этики предпринимателя порой происходит в условиях динамичной среды при отсутствии должной культуры бизнеса и традиций, обеспечивающих функционирование рынка. Те тенденции, которые складываются в этой сфере, требуют научного осмысления, а также специальных программ воспитания и образования предпринимателя с учетом отечественной культуры. Интенции в данной сфере находят отражение в формирующемся тезаурусе предпринимателя, ориентированного на реалии среды.

Тезаурусные конструкции, сложившиеся в условиях бизнеса, чрезвычайно устойчивы к воздействию постоянно меняющихся условий внешней среды. Тезаурус этого типа представляет собой результат социализационного процесса в институциональных условиях предпринимательской среды. Обязательной стороной этого тезауруса выступает демонстративный аспект, ориентационный комплекс которого является результатом конформистского поведения личности в современном обществе. Система социального контроля принуждает участника бизнеса воспроизводить соответствующие ей социальные практики. Таким образом, демонстративный тезаурус — это освоенная индивидом система действий, направленных на демонстрацию окружающим своей принадлежности к данному сообществу.

¹ См.: Лукман Т. О социологическом видении нравственности и нравственной коммуникации // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 55.

² Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород: Н. Новгород, 1994. С. 20.

³ См.: Крянев Ю.В. Нравственно-философские основы предпринимательства // История и философия науки (философия науки). М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2007. С. 296.

⁴ См.: Писачкин В.А. Формы функции, флуктуации предпосылочного знания в социологии // Гуманитарий: актуал. проблемы гуманитар. науки и образования. 2012. № 1. С. 34—43.

⁵ См.: Гарин И.И. Что такое философия? Запад и Восток. Что такое истина? М., 2001. С. 190.

⁶ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). От прошлому к будущему. М., 2008. С. 889—890.

⁷ Там же. С. 871.

⁸ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Книга по требованию, 2012. С. 330.

⁹ См.: Каримова З.З. К вопросу о социологической интерпретации М.М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 4. С. 11.

¹⁰ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. С. 297.

¹¹ См.: Батищев Г.С. Диалогизм или полифонизм? (антитетика в идейном наследии М.М. Бахтина) // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 135.

¹² Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. С. 303.

Поступила 23.04.2015.

V. V. Krasulina. Culture of Entrepreneurship and Moral Order in Society

Entrepreneurship occupies one of the most prominent places in the structure of social practice and represents a form of economic and social creativity. Sociality in the field of entrepreneurship is reproduced in the spirit of special logic, rationality, culture, and ethics. Moral order is the foundation of the reasonable social world. The theory of 'cultural lag' captures the situation when the technical and technological development advances adaptation in culture and morality. Transit of moral values in society is associated with consideration of fluctuations of moral processes in the development of market relations. Ethical thesaurus of recent decades has been significantly enriched with the terminology associated with characteristic behavioral strategies and evaluative judgments in the field of business ethics.

The ideas of development of modern culture and formation of regulatory systems of behavior in society were reflected in the concept of 'medial culture'.

This concept was developed in the works of A. S. Akhiezer. It explains the mechanism of searching for new meanings that express a synthesis of the poles of the source dual opposition rooted in culture and morality.

Thesaurus of this type is a result of the socialization process in the institutional conditions of business environment. It is shaped in a dialogic reflection of the forms of external determination of human existence, consciousness, understanding, thinking, and actions, as well as of internal determination consisting of physiological, genetic, and subconscious predeterminations. A mandatory part to this thesaurus is the demonstrative aspect whose orientation complex is the result of conformist behavior of an individual in modern society. In this form, the system of social control acts; it compels a businessperson to reproduce the corresponding social practices.

Formation of the professional entrepreneur ethics is happening in the dynamic environment in the absence of proper business culture and traditions ensuring functioning of the market. The trends in this area require deep scientific understanding, as well as special programs of education and training of the entrepreneur in accordance with the national mentality and culture. Intentions in this area are reflected in the emerging entrepreneur thesaurus focused on the realities of the environment.

Е. И. ДОЛГАЕВА Н. К. КАПКАЕВА

ОТНОШЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ И МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ К СОЦИАЛЬНЫМ ПРАКТИКАМ, ПРОТИВОРЕЧАЩИМ НОРМАМ РЕЛИГИОЗНОЙ МОРАЛИ

Ключевые слова: молодежь, мусульмане, нравственность, православные, религиозная мораль, религиозность, социальные нормы, социальные практики
Key words: youth, Muslims, morality, Orthodox Christians, religious morality, religiosity, social norms, social practices

На основе социологических исследований предпринимается сравнительный анализ отношения православной и мусульманской молодежи к социальным практикам, не приемлемым с точки зрения религиозной морали.

On the basis of sociological studies, the paper provides a comparative analysis of attitudes of the Orthodox Christian and the Muslim youth to social practices which are not acceptable from the point of view of religious morality.

ДОЛГАЕВА Евгения Ивановна, доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

КАПКАЕВА Наиля Камилловна, студентка I курса магистратуры Историко-социологического института Мордовского государственного университета.

DOLGAEVA Evgeniya Ivanovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

KAPKAeva Nailya Kamilovna, Master Course First-Year Student at the Institute of History and Sociology, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Долгаева Е. И., Капкаева Н. К., 2015

В отличие от западных стран, где уровень религиозности населения в течение последних десятилетий снижается, в России после распада СССР зафиксирован его рост. Наряду с усвоением относительно новых либеральных ценностей и социальных норм западного мира, существенная часть россиян возвращается к традиционным религиозным ориентирам. В связи с этим проблема содержания регулятивной функции религии (влияние на представления населения о нравственном и безнравственном) является ключевой в понимании факторов развития России и ее места в современном мире.

Перспективным направлением подобных исследований, на наш взгляд, может быть сравнительный анализ восприятия представителями разных конфессий социальных практик, называемых в религиозной среде «грехами». Речь идет об абортах, алкоголизме, наркомании, сексуальной распущенности, гомосексуализме и других неприемлемых с точки зрения традиционных конфессий поступках. Отношение к ним позволяет судить о целостности нормативно-ценностного пространства российского общества, его морально-нравственном состоянии, степени усвоения социальных норм западного либерализма.

Различия между регионами мира в восприятии поведения, осуждаемого религиозной моралью, стали предметом изучения в глобальном опросе, проведенном американской исследовательской организацией «Pew Research Center» в марте — мае 2013 г.¹ (опрошено более 40 тыс. чел. в 40 странах, в том числе и в России). Его результаты позволяют говорить о взаимосвязи отношения к таким практикам и уровня религиозности населения. Если представители мусульманского мира негативно оценивают большинство подобных поступков, то многие жители Западной Европы, Северной Америки и Японии не считают их аморальными. Россия занимает промежуточное положение между этими полюсами. Внебрачные связи, азартные игры, гомосексуализм осуждают более половины россиян (69, 62, 72 % соответственно); аборт и употребление алкоголя — по 44 %. В то же время значительная доля наших соотечественников назвала морально приемлемыми добрый секс (40 %), разводы (46 %) и контрацепцию (62 %).

В отечественных исследованиях религиозности объектом анализа, как правило, становятся многоконфессиональное

население региона или страны в целом, крайне редко — отдельные группы верующих. Изучаемые проблемы чаще всего не выходят за рамки института религии: идет дискуссия о критериях и соответствии религиозности населения конфессиональным догматам²; изучаются ценности верующих³; анализируется соотношение разных видов социальной идентичности⁴. Несмотря на острые дискуссии о взаимоотношениях религии и общества, социологические исследования влияния религиозности на массовое сознание и повседневное поведение россиян встречаются редко, особенно в межконфессиональном контексте.

В связи с этим мы предприняли попытку сравнительного анализа отношения православной и мусульманской молодежи Республики Мордовия к социальным практикам, не одобряемым соответствующими религиями (на примере г. Саранска). Выбор объекта обусловлен тем, что православные и мусульмане — наиболее крупные конфессиональные группы в стране и Мордовии. Православными считают себя 74 % россиян, мусульманами — 7 %⁵. Уровень религиозности населения региона по признаку самоидентификации выше, чем в России⁶.

Эмпирическая база анализа включает два социологических исследования, а именно:

— «Религия в жизни православной молодежи» (2013 г.). Опрошено 112 православных в возрасте от 16 до 24 лет. Квотная выборка репрезентирует состав генеральной совокупности по полу, возрасту и району проживания респондента (доверительный интервал ± 9 %);

— «Отношение мусульман к социальным практикам, не одобряемым традиционными религиями» (2014 г.). Опрошено 135 мусульман в возрасте от 16 до 24 лет. Квотная выборка репрезентирует состав генеральной совокупности по полу, возрасту и району проживания респондента (доверительный интервал ± 8 %).

Сбор информации осуществлялся методом анкетного опроса по месту учебы или работы респондентов. Молодые мусульмане опрашивались также в исламских общественных организациях. Конфессиональная принадлежность респондентов определялась при помощи вопроса-фильтра, основанного на самоидентификации опрашиваемых.

Анализ результатов опросов должен был подтвердить или опровергнуть гипотезу, согласно которой *оценки респондентов, называющих себя православными и мусульманами, не всегда полностью совпадают с религиозными догматами, однако и не являются противоположными, что позволяет говорить о целостности нормативно-ценностного пространства молодых представителей двух конфессий.*

Большинство опрошенных стремится выполнять требования религии (заповеди, правила, принципы) при общении с людьми и решении проблем обыденной жизни, что свидетельствует о потенциально высокой степени влияния религиозности на их повседневное поведение. Таких респондентов больше среди приверженцев ислама (60,4 %): в том числе 20,2 % всегда стараются соблюдать правила религии, 40,2 % стремятся к этому, но иногда это не получается. У православных доля таких ответов составляет 50,0 % (11,0 % пытаются выполнять религиозные требования всегда, 39,0 % отметили, что иногда это не удается). Нарушение религиозных норм в повседневной жизни чаще отмечают православные: иногда так поступают 15,9 % из них, часто — 11,0 % (среди мусульман соответственно 7,9 и 7,0 %). В то же время никогда не придерживающихся религиозных правил при решении обыденных проблем 19,0 % мусульман, что в два раза больше, чем православных (9,8 %).

Большинство молодых представителей двух конфессий осуждают аборты, пьянство, наркоманию, гомосексуализм, сексуальную распущенность, супружескую измену, отказ матерей от новорожденных детей, коррупцию. Однако уровень неприятия этих поступков православными и мусульманами дифференцирован. По уровню осуждения и сходства оценок, изучаемые социальные практики разделены на три группы.

К первой группе отнесены такие явления, как наркомания и отказ матерей от новорожденных детей, которые осуждаются подавляющим большинством православных и мусульман (табл. 1).

Вторая группа включает сексуальную распущенность, супружескую измену и коррупцию (табл. 2). Эти виды поведения негативно оцениваются большинством православных и мусульман, но в обеих группах есть значительная доля терпимо относящихся к ним (более 20 %).

Таблица 1

Отношение к наркомании и отказу матерей от новорожденных детей, %

Конфессиональная принадлежность респондентов	Одобряю	Отношусь нейтрально, терпимо	Осуждаю	Затрудняюсь ответить
<i>Наркомания</i>				
Православные	0	1,2	97,6	1,2
Мусульмане	0	0	96,2	3,8
<i>Отказ матерей от новорожденных детей</i>				
Православные	0	2,4	93,9	3,7
Мусульмане	0	2,9	95,4	1,7

Таблица 2

Отношение к сексуальной распущенности и коррупции, %

Конфессиональная принадлежность респондентов	Одобряю	Отношусь нейтрально, терпимо	Осуждаю	Затрудняюсь ответить
<i>Сексуальная распущенность</i>				
Православные	4,9	28,0	64,6	2,5
Мусульмане	0,8	22,7	75,6	0,9
<i>Супружеская измена</i>				
Православные	0	24,4	69,5	6,1
Мусульмане	0	20,5	72,3	7,2
<i>Коррупция</i>				
Православные	0	31,7	63,4	4,9
Мусульмане	0	24,1	70,4	5,5

В третью группу вошли социальные практики, в отношении к которым наблюдаются существенные различия между православной и мусульманской молодежью: пьянство, аборт и гомосексуализм (табл. 3). Терпимость к пьянству и гомосексуализму среди православных в пять раз выше, чем у мусульман. Православная молодежь в два раза чаще спокойно воспринимает аборт.

Своеобразным вызовом традиционной религиозности становятся в XXI в. некоторые медицинские нововведения, кардинально изменяющие вековые представления общества о нравственности, например, эвтаназия, суррогатное материнство, клонирование человека. В отличие от социальных практик, давно отнесенных религиями к девиантным, консолидированной точки зрения о медицинских нововведениях нет ни в православной, ни в мусульманской молодежной среде (табл. 4).

Таблица 3

Отношение к пьянству, аборт и гомосексуализму, %

Конфессиональная принадлежность респондентов	Одобряю	Отношусь нейтрально, терпимо	Осуждаю	Затрудняюсь ответить
<i>Пьянство</i>				
Православные	0	23,2	76,8	0
Мусульмане	1,7	4,6	87,8	5,9
<i>Аборты</i>				
Православные	1,2	25,6	68,3	4,9
Мусульмане	2,9	10,5	81,2	5,4
<i>Гомосексуализм</i>				
Православные	2,4	31,7	62,2	3,7
Мусульмане	0	5,7	89,6	4,7

Таблица 4

Отношение к эвтаназии, суррогатному материнству, клонированию человека %

Конфессиональная принадлежность респондентов	Одобряю	Отношусь нейтрально, терпимо	Осуждаю	Затрудняюсь ответить
<i>Эвтаназия</i>				
Православные	13,4	34,1	31,7	20,8
Мусульмане	9,6	36,9	34,2	19,3
<i>Суррогатное материнство</i>				
Православные	23,2	42,7	26,8	7,3
Мусульмане	19,7	34,1	36,6	9,6
<i>Клонирование человека</i>				
Православные	12,2	34,1	40,2	13,5
Мусульмане	8,8	25,9	49,5	15,8

Мнения по указанным вопросам в обеих группах верующих разделились поровну между позициями «отношусь терпимо, нейтрально» и «осуждаю». Исключением является отношение православных к суррогатному материнству (большая часть демонстрирует нейтральное, терпимое отношение к нему), а также восприятие мусульманами клонирования человека (почти половина осуждают такие практики). О неоднозначности восприятия нововведений в области медицины свидетельствует и большое число затруднившихся ответить по сравнению с таковым в других вопросах. Кроме того, в отличие от традиционных «грехов», отношение к которым давно укоренилось в обществе, восприятие медицинских нововведений гораздо чаще оказывалось положительным.

Большинство православных (50,0 %) согласилось с утверждением, что «некоторые из нравственных норм под-

ходят современному человеку, а некоторые — нет». Лишь пятая часть из них (20,7 %) является сторонниками ортодоксальной точки зрения: «людям следует придерживаться традиционных нравственных норм и принципов поведения, жить в соответствии с ними». Мнения молодых мусульман по этому вопросу разделились поровну между упомянутыми вариантами (40,4 и 42,6 % соответственно). Примечательно, что ответ «современный человек не может и не должен жить в соответствии с устаревшими нравственными нормами» выбрали 4,9 % православных, но не отметил ни один мусульманин. В целом этот вопрос вызвал затруднения у значительного числа респондентов: уклонились от ответа 24,4 % православных и 17,0 % мусульман.

Таким образом, целостность нормативно-ценностного пространства православной и мусульманской молодежи республики выражается в сходстве отношения двух групп верующих к изучаемым социальным практикам. Однако степень согласия православных и мусульман по изучаемым проблемам неодинакова. Прослеживается корреляция конфессиональной принадлежности респондентов и их отношения к неприемлемым с точки зрения религии поступкам. Православная молодежь чаще признается в нарушении требований традиционной нравственности, называет некоторые правила религиозной морали устаревшими и демонстрирует толерантность к их несоблюдению. Молодые мусульмане более ортодоксальны в своих оценках. Среди них выше доля соблюдающих религиозные нормы в повседневной жизни и считающих их незыблемыми.

Вместе с тем проведенные исследования лишь в первом приближении обозначают круг проблем, требующих дальнейшего изучения. К ним можно отнести сравнительный анализ социально-политических ценностей конфессиональных групп, социальных ориентаций представителей разных религий в сфере традиционного и нового в общественной жизни и т. п. В условиях конфессионального многообразия российских регионов перспективным представляется изучение влияния процессов глокализации на межконфессиональные отношения в регионах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Global Views on Morality. URL: <http://www.pewglobal.org/2014/04/15/global-morality> (дата обращения: 21.01.2015).

² См.: Лебедев С.Д., Сухоруков В.В. Тесный путь не туда? // Социол. исслед. 2013. № 1. С. 118—126.

³ См.: Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Козлов И.И. Феноменология православных ценностей в оценке экспертов // Там же. 2014. № 8. С. 128—135; Синелина Ю.Ю. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций // Там же. 2009. № 4. С. 89—95.

⁴ См.: Богатова О.А. Этническая, религиозная и гражданская идентичность в регионе // Регионология. 2009. № 3. С. 249—260.

⁵ См.: В России 74 % православных и 7 % мусульман. URL: <http://www.levada.ru/17-12-2012/v-rossii-74-pravoslavnykh-i-7-musulman> (дата обращения: 21.01.2015).

⁶ См.: Богатова О.А. Секулярная религиозность в России: самоидентификация и социальные установки верующих (на примере Республики Мордовия) // Вестн. Мордов. ун-та. 2014. № 3. С. 155.

Поступила 03.02.2015.

E. I. Dolgaeva, N. K. Kapkaeva. Attitudes of the Orthodox and Muslim Youth to Social Practices Contrary to the Norms of Religious Morality

Along with assimilation of relatively new liberal values and social norms of the Western world, a significant portion of Russians returns to traditional religious guidelines. In this regard, the issue of supporting the regulatory function of religion is crucial in understanding the factors in the development of Russia and its place in the modern world. On the basis of sociological studies, the paper presents a comparative analysis of attitudes of the Orthodox Christian and Muslim youth in the Republic of Mordovia to social practices unacceptable from the point of view of traditional religiosity (the case study of the city of Saransk).

The paper reveals differentiation of appraisals of the three groups of social practices given by representatives of the two confessions: actions condemned by the overwhelming majority of the Orthodox Christians and Muslims (drug addiction, abandonment of newborn children); behavior that is unacceptable to the majority but has a substantial proportion of tolerable attitudes in both confessions (sexual promiscuity, adultery, and corruption); practices that have the tolerance level much higher in the Orthodox Christian environment compared to the Muslim one (alcoholism, abortion, and homosexuality). Attitude to the new medical technology (euthanasia, surrogate motherhood, and human cloning) is ambiguous among both the Orthodox Christians and Muslims.

As a result the conclusion is drawn about correlation of confessions of respondents and their attitudes towards acts unacceptable from the point of view of religion, which is expressed, on the one hand, in a relatively greater tolerance of the Orthodox Christian youth, on the other hand — in a greater conformity of the young adherents of Islam.

Т. В. ХРОМОВА

УСЛУГИ В СФЕРЕ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: планирование семьи, депопуляция, аборт, контрацепция, клиенты, услуги, службы
Key words: family planning, depopulation, abortion, contraception, customers, services, service

Рассматриваются проблемы в развитии системы услуг по планированию семьи, которые остаются актуальными из-за негативных демографических тенденций в России. Даны результаты исследования по перспективам расширения и совершенствования этой системы услуг.

The paper examines the challenges in developing a system of services for family planning, which remain relevant because of the negative demographic trends in Russia. The author presents the results of a study on the prospects of expanding and improving the system of such services.

Обращение к теме планирования семьи не теряет актуальности в течение последних десятилетий. В первую очередь это обусловлено сложной демографической ситуацией в России. Процесс естественной убыли населения страны на рубеже XX—XXI вв. шел очень активно, замедлившись только в последние несколько лет. Наибольший спад рождаемости был отмечен в начале 1990-х гг.¹ Происходившая постепенная смена ценностных ориентиров в семейной сфере, которая снизила у населения потребность в детях, была усилена сложными социальными, экономическими и политическими условиями жизни в России именно в конце XX в. Это привело к высокому спросу на средства ограничения репродуктивной функции и сделало востребованным консультативные услуги по планированию семьи. Однако

ХРОМОВА Татьяна Владимировна, доцент кафедры социальной работы Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

KHROMOVA Tatiana Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Work, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Хромова Т. В., 2015

неразвитость в то время этого сектора услуг в здравоохранении спровоцировала использование населением устаревших средств контрацепции и увеличение количества аборт².

Следует отметить, что предупреждение абортов было длительное время одной из главных проблем, на решение которой были направлены меры по планированию семьи. Поэтому в России институт планирования семьи чаще связывался с медицинскими мерами контроля, т. е. ограничением репродуктивной функции, и только в конце XX в. он приобрел социальный оттенок, включив понятие «желанный ребенок».

Восприятие планирования семьи влияло и на развитие деятельности соответствующих учреждений в стране. Появление служб планирования семьи происходит на 20-е гг. XX в. Причем в советский период оказание подобных услуг было на низком уровне и сводилось в основном к производству абортов и безуспешной работе по распространению контрацепции в женских консультациях. Переломным моментом в решении этой проблемы стала Каирская конференция (1994 г.), заложившая основы нового законодательства и программно-целевого планирования. Реализация в конце 1990-х гг. программ «Планирование семьи» и «Безопасное материнство» в составе президентской программы «Дети России»³ привела к открытию сети центров планирования семьи, деятельность которых способствовала распространению контрацепции, снижению абортов, сохранению и укреплению репродуктивного здоровья населения.

В настоящее время реализуются такие направления работы служб планирования семьи, как медико-социальное, социально-педагогическое, социально-психологическое⁴. Однако развитие сети учреждений по планированию семьи в России не является повсеместным. В ряде регионов и городов до сих пор существуют проблемы с расширением перечня услуг по планированию семьи, с включением в него консультаций не только по медицинским, но и по социально-педагогическим, социально-психологическим, правовым и иным вопросам. Для изучения состояния услуг по указанным направлениям планирования семьи мы провели социологическое исследование в г. Саранске (Республика Мордовия) в 2014 г. В исследовании участвовало 90 специалистов, работающих в городских учреждениях планирования семьи.

Были опрошены медицинские работники (51,1 % от общего числа экспертов), специалисты в школе — заместители директора по учебно-воспитательной работе, психологи и социальные педагоги (22,2 %), представители загса (6,7 %), специалисты комплексных центров социального обслуживания населения (20,0 %). Также в опросе участвовали жители г. Саранска — 100 клиентов центров планирования семьи и женских консультаций.

В ходе исследования было выявлено, что большинство экспертов — специалистов учреждений г. Саранска считают, что применение контрацепции во внутрисемейном планировании дает молодым людям дополнительное время для того, чтобы серьезнее и основательнее подготовиться к рождению желанного ребенка (83,3 %). Это свидетельствует о признании необходимости консультаций по контрацепции в системе услуг по планированию семьи.

Важность консультативной и разъяснительной работы по вопросам правильного применения контрацепции показывают и ответы на вопрос о причинах неприменения населением средств контрацепции. Среди них, по мнению специалистов учреждений, главной является недостаток знаний об их применении (62,0 %). Вторая причина по степени значимости — относительная дороговизна препаратов (22,0 %), а их отсутствие и малый ассортимент в продаже не является причиной неприменения контрацепции. В ответах на этот вопрос потребители услуг по планированию семьи солидарны со специалистами.

Устранение причин неприменения контрацепции, в том числе презервативов, крайне важно в условиях распространения среди молодежи заболеваний, передающихся половым путем (ЗППП). Как показывают результаты исследования, проведенного Н. В. Мингалева, Б. Р. Гонежуковой, А. О. Чахоян, молодые люди понимают значимость презервативов в профилактике ЗППП, однако «у большей части учащейся молодежи малых промышленных городов не сформирован, не выработан механизм самосохранительного поведения при вступлении в сексуальные отношения»⁵. Одной из вероятных причин неприменения контрацепции также является то, что женская консультация в городе, в основном решающая проблемы женского репродуктивного здоровья и контрацепции, не работает с мужским населением. Поэтому распределение

подобного рода забот между обоими партнерами и преодоление предубеждения о наибольшей ответственности женщин за репродуктивное здоровье должно стать важным фактором разрешения проблемы неприменения контрацепции.

Специалисты городских учреждений и их клиенты указали, что в профилактической работе с подростками приоритетны воспитательные меры, а не запретительные. Специалисты служб планирования семьи больший упор делают на проведение бесед о планировании семьи и семейных отношениях, а клиенты служб — на пропаганду безопасного секса. При этом часть старшего поколения специалистов (от 50 лет и старше) считает, что свободное применение контрацепции и доступ к аборту облегчают избавление от ребенка и дают возможность для беспорядочных половых связей, что часто приводит к заболеваниям и проблемам репродукции (10,0 %). Именно представители советского воспитания отрицают необходимость введения консультаций по контрацепции в структуре услуг по планированию семьи для подростков и молодежи.

Кроме изучения мер по профилактике беременности, в учреждениях планирования семьи г. Саранска были исследованы формы работы по подготовке молодежи к браку. Подробный анализ ответов специалистов служб города показал некоторые различия в перечне применяемых мер. Медицинские работники чаще всего прибегают к беседам, лекциям, просмотрам видео о планировании семьи и семейных отношениях, раздаче специальной литературы. Специалисты в области образования (школьный психолог, социальный педагог, заместитель директора по учебно-воспитательной работе) также проводят аналогичную работу, но очень редко, посредством раздачи специальной литературы и сотрудничества с гинекологами. Воспитательная, профилактическая работа с молодежью в загсах не осуществляется, хотя именно там принимается окончательное решение о создании семьи и официально регистрируются отношения между молодыми людьми. Специалисты по социальной работе при комплексных центрах социального обслуживания вообще не наделены полномочиями вести какую-либо работу в этой области, хотя теоретически являются одними из главных консультантов и помощников в деле планирования семьи и семейных отношений, особенно в неблагополучных

семьях. Таким образом, оказание услуг по планированию семьи в системе городских учреждений и служб остается прерогативой медицинских работников.

Наше исследование выявило отсутствие какой-либо работы по подготовке молодых людей, супружеских пар к желанной беременности. Эта ситуация в основном характерна для деятельности Комплексных центров социального обслуживания г. Саранска. Наибольшее внимание по такому направлению планирования семьи уделяется медицинскими службами, работающими с беременными женщинами. Именно с будущей мамой проводятся основные мероприятия по подготовке к ответственному родительству, беременности, рождению ребенка. Необходимо отметить, что в службах планирования семьи г. Саранска, особенно медицинской направленности, подготовка отцов к роли родителя предусмотрена, но не является обязательной. В целом вся работа учреждений по планированию семьи ведется по обращаемости.

При сравнении предоставляемых и желаемых населением города услуг было выявлено, что консультации по контрацепции нужны, но не в большом количестве, так как клиентам чаще требуется сразу предоставление контрацепции из-за отсутствия времени и желания искать нужный препарат. Такая ситуация показывает важность изменения порядка работы служб планирования семьи. Среди специалистов остается стереотипное восприятие планирования семьи как сферы оказания только консультативных услуг по контрацепции и обучающих занятий для беременных женщин. Население также ориентировано только на получение этого рода консультаций и контрацептивных средств. Подобное отношение к институту планирования семьи существенно ограничивает возможности служб планирования семьи в профилактике семейного неблагополучия, отказов от детей и социального сиротства.

Клиенты женских консультаций, центров планирования семьи г. Саранска не отказываются от лекций и просмотра видео о планировании семьи и семейных отношений, но из-за отсутствия времени предпочли бы получать больше литературы по этому вопросу, чтобы дома в спокойной семейной обстановке обсудить необходимость ответственного родительства и планирования семьи. Также необходимо отметить, что в системе учреждений планирования семьи

города не предоставляется, но в определенной мере востребована клиентами помощь в разрешении супружеских и семейных конфликтов. Следовательно, эта услуга должна быть включена в перечень направлений работы служб планировании семьи г. Саранска.

Существенной проблемой, по мнению специалистов, является нескоординированность действий с другими заинтересованными службами и слабая техническая оснащенность, а также недостаточное финансирование учреждений планирования семьи. В то же время потребители услуг по планированию семьи среди ведущих проблем отмечают плохую организованность приема клиентов, что выражается в неудобном графике работы специалистов и длительном ожидании.

Введенная в последние годы услуга записи на прием через онлайн-регистратуру предполагала улучшение порядка приема граждан в службах планирования семьи. Однако опрос клиентов медицинских служб показал, что даже с учетом внедрения такой услуги сохранились проблемы со своевременным приемом клиентов. Почти треть респондентов (28,0 %) отметила, что прием не всегда происходит по записи и требуется некоторое ожидание. К тому же, согласно данным анкетирования населения, электронная услуга не действует в других службах планирования семьи, т. е. применяется только в учреждениях медицинского профиля. Второе место по степени значимости занимают недостаток подготовленных кадров и их низкая квалификация. Кроме того, проблемой для населения является слабая техническая оснащенность и недостаточное финансирование указанных учреждений, которое выражается в дороговизне услуг.

В ходе опроса выяснилось мнение респондентов о необходимости повышения эффективности работы городских служб планирования семьи. Как считают специалисты городских служб планирования семьи, они нуждаются в повышении качества образования и предоставлении методического обеспечения, увеличении заработной платы и улучшении материально-технической базы. Расширение штата сотрудников, по мнению экспертов, необходимо лишь загсам и школам г. Саранска. Население города, пользующееся услугами этих служб, также считает, что для повышения эффективности их деятельности необходимы улучшение материально-тех-

нической базы учреждений и организация дополнительного образования для сотрудников, их методическое обеспечение.

Анализ ответов экспертов о необходимости создания в городе комплексной системы учреждений планирования семьи показал, что большинство из них (специалисты загсов, образовательных учреждений, комплексных центров социального обслуживания) считают, что для реализации этой задачи необходимо лишь дополнить отдельными службами уже существующую систему учреждений города. Жители г. Саранска согласны с необходимостью изменений в данной сфере и считают, что такая комплексная система пока отсутствует. Однако медицинские работники видят пустую трату времени в привлечении других служб и считают, что данная комплексная система уже существует. Следует отметить, что 18,2 % опрошенных клиентов затруднились дать ответ на этот вопрос. Видимо, у респондентов имеются смутные представления о существующей системе служб планирования семьи в городе, об их работе по предоставлению услуг в сфере планирования семьи. Это может служить косвенным доказательством того, что данная комплексная система служб планирования семьи не создана в полном объеме.

Выявленные в ходе исследования трудности и недостатки в деятельности служб планирования семьи г. Саранска показали необходимость выработки рекомендаций по улучшению сотрудничества с населением по всем направлениям планирования семьи.

В школах целесообразно увеличить количество мероприятий с подростками по планированию семьи; организовать регулярные (ежемесячные или еженедельные) занятия по вопросам сохранения репродуктивного здоровья, приема контрацептивов, физиологии беременности; проводить просмотр видео и последующие дискуссии по проблемам планирования семьи по профилактике ранних сексуальных отношений и подростковой беременности. Для достижения полного распространения идей планирования семьи еще в подростковом возрасте необходимо проводить беседы с родителями школьников по вопросам сохранения репродуктивного здоровья, выстраивания отношений с противоположным полом. К проведению ряда перечисленных мероприятий в школе необходимо привлекать не только работников школ, но и сотрудников загсов, комплексных центров социально-

го обслуживания, центров планирования семьи, женских консультаций.

Работу загсов также необходимо разнообразить. Для улучшения проводимой работы в области распространения идей ответственного родительства предлагается раздавать парам, вступающим в брак, специальную литературу, касающуюся сохранения репродуктивного здоровья, основ гармоничного брака, контрацептивного поведения. Парам, подающим заявление о регистрации отношений, в загсе необходимо рекомендовать обследование на состояние репродуктивного здоровья, а также популяризировать деятельность центров планирования семьи, комплексных центров социального обслуживания, кризисных центров и иных учреждений, оказывающих помощь и поддержку семьям в вопросах планирования семьи.

Деятельность комплексных центров социального обслуживания населения в отношении предоставления услуг по планированию семьи также необходимо расширить прежде всего в случае с неблагополучными семьями: рекомендовать им обследование на состояние репродуктивного здоровья; предоставлять информацию о здоровом образе жизни, планировании семьи, семейных отношениях; формировать установки на ответственное родительство и профилактику социального сиротства, предоставлять услуги по надомному социально-бытовому уходу за новорожденным ребенком. Необходимо также предоставлять неблагополучным семьям информацию о деятельности центров планирования семьи, женских консультаций и других кризисных центрах.

Важны в сфере планирования семьи средства массовой информации. Они должны в полной мере использовать свои возможности и ресурсы по формированию адекватного отношения к системе служб планирования семьи, пропаганде идей ответственного родительства и подготовки к созданию семьи и рождению детей.

Представленные рекомендации позволят распространить идеи сохранения и укрепления репродуктивного здоровья, ответственности за будущее свое и своих детей. Для курирования вводимых изменений в системе учреждений планирования семьи необходим отдел в Министерстве здравоохранения Республики Мордовия, наделенный полномочиями координации деятельности учреждений по планированию

семьи, а также связью с министерствами образования и социальной защиты населения региона для возможности контроля деятельности образовательных социозащитных учреждений в этой области.

Таким образом, планирование семьи — это комплекс мероприятий, включающий консультации супружеских пар по поводу применения контрацептивных средств, создания благоприятных супружеских отношений, сохранения репродуктивного здоровья и рождения желанных детей в приемлемом количестве и с необходимыми промежутками между их рождением. Планирование семьи представляет собой социальный институт, потребность в котором у общества существует на глобальном, государственном и семейно-личностном уровне. В последние годы он начинает удовлетворять потребность общества в формировании и распространении идей ответственного, подготовленного и информированного родительства. Если традиционное общество обращало внимание прежде всего на число детей в семье из-за «производственной необходимости», то сейчас большое значение имеет качество рождающихся детей, так как в России сложилась неблагоприятная картина болезненности детей и молодежи репродуктивного возраста. Необходима реализация комплекса мер, направленных на повышение не только рождаемости, но и уровня физического и психического здоровья детей. Страна должна совершенствовать существующую сеть служб планирования семьи. В частности, к предоставлению услуг в сфере планирования семьи, распространению идей ответственного родительства необходимо привлекать образовательные и социальные учреждения, общественные организации, специалистов загсов и пр.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Российский статистический ежегодник — 2005. М.: Росстат, 2006. С. 105.

² См.: Население России — 1998: VI ежегод. демогр. докл. / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Ун-т, 1999. С. 60.

³ См.: Федеральная программа «Планирование семьи» (принята Постановлением Правительства Российской Федерации 26 октября 1997 г.) // Рос. газ. 1997. 23 окт. С. 4.

⁴ См.: Мартыненко А.В. Теория и практика медико-социальной работы: учеб. пособие. М., 2007. С. 106—115.

⁵ Мингалева Н.В., Гонежукова Б.Р., Чахоян А.О. Социологическая характеристика репродуктивного поведения городской молодежи // Социология города. 2011. № 1. С. 11—15.

Поступила 21.01.2015.

T. V. Khromova. Services for Family Planning: Problems and Prospects

The paper discusses one of the urgent issues in Russia — that of providing services for family planning. The analysis is based on a survey of experts and customers of the family planning services. The survey was conducted on the basis of medical, educational, social and other services of the city of Saransk. The survey identified the characteristics of the delivery of services in the following three areas within family planning: medical and social, socio-pedagogical, and socio-psychological ones. The results of the study showed that provision of services for family planning to a greater extent is done by medical professionals. The activities of educational and social institutions in preparation for starting a family, for having a child, in preventing abortion and abandonment of children are virtually nonexistent. These institutions can work with the youth and young families directly so they could provide them with advice on various social, psychological, and pedagogical aspects of family planning. The survey of experts and clients of such services showed certain problems in work of the family planning institutions and the need to arrange effective work of these services.

The author comes up with a number of recommendations for improvement of services in family planning for various city institutions (for schools, integrated social service centers, and vital records offices). The recommendations will contribute to enhancement of family planning not only within the socio-medical areas, but also in the socio-psychological and socio-pedagogical ones.

Д. В. ОКУНЕВ С. Э. МАЙКОВА И. В. ГВОЗДЕЦКАЯ

МАРКЕТИНГОВЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В РЕГИОНЕ¹

Ключевые слова: индустрия гостеприимства, туристические потоки, туристская фирма, туризм

Key words: hospitality industry, tourism flows, tourism company, tourism

В статье рассматриваются основные проблемы, тенденции и факторы, влияющие на развитие внутреннего туризма. К основным факторам относятся: низкая рентабельность сферы внутреннего туризма, невысокая информированность о туристском продукте, несоответствие показателя «цена — качество».

ОКУНЕВ Денис Викторович, проректор по экономике Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

МАЙКОВА Светлана Эдуардовна, доцент кафедры маркетинга Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ГВОЗДЕЦКАЯ Ирина Вячеславовна, доцент кафедры маркетинга Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

OKUNEV Denis Viktorovich, Candidate of Economic Sciences, Docent, Vice-Rector for Financial Management, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

MAIKOVA Svetlana Eduardovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

GVOZDETSKAYA Irina Vyacheslavovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Окунев Д. В., Майкова С. Э., Гвоздецкая И. В., 2015

The paper discusses the main issues, trends, and factors affecting development of the domestic tourism. The main factors include: low profitability of the sphere of domestic tourism, low awareness of the tourism product, inadequacy of the quality-price ratio.

В настоящее время развитие внутреннего туризма находится на стадии формирования. Это обусловлено многими причинами. Во-первых, нерентабельностью внутреннего туристского продукта для туристских фирм. Во-вторых, несоответствием показателя «цена — качество» на средства размещения. В-третьих, низкой информированностью людей о туристско-рекреационных возможностях регионов. В-четвертых, отсутствием четкого, отлаженного механизма между туристскими фирмами и санаторно-курортными комплексами. В современных условиях актуально сформировать достойную замену выездному туризму, при этом необходимо решить ряд проблем, связанных с формированием внутреннего туризма, и проанализировать комплекс проблем, влияющих на развитие индустрии гостеприимства². Создание привлекательного комплексного внутреннего туристского продукта, включающего основные и дополнительные услуги, является основной задачей развития российского туристского рынка.

Основные проблемы, тенденции и факторы, влияющие на развитие внутреннего туризма, мы рассмотрели на примере Республики Марий Эл. Анализ туристских потоков в республике за период с 2010—2014 гг. показал относительно положительную динамику. Произошла корректировка показателей туристских потоков. По таким направлениям, как выездной туризм, отмечается снижение туристских потоков, и напротив, увеличилось число принятых в Марий Эл туристов из РФ.

По данным мониторинга деятельности туристических предприятий и организаций Марий Эл, проведенного Комитетом республики по туризму, по состоянию на 2013 г. на территории региона осуществляли деятельность 63 туроператорские и турагентские фирмы, 34 гостиницы и гостевых дома, 29 санаториев, оздоровительных комплексов, лагерей и пансионатов с лечением, 8 туристских комплексов и 16 баз отдыха, а также 63 точки изготовления (или) продажи изделий народных художественных промыслов и сувениров. Динамика изменения количества предприятий

туриндустрии Республики Марий Эл в 2010—2013 гг. представлена на рис. 1.

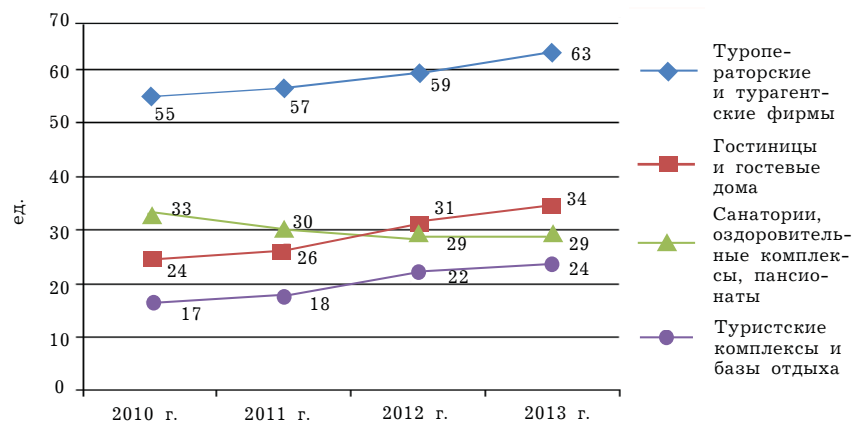

Рис. 1. Динамика изменения количества предприятий туриндустрии Республики Марий Эл в 2010—2013 гг.

Внутренний и въездной туристский потоки (с учетом экскурсантов) за 2013 г. составили более 250,0 тыс. чел., что значительно превышает аналогичный показатель 2012 г. Число иностранных граждан, въехавших на территорию республики, составило более 4,0 тыс. чел. При этом наибольшее число туристов и экскурсантов посетили города Йошкар-Олу, Козьмодемьянск, а также Юринский муниципальный район. Анализ динамики внутреннего, въездного и выездного туристских потоков позволят отметить положительные тенденции в части смещения потребительского спроса с выезда за пределы республики на прием российских и иностранных граждан на территории Марий Эл, что благоприятно сказывается на социально-экономическом развитии региона.

Объем платных туристских услуг, услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, оказанных населению в 2013 г., составил 701,5 млн руб., что на 7,6 % превышает показатель 2012 г. Динамика изменения объема платных туристских, гостиничных услуг и аналогичных средств размещения представлена на рис. 2.

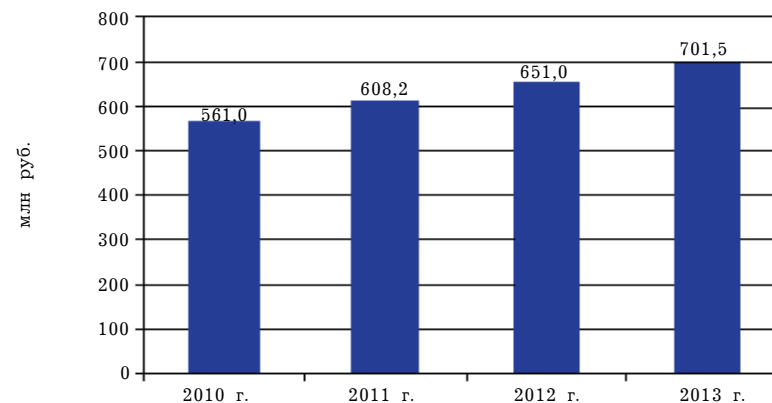

Рис. 2. Динамика изменения объема платных туристских, гостиничных услуг и аналогичных средств размещения в 2010—2013 гг.

Отдельно следует отметить деятельность малых предприятий, функционирующих в гостиничном и ресторанном бизнесе, а также предоставляющих услуги по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта. Их оборот за 2013 г. составил около 2 млрд руб., средняя численность работающих превысила 2,6 тыс. чел., среднемесячная заработная плата достигла 10,6 и 15,4 тыс. руб. соответственно, а объем инвестиций составил около 7,0 млн руб.

У Республики Марий Эл достаточно большой потенциал, отмечается положительная динамика развития отрасли туризма. Как и в большинстве регионов РФ, эта отрасль в республике пока не является высокодоходной. При достаточно хорошем потенциале доля туризма в валовом региональном продукте республики составляет менее 1,0 %. Основной причиной такой ситуации является низкая инвестиционная привлекательность туристской отрасли³ вследствие высокой изношенности ее инфраструктуры, низкой рентабельности и отсутствия информированности о республиканском туристском продукте⁴.

Основными целями развития индустрии гостеприимства Республики Марий Эл являются: формирование инвестиционно-привлекательной и конкурентоспособной туристской инфраструктуры республики; разработка качественного,

конкурентоспособного и доступного туристского продукта, способного обеспечить развитие сферы туризма республики; укрепление финансовой системы региона за счет вклада туристской отрасли в социально-экономическое развитие республики⁵.

Для достижения поставленных целей необходимо: сформировать благоприятные экономические условия для привлечения инвестиций в отрасль; повысить качество туристского продукта с учетом принятых международных стандартов; развивать инфраструктуру отрасли; создать бренд туристского продукта республики; сформировать туристские кластеры и продвигать их на российский и мировой туристский рынок.

Развитие индустрии туризма в Марий Эл направлено на встраивание стратегических проектов и инициатив в систему программных мероприятий. Такими мероприятиями могут быть разработка программ совместного финансирования (государственно-частное партнерство) и формирование налоговых льгот предприятий туризма. Это даст возможность повысить инвестиционную привлекательность туристской отрасли региона, сформировать предпринимательскую активность в сфере гостеприимства, внедрить стандарты качества обслуживания и подготовить программы обучения и повышения квалификации кадров для сферы туризма и гостеприимства.

Таким образом, комплекс предложенных мероприятий по развитию туризма в Республике Марий Эл приведет к повышению конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности туристской отрасли региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья публикуется при финансовой поддержке РГНФ № 14-12-13008 «Методология развития потребительского рынка региона в условиях присоединения России к ВТО».

² См.: Майкова С.Э., Сармаева Т.А. Анализ факторов территориальной индивидуальности городского округа Саранск // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2012. № 10. С. 95—102.

³ См.: Okunев D., Maikova S., Soldatova E. The methods of studying the territorial identity factors // 12th International Multidisciplinary Scientific GeoConference and EXPO - Modern Management of Mine Producing, Geology and Environmental Protection, SGEM 2012, 2012. С. 1159—1166.

⁴ См.: Аверина О.И., Кабанова Ю.В., Лябушева А.А. Этнотуризм: мода или дань уважения? // Финно-угорский мир. 2014. № 4. С. 100—103.

⁵ См.: Майкова С.Э., Гвоздецкая И.В., Сармаева Т.А. Имидж города в системе территориального маркетинга // Маркетинг. 2011. № 4. С. 56.

Поступила 11.03.2015.

D. V. Okunев, S. E. Maikova, I. V. Gvozdetskaya. Marketing Analysis of Domestic Tourism Development in the Republic of Mari El

Currently, development of domestic tourism is at the stage of formation. This is due to many reasons. First of all, it is the lack of profitability of the domestic tourism product for tourism companies. Secondly, it is the inadequacy of the quality-price ratio for the means of accommodation. Thirdly, there is low awareness of tourism and recreational opportunities of the regions. Fourthly, it is the lack of a clear and established mechanism between tourism companies and the sanatorium-resort complexes. In the circumstances of an economic crisis, it is rather important to form a worthy replacement for outbound tourism; it is necessary to solve a number of problems associated with the formation of domestic tourism and to analyze a number of problems affecting the development of the hospitality industry. Formation of an attractive all-inclusive domestic tourism product offering basic and additional services is the primary task of development of the regional tourism market.

The paper considers the case study of the Republic of Mari El as an example of the main problems, trends, and factors affecting development of the domestic tourism. There is considerable potential and positive dynamics of development of the tourism industry in the Republic of Mari El. Like in most regions of the Russian Federation, currently, this industry is not profitable in the Republic. Despite having a sufficiently high potential, the share of tourism in the gross regional product of the Republic is less than one percent. Low investment attractiveness of the tourism industry is the main cause for this situation. This cause arose due to the high deterioration of infrastructure, to the low profitability of this industry and to the lack of awareness of the Republic's tourism product.

Е. Г. МАКЛАШОВА

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Ключевые слова: национальная политика, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, региональные концепции государственной национальной политики

Key words: ethnic policy, Strategy of the State Ethnic Policy of the Russian Federation, regional concepts of state ethnic policy

В статье дан сравнительный анализ концепций государственной национальной политики субъектов Российской Федерации из ее семи федеральных округов с точки зрения задач, установленных Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации. Устанавливается, что регионы России достаточно адаптивно и избирательно выстраивают вектор национальной политики сообразно особенностям этнополитических процессов на этих территориях.

The paper provides a comparative analysis of the concepts of the state ethnic policy of the subjects of the Russian Federation in the seven Federal Districts in terms of the objectives established by the Strategy of state ethnic policy of the Russian Federation. The author argues that the regions of Russia are rather adaptive and selective in building their vector of ethnic policy according to the specifics of ethno-political processes in these territories.

В Российской Федерации проблемы этничности являются отличительными признаками государственности страны. При этом многонациональный характер российского государства констатируется в правовой и политической сфере.

МАКЛАШОВА Елена Гавриловна, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, кандидат политических наук (г. Якутск).

MAKLASHOVA Elena Gavrilovna, Candidate of Political Sciences, Research Officer, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the RAS (Yakutsk, Russian Federation).

© Маклашова Е. Г., 2015

Зарубежные исследователи определяют Россию как этнофедерацию, полиэтническое государство, считая устройство весьма конфликтным. Отечественные ученые подчеркивают, что Российская Федерация — это отнюдь не разнородная совокупность «этносов» и «наций» с социально и культурно стратифицированными и дифференцированными этническими группами, а скорее мононациональное государство, но с либеральным подходом к этнической политике. Так или иначе общественные отношения, в том числе культурные, в любом государстве регламентируются властью. В России вопросы национального (этнического) развития отнесены к компонентам государственного управления и имеют правовое закрепление. В современной России сменились две концепции регулирования национальных отношений, их цели и механизмы регулирования¹.

В России региональная власть также наделена правом принимать свои нормативные акты в области осуществления национальной политики в регионе, но в русле установленных федеральной властью задач и механизмов. Федеральные нормы задают вектор деятельности, а региональные нормы должны конкретизировать и адаптировать его применительно к региональной специфике. Региональное регулирование национальной политики является локальной и специфической практикой. В связи с этим интерес вызывает установление особенностей государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации. Более того, в силу дуальности системы административного территориального деления России предполагается, что в ее субъектах, образованных по национальному (этническому) принципу, существует специфика управления этнокультурными процессами, отличная от субъектов, образованных по территориальному принципу. Для выявления этой специфики мы использовали Концепцию государственной национальной политики в Архангельской области (утверждена Постановлением Администрации Архангельской области от 9 апреля 2007 г. № 67-па) (Концепция Архангельской области); Концепцию государственной национальной политики в Республике Бурятия (утверждена Постановлением Правительства Республики Бурятия от 29 мая 2007 г. № 179) (Концепция Бурятии); Концепцию реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений в городе Москве (утверждена

Постановлением Правительства Москвы от 22 июня 2010 г. № 522-ПП) (Концепция Москвы); Концепцию государственной национальной политики в Астраханской области (утверждена Постановлением Правительства Астраханской области от 5 июля 2010 г. № 275-П) (Концепция Астраханской области); Концепцию реализации государственной национальной политики в Челябинской области на 2011—2015 годы (утверждена Постановлением Законодательного собрания Челябинской области от 25 августа 2011 г. № 537) (Концепция Челябинской области); Концепцию государственной национальной политики Республики Саха (Якутия) (утверждена Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 29 мая 2013 г. № 2084) (Концепция РС(Я)); Концепцию государственной национальной политики в Республике Татарстан (утверждена Указом Президента Республики Татарстан от 26 июля 2013 г. № УП-695) (Концепция Татарстана).

Каждый регион является представителем одного из семи федеральных округов РФ, образованных по национальному или территориальному принципу с этнокультурным составом населения, имеющим концепцию национальной политики региона, принятую не позднее 2000 г. (субъекты Северо-Кавказского и Крымского федеральных округов не рассматриваются по объективным причинам).

Стратегией государственной национальной политики до 2015 г. (Стратегия РФ) в качестве объекта выделены: российская нация (обозначенная как единый многонациональный народ РФ), народы РФ, коренные малочисленные народы, национальные меньшинства, мигранты, соотечественники. При этом Стратегия РФ определяет полисемичный характер национальной политики: с одной стороны, провозглашает многообразие, с другой — единство и равенство.

В результате деятельность органов государственной власти ограничена двумя разнородными границами. Можно провести демаркацию деятельности власти в области национальной политики по антитезе «разрешено — запрещено» с установлением определяющего принципа работы. Так, деятельность в области развития многообразия должна быть направлена на выработку идей единства, мира, гармонии, общей истории народов России, страны и пресечение доминирования по национальному (этническому), религиозному признаку, а деятельность в области единства — на поощрение много-

язычия, воспитание уважения к истории, культуре народов России, тиражирование отечественной литературы на языках народов России и запрет ущемления прав на языковое и этнокультурное самоопределение. В связи с этим действия региональных властей не должны выходить за рамки заданных условий.

Концепции Архангельской и Астраханской областей вполне лаконичны, а Концепция Челябинской области многоаспектней и шире. Объектами национальных политик областей выступают народ России (согласно Концепции Челябинской области, просто народ), проживающий на территории той или иной области, национальные меньшинства, а в Архангельской и Челябинской областях также и коренные малочисленные народы (КМН). Деятельность региональных властей определяется в целом решением двух проблем: создание условий для социально-экономического и этнокультурного развития народов России и иных этнических общностей, проживающих на территории областей, упрочнение общероссийской гражданской идентичности.

Список задач властей Архангельской и Астраханской областей направлен на предупреждение межнациональных конфликтов, создание толерантности, защиту прав граждан независимо от национальной и религиозной принадлежности, языка и культуры. Причем сохранение и развитие этнокультурного многообразия в областях основано на формировании толерантности. Заметим, что задачи государственной власти по укреплению российской нации и защите прав КМН (в Архангельской области) и национальных меньшинств (в Астраханской области) четко не акцентируются. Возможно, такая ситуация обусловлена этнической гомогенностью и связанными с ней особенностями национальных процессов в областях, хотя Архангельская область позиционируется как территория проживания коренных малочисленных этносов, а Астраханская — как территория проживания самой крупной общины казахов в России.

Несколько иначе обстоит дело в Челябинской области. Здесь деятельность государственной власти для поддержки многообразия осуществляется через создание равноправия, межнационального согласия и сотрудничества, условий по взаимообогащению культур и традиций. Концепцию Челябинской области также отличает акцентирование деятель-

ности власти на работе по усилению роли русского языка и защите прав, среды обитания и образа жизни КМН.

Концепция Бурятии объектами управления определяет проживающий в Бурятии народ, ее этнические группы, Республику Бурятия, конфессии Бурятии, мигрантов, КМН, соотечественников (выходцев из Бурятии). Согласно Концепции Бурятии, «цели сохранения этнических культур и традиций этносов ориентированы на формирование у граждан единой российской общегосударственной идентичности. Для этого необходимо укрепление единства духовной, нравственной и социально-политической жизни народов, проживающих в Республике Бурятия»² (это констатировалось Стратегией РФ). Однако некоторые из механизмов сохранения и развития многообразия в Бурятии весьма своеобразны, например, «учет экономических интересов этнических групп в Бурятии, прогрессивных форм и опыта их традиционного хозяйствования при проведении региональной экономической политики», «поддержка в рамках действующего законодательства общественных объединений, способствующих сохранению национальных культур и более полному участию национальных групп в общественно-политической жизни республики». Таким образом, этнический характер Бурятии четко отражается в национальной политике, более того, власти расширяют его область влияния до политической. Кроме того, этническая и культурная специфика Бурятии (несмотря на преобладание русского населения) вызвала необходимость учета интересов конфессий республики, роли традиционных религий в воспитании чувства уважения и доверия между народами, а также формирования взаимосвязи национальных обычаев, традиций и обрядов с религией. Показательным является решение по становлению единства, общероссийского патриотизма в республике. Это создание чувства любви к малой родине (Бурятии), а также брендирование республики как единого туристского пространства, центра буддизма и региона с уникальной этнической культурой.

Концепция Татарстана разработана в соответствии с положениями Стратегии РФ. Объектами управления выступают народ, проживающей в Республике Татарстан; татарский народ; Республика Татарстан; мигранты; татары, проживающие в России и за рубежом. Несмотря на то что политика

нацелена на развитие межнационального согласия, гражданского мира, веротерпимости и обеспечение конституционных прав человека и гражданина, основные задачи и границы деятельности государственной власти республики соблюдены согласно Стратегии РФ. Отличительной чертой развития духовно-культурного потенциала народа республики, помимо внедрения идей единства и дружбы народов, является формирование региональной и общероссийской идентичности. Более того, власть Татарстана, ввиду национального (этнического) характера образования региона, ставит задачи по укреплению республики как исторического, духовного и этнокультурного центра татарского народа, созданию условий для интеллектуальной, экономической и иной консолидации татар, проживающих в России и за рубежом. Весьма четко определена деятельность государственной власти по поддержке соотечественников (татар), проживающих в России и за рубежом. Помимо учета этнических и конфессиональных вопросов в области развития культур народов РФ, патриотизма и формирования единства российской нации, власть республики планирует «вовлекать представителей национальных сообществ в процесс развития торгово-экономических связей с регионами России, странами ближнего и дальнего зарубежья, являющимися их исторической родиной»³.

Концепции РС(Я) и Татарстана приняты после введения в действие Стратегии РФ. Однако власть Якутии иначе подходит к пониманию национальной политики, механизмов и границ ее осуществления. Согласно Концепции, объектами управления являются граждане России, народ республики (народ Якутии, многонациональный народ Якутии), жители республики, КМН, казачество, проживающие за пределами республики якутяне, этнические меньшинства, мигранты, Республика Саха (Якутия). Основная цель национальной политики Якутии — поддержка и развитие этнического, культурного и языкового многообразия, защита языковых, культурных, религиозных и иных прав граждан Российской Федерации. Следует отметить, что в Якутии основным направлением реализации национальной политики стало развитие многообразия, тогда как созданию единства уделяется недостаточное внимание. Согласно Концепции РС(Я), культурное и духовное развитие жителей Якутии, совершенствование межэтнического и межрелигиозного диалога

должны выстраиваться на принципах популяризации достижений национальных культур, пропаганды межнационального мира и взаимоуважения между народами и религиозными организациями, в том числе с позиции формирования мировоззрения, скрепляющего российскую нацию. Как Татарстан и Бурятия, Якутия выделяет в особую группу этносы и культуры, исторически связанные с регионом. В связи с этим основной акцент сделан на защите прав и интересов коренных малочисленных народов Севера, на укреплении традиционных духовных ценностей коренных народов республики и развитии казачества. Как власти Татарстана и Бурятии, власть Якутии важным направлением деятельности определила укрепление Республики Саха (Якутия) как субъекта Российской Федерации, в равной мере отстаивающего права и интересы представителей всех этнических общностей, составляющих единый многонациональный народ Якутии. По сравнению с Татарстаном и Бурятией такая трактовка укрепления государственности в Якутии, на наш взгляд, не обеспечивает прерогативы отдельных этнических или культурных общностей.

Несколько иной подход к решению вопросов регулирования межэтнических отношений характерен для Концепции Москвы, основанной на поддержке и развитии исторически сложившихся традиций внутригородской жизни, солидарности городского сообщества. В результате Концепция исходит из задач сохранения особой культурной среды — городского сообщества, ставшей приоритетной в деятельности властей. В основу работы государственной власти города положена реализация таких дуальностей, как «патриотизм — интернационализм», «гражданская идентичность — этническая идентичность», но в силу особой роли и миссии столицы страны укрепление русского языка, духовной и культурной общности российского народа являются главными механизмами конструирования городского сообщества.

Таким образом, Стратегия РФ и региональные концепции исходят из понимания слова «нация» как этноса, где границы этноса и его культуры, территории проживания, языка совпадают. Однако на фоне определения «нация — этнос» Стратегия РФ одновременно оперирует таким пониманием слова «нация», как надэтническое сообщество, единое гражданское сообщество государства, соответственно,

в этом контексте «национальный» означает не этнический, а государственный. В результате слово «национальный» приобретает двойной смысл, а сама национальная политика становится полисемичной. Принцип единства и многообразия, раскрывающийся как единство через многообразие и как многообразие через единство, становится базисом деятельности государственной власти, а нарушение его влечет политико-правовые последствия для власти.

Сравнительный анализ показывает, что задачи по развитию этнокультурного многообразия субъектами Российской Федерации достигаются разными способами, начиная от толерантности и заканчивая согласием и миром. Также не все регионы обращают внимание на проблемы адаптации мигрантов, укрепления русского языка. Нивелирование задач и механизмов государственной национальной политики обусловлено особенностями этносоциальных процессов в субъектах Российской Федерации. Региональные власти склонны делать акценты на наиболее актуальных региональных вопросах. Например, проблемы развития русского языка мало актуальны для регионов с преобладающим русскоязычным населением и незначительным притоком иммигрантов. Тем не менее проблема многообразия хорошо воспринимается и решается регионами.

Достаточно сложной и недоработанной в региональных концепциях является задача формирования единства. Не все регионы используют в своих концепциях понятие «российская нация», большинство оперируют термином «общероссийская гражданская идентичность». Более того, только в Татарстане устанавливается задача укрепления духовной общности многонационального народа России (российской нации). Даже в Якутии, принявшей Концепцию после введения в действие Стратегии РФ, такая задача ставится опосредованно, как и в Архангельской и Астраханской областях, хотя их концепции были приняты в 2007 г. Конечно, дефиниция «российская нация» гораздо глубже, чем воспроизведение ее в рамках гражданского единства и гражданской идентичности. Формирование российской нации продвигается весьма аморфно в силу либо непонимания механизмов ее конструирования, либо скрытого протеста регионов против желания федеральной власти унифицировать культурное пространство многонационального общества.

Национальные регионы выстраивают свою политику на принципах единства правового поля страны. Но власти национальных республик придают этническим и культурным факторам особую роль в их влиянии на общественную жизнь региона, вплоть до включения их в политическую сферу. При этом позиционирование и предоставление некоторых привилегий осуществляются не только в отношении того или иного этноса и (или) культуры, но и самого субъекта Российской Федерации — республики.

Безусловно, многообразие общественной жизни, особенно в культурной сфере, тяжело отразить в правовых нормах, где упорядочивание и единство толкования — основа право творчества. Тем не менее некоторые законодатели расширяют понимание социальных процессов. Например, власти Москвы попытались привнести в понимание государственного управления национальными процессами тот факт, что на развитие культурной сферы страны влияют не только этносы и этнические группы, но и религия (христианство, мусульманство, буддизм), причем этнические и религиозные интересы и степень их выраженности индивидуальны. Власть Татарстана существенно дополняет границы единства и многообразия, определяя, что свобода на этническое самоопределение — это не только определение и указание своей национальности, но и право на внесение изменений, в том числе в официальные документы, а также удаление из них записей о национальности.

Действительно, правовые нормы имеют некоторые шоры, обусловленные сложностью сферы регулирования и отсутствием четкой теоретико-методологической основы, общей догмы. Думается, что снижение влияния государственной власти на развитие многообразия и перенос этой обязанности на гражданское сообщество позволит деполитизировать и уменьшить негативные эффекты в обществе. Для повышения эффективности правовых норм важны четкость в их постановке и реальность в их осуществлении.

Этничность для России — элемент одновременно конфликтности и интеграции. Исходя из сложившихся сегодня факторов социальной среды, область государственного управления этническими процессами вряд ли уменьшится. Однако возможности моделирования, в том числе формирования множественной идентичности, позволяющей рас-

фокусировать центры напряженности, главным образом за счет расширения пропаганды и дискурсов, могут сгладить недостатки государственного влияния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Маклашова Е.Г. Изменение целей и задач национальной политики России // Регионология. 2013. № 3. С. 3—11.

² См.: Концепция государственной национальной политики в Республике Бурятия (утв. Постановлением Правительства Республики Бурятия от 29 мая 2007 г. № 179) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

³ См.: Концепция государственной национальной политики в Республике Татарстан (утв. Указом Президента Республики Татарстан от 26 июля 2013 г. № УП-695) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

Поступила 28.01.2015.

E. G. Maklashova. Comparative Analysis of Regional Concepts of Formation of Russia's State Ethnic Policy

Complex structure of the federal system brings up the question “Are there any specific features of formation and implementation of the unified ethnic policy in the regions of the Russian Federation established on an ethnic and territorial basis and what are they?” To give a partial but substantial answer, we have to carry out a comparative analysis of regional concepts of the state ethnic policy in 7 subjects of the Federation representing 7 Federal Districts of Russia: 3 republics, 3 regions, and the city of Moscow in terms of the new provisions of the Strategy of Russia's state ethnic policy.

The content of regional concepts, tasks and mechanisms of regulation of ethnic policy are due to the peculiarities of the ethno-political processes in these territories. So the concept of ethnic republics gives the ethnic and cultural factors a special role in their influence on the public life of the region, even up to their inclusion into the political sphere.

On the whole, the polysemic nature of the ethnic policy established by the federal regulations is adequately perceived by the regional standards. However, the task of forming a unity (of a unified Russian nation) is rather weakly developed in the regional concepts, especially in the subjects of the Federation formed on an ethnic basis.

Thus, with the support of diversity against the background of dominance over other socio-economic differentiations of ethnic markers, there is a possibility of modeling and consolidation of multifaceted self-definition allowing to mitigate the existing ethnocentricity.

**И. А. ЕМЕЛЬКИНА ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ
ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ
В ФОРМЕ НЕКОММЕРЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ**

Ключевые слова: некоммерческие организации, финно-угорские народы, общественное движение, культурное наследие, юридическое лицо, фонд, учреждение, автономия

Key words: non-profit organizations, Finno-Ugric peoples, social movement, cultural heritage, legal entity, fund, institution, autonomy

В статье дан анализ современного правового регулирования общественно-го движения финно-угорских народов в форме некоммерческих организаций. Рассмотрены виды правовых форм юридического лица, в которых могут быть учреждены некоммерческие организации финно-угорских народов. Приведены примеры коллизии действующего российского законодательства и предложения по их преодолению.

The paper provides an analysis of the current legal regulation of the social movement of the Finno-Ugric peoples in the form of non-profit organizations. The author considers the types of legal forms of legal entities that can be established as non-profit organizations of Finno-Ugric peoples. The paper provides examples of collision in the current Russian legislation and proposes ways to overcome them.

Указом Президента Российской Федерации в стране 2014 г. был объявлен годом культуры¹. Для многонациональной России, с ее разнообразной культурой, множеством национальных традиций, обрядов, языков это событие актуально и востребованно. В 1998 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла резолюцию «Культура уральских национальных меньшинств под угрозой» (Резолюция 1171 (1998))², согласно п. 1—2 которой более 23 млн чел. в мире говорят на уральских языках и, по данным переписи 1989 г.,

ЕМЕЛЬКИНА Ирина Александровна, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Мордовского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

EMELKINA Irina Aleksandrovna, Doctor of Juridical Sciences, Docent, Head of the Department of Civil Law and Practice, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Емелькина И. А., 2015

почти 3,3 млн чел. из них живут в России и являются меньшинствами. Не все из них регулярно пользуются родным языком. Ассамблея выразила обеспокоенность угрожающим состоянием уральских языков и культур в России. Из проживающих в России уральских народов карелы, мордва, марийцы, коми и удмурты имеют свою государственность в виде республик, названных в соответствии с их идентификацией, а ханты, манси, коми-пермяки и ненцы — автономии в виде автономных административных округов. Однако не все уральские народы живут в пределах своих республик и автономных округов. Более того, во многих таких государственных образованиях они не составляют большинства населения. Ассамблея выразила озабоченность тяжелыми физическими условиями и низким уровнем социальной защиты малочисленных уральских народов, живущих в трудных полярных условиях и при уровне жизни, обеспечивающем лишь выживание³.

Из 24 финно-угорских народов 17 проживают в России. Крупнейшие из них — мордва (эрзя, мокша), удмурты, марийцы, коми, карелы, финны-ингерманландцы, ханты, манси, вепсы, бессермяне, саамы и др. Шесть финно-угорских народов имеют национально-территориальные образования в составе России: республики Мордовия, Марий Эл, Коми, Карелия, Удмуртия и Ханты-Мансийский автономный округ⁴.

Однако есть ряд факторов, которые свидетельствуют не только о постепенном сокращении финно-угорских народов, но и об утрате их богатой и разнообразной культуры.

Российское законодательство не рассматривает народы и нации в качестве самостоятельных субъектов правовых отношений. Поэтому финно-угры как этническая категория не обладают самостоятельной правосубъектностью. Ей наделяются отдельные физические и юридические лица, публично-правовые образования. Однако народам России предоставлено право принимать участие в гражданском обществе посредством создаваемых некоммерческих организаций. Следует признать, что финно-угорский народ достаточно активно использует эту возможность для осуществления своего права на культурную самобытность, его защиту. Можно говорить о существовании в широком смысле общественного движения финно-угорских народов, состав которого не ограничивается сугубо российскими народами,

а имеет широкое распространение за рубежом (Финляндия, Венгрия, Эстония и др.).

По вопросу образования юридических лиц финно-угорских народов представляется интересным обратиться к законодательству о культуре. Забегая вперед, отметим, что оно серьезно отстает от действующего Гражданского кодекса Российской Федерации и принятых в соответствии с ним федеральных законов. Согласно ст. 15 Федерального закона «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (ФЗ о культуре), гражданам предоставляется право создавать организации, учреждения и предприятия по производству, тиражированию и распространению культурных ценностей, благ, посредничеству в области культурной деятельности. Точное обозначение «организации» не дается в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ), в ст. 48 закрепляется определение «юридического лица». Термин «организация» исходит еще из советского права, в котором все юридические лица, как правило, рассматривались как организации.

Ст. 48 ГК РФ закрепляет определение юридического лица как организации, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Ст. 50 ГК РФ классифицирует все юридические лица на коммерческие и некоммерческие организации. Таким образом, в широком понимании можно рассматривать организацию как любое юридическое лицо. Однако будет вернее, если в законодательстве о культуре говорить о юридических лицах финно-угорских народов, которые, согласно законодательству, могут создаваться как коммерческие и некоммерческие организации. В российском гражданском обществе финно-угорские народы могут участвовать исключительно через созданные ими некоммерческие организации. Для осуществления предпринимательской деятельности могут быть образованы и коммерческие организации. Например, вполне возможно создание общества с ограниченной ответственностью или непубличного акционерного общества по производству национальной одежды, декоративно-прикладных изделий, предметов с национальной

символикой. Однако, как показывает практика, такие формы коммерческих организаций редко используются в деятельности национальных движений. Как правило, подобные виды производства осуществляются в форме предпринимательской деятельности без образования юридического лица либо по договору подряда с коммерческой организацией. Кроме того, не запрещена предпринимательская деятельность некоммерческих организаций финно-угорских народов. Ст. 48 ГК РФ закрепляет, что любая некоммерческая организация может осуществлять деятельность, направленную на извлечение прибыли, с условием, что такая деятельность разрешена в уставе некоммерческой организации, не является для нее основной и прибыль направляется на основные цели деятельности. Таким образом, общественные организации финно-угров вполне могут заниматься предпринимательством в сфере декоративно-прикладного производства и т. п.

Обращаясь к ст. 15 ФЗ о культуре, отметим еще одну серьезную коллизию в действующем законодательстве. Учреждения и предприятия, которые вправе создать граждане по тиражированию и распространению культурных ценностей, благ, посредничеству в области культурной деятельности, рассматриваются как юридические лица. Однако это не вполне верно. Дело в том, что согласно ст. 113—114 ГК РФ предприятия могут быть созданы только государством или муниципальным образованием. Следовательно, в настоящее время невозможно создание гражданами своего предприятия. Такая возможность предоставлялась до 1 января 1995 г. Но с того времени прошло 20 лет, а законодательство о культуре до сих пор допускает такую возможность.

Важно отметить, что ГК РФ закрепляет термин «предприятие» не только в смысле государственного и муниципального предприятия, но и как объект гражданских правоотношений. При этом под предприятием как объектом прав признается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. Предприятие в целом как имущественный комплекс признается недвижимостью. В состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения,

индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором (ст. 132 ГК РФ).

Согласно ст. 123.21 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 5 мая 2014 г.), учреждением признается унитарная некоммерческая организация созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера. Учреждения могут быть государственными, муниципальными и частными. Все эти три формы могут быть использованы финно-угорскими народами для осуществления своих прав.

Следует отметить, что учреждение приобретает популярность в общественном движении финно-угорских народов. Например, создана новая правовая конструкция «этнокультурный парк» в организационно-правовой форме автономного учреждения (например, этнокультурный парк Республики Коми в г. Сыктывкаре). Устав этнокультурного парка закрепляет, что это многофункциональный этнокультурный комплекс, природно-ландшафтный историко-культурный музей-заповедник «Финно-угорский этнокультурный парк», который создается с целью расширения деятельности по развитию финно-угорского сотрудничества, а также развития культурно-познавательного туризма для возрождения, сохранения и популяризации культуры финно-угорских народов.

Таким образом, согласно буквальному толкованию ст. 15 закона о культуре, гражданам для тиражирования и распространения культурных ценностей, благ, посредничества в области культурной деятельности дано право создавать лишь три организационно-правовые формы юридических лиц: организации (при этом не вполне понятно о каких организациях идет речь), учреждения и предприятия. ГК РФ не запрещает создание и иных организационно-правовых форм коммерческих и некоммерческих организаций. Вовсе не ясно, зачем сужать правоспособность граждан в сфере реализации национальной самобытности в праве выбора вида юридического лица. Ограничением может выступать лишь правоспособность самого юридического лица. Например, крестьянское фермерское хозяйство не имеет в качестве цели распространение культурных ценностей, или некоммерческая организация — товарищество собственников жи-

ля, которая создается исключительно в сфере управления многоквартирным домом. Поэтому следует дать возможность выбора организационно-правовых форм юридических лиц в зависимости от их правоспособности для осуществления деятельности, связанной с тиражированием и распространением культурных ценностей, благ, посредничеством в области культурной деятельности.

Представляется, что ст. 15 ФЗ о культуре должна быть приведена в соответствии с ГК РФ. В п. 1 ст. 15 необходимо закрепить следующее правило: гражданам для тиражирования и распространения культурных ценностей, благ, посредничества в области культурной деятельности предоставляется право создавать коммерческие и некоммерческие организации.

Что касается коммерческих организаций, то они могут быть созданы исключительно в сфере предпринимательской деятельности (например, для изготовления изделий декоративно-прикладного производства и др.). В качестве таких форм ГК РФ перечисляет хозяйственные товарищества и общества, хозяйственные партнерства и производственные кооперативы. Как уже отмечалось, крестьянское фермерское хозяйство вряд ли можно рассматривать как возможное юридическое лицо в сфере «распространения культурных ценностей».

Некоммерческие организации создаются для осуществления разнообразных целей деятельности (социально-культурной, управленческой, религиозной, политической и др.). Главное, чтобы основной целью деятельности у некоммерческой организации не выступало извлечение прибыли. Заметим, что некоммерческим организациям разрешено осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям. При этом некоммерческие организации, уставом которых предусмотрено осуществление приносящей доход деятельности, за исключением казенного и частного учреждений, должны иметь достаточное для осуществления указанной деятельности имущество рыночной стоимостью не менее минимального размера уставного капитала, предусмотренного для обществ с ограниченной ответственностью (п. 5 ст. 50 ГК РФ). В настоящее время

минимальный размер уставного капитала обществ с ограниченной ответственностью составляет 10 тыс. руб.

Некоммерческие организации, которые могут быть созданы в сфере культуры, разнообразны (п. 3 ст. 50 ГК РФ): потребительские кооперативы, общественные организации, ассоциации (союзы), общины коренных и малочисленных народов России, фонды, учреждения, автономные некоммерческие организации, публично-правовые компании. Перечисленные виды организаций могут в зависимости от предусмотренной законом и уставом правоспособности быть учреждены в сфере осуществления и охраны интересов финно-угорских народов.

Добавим, что в настоящее время не все из указанных организационно-правовых форм используются финно-угорскими народами для осуществления перечисленных видов деятельности. Наиболее распространенными организационно-правовыми формами некоммерческих организаций финно-угорских народов выступают общественные организации, ассоциации (союзы), автономные учреждения, некоммерческие партнерства и автономные некоммерческие организации, фонды.

По данным Министерства юстиции Российской Федерации, финно-угорские некоммерческие организации России представлены разнообразными организационно-правовыми формами. В настоящее время в министерстве зарегистрированы: 1 межрегиональная общественная организация, 33 региональные общественные организации, 12 местных общественных организаций, 6 общественных движений, 4 органа общественной самодеятельности; 1 общественное учреждение; 1 орган территориального общественного самоуправления, 1 общественно-государственное общественное объединение, 3 союза (ассоциации) общественных объединений, 58 общин коренных народов; 6 некоммерческих фондов, 3 некоммерческих партнерства, 2 автономные некоммерческие организации⁵.

Одной из популярных форм некоммерческих организаций финно-угорских народов стала культурно-национальная автономия. Она является видом общественной организации. Этнические общности, компактно проживающие вне своих национально-государственных образований или не имеющие своей государственности, имеют право на культурно-национальную автономию. Она означает право этнических

общностей на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания на основании волеизъявления населения или по инициативе отдельных граждан национальных культурных центров, национальных обществ и землячеств.

Финно-угорские народы активно используют эту форму защиты прав и интересов своей культурно-национальной самобытности. Национально-культурная автономия имеет право получать поддержку со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, необходимую для сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов; обращаться в органы законодательной (представительной) и исполнительной власти, органы местного самоуправления, представляя свои национально-культурные интересы; создавать средства массовой информации в порядке, установленном законодательством России, получать и распространять информацию на национальном (родном) языке; сохранять и обогащать историческое и культурное наследие, иметь свободный доступ к национальным культурным ценностям; следовать национальным традициям и обычаям, возрождать и развивать художественные народные промыслы и ремесла; создавать частные образовательные организации и научные организации, учреждения культуры и обеспечивать их функционирование в соответствии с законодательством России.

Национально-культурная автономия может быть местной, региональной, федеральной. В настоящее время в России зарегистрировано 8 региональных и 35 местных национально-культурных автономий финно-угорских народов: Тверская региональная общественная организация национально-культурная автономия тверских карел, Региональная общественная организация «Национально-культурная автономия марийцев Удмуртской Республики», Общественная организация «Петербургская национально-культурная автономия финнов "Инкери"», Общественная организация «Местная национально-культурная эрзянская автономия "Эрзя"» г. Красноярск и др.

Таким образом, перечисленные правомочия национально-культурной автономии в сфере осуществления малыми народами прав по сохранению национальной самобытности, развитию национального (родного) языка и национальной культуры позволяют сделать вывод о том, что национально-культурная автономия — одна из наиболее перспективных форм некоммерческих организаций (общественных организаций) финно-угорских народов. Представленные статистические данные некоммерческих организаций финно-угорских народов свидетельствуют об интересе народов финно-угорского мира к сотрудничеству в области защиты прав и законных интересов малых народов, возрождению языка и культуры, национальной самобытности. На федеральном уровне этому движению уделяется значительное внимание. Вместе с тем до настоящего времени законодательство о культуре сохраняет противоречивость и несовершенство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации года культуры» от 22 апреля 2013 г. № 375. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/17944> (дата обращения: 12.01.2015).

² См.: Resolution 1171 (1998). Endangered Uralic minority cultures. URL: http://www.suri.ee/doc/reso_1171.html (дата обращения: 12.01.2015).

³ Там же.

⁴ См.: Карасев А.С. Проблемы и перспективы развития туризма в финно-угорских регионах России. URL: <http://www.science-education.ru/118-c13838> (дата обращения: 18.01.2015).

⁵ См.: Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: http://minjust.ru/ru/siteguide/for_public_organizations (дата обращения: 14.01.2015).

Поступила 23.03.2015.

I. A. Emelkina. Legal Aspects of the Finno-Ugric Peoples Social Movement in the Form of Non-Profit Organizations

The paper analyzes the current legal regulation of the social movement of the Finno-Ugric peoples in the form of non-profit organizations. The author considers the types of legal forms of legal entities that can be established as non-profit organizations of Finno-Ugric peoples. The paper provides examples of collision in the current Russian legislation and proposes ways to overcome them.

The paper formulates a number of conclusions about the legal status of the Finno-Ugric peoples and the peculiarities of their participation in the

social ethnic movement. It is noted that the Russian legislation does not consider the peoples and nationalities independent subjects of legal relations. In this regard, the Finno-Ugric peoples as an ethnic category do not have separate legal personality, for it is individuals, legal entities, and public and legal bodies that are endowed with legal personality. It is stressed that the peoples of Russia are granted the fundamental right to participate in civil society through specially established non-profit organizations. It should be recognized that the Finno-Ugric peoples actively use this opportunity to exercise their right to cultural identity and to protect it. It can be stated that to wide extent there exists a social movement of the Finno-Ugric peoples the composition of which is not confined to the peoples of Russia, but it is also widespread abroad (in Finland, Hungary, Estonia, etc.).

The purpose of this research paper is to analyze legal regulation of legal forms of non-profit organizations through which the Finno-Ugric peoples act in Russia's civil society.

Н. Г. МЕРКУЛОВА **МЕНТАЛИТЕТ — КУЛЬТУРНЫЙ КОД — ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ: К ВОПРОСУ О КОРРЕЛЯЦИИ ПОНЯТИЙ**

Ключевые слова: код, культурный код, менталитет, язык культуры, знак, символ, значение, смысл

Key words: code, cultural code, mentality, language of culture, sign, symbol, meaning, sense

Статья посвящена проблеме соотношения понятий «культурный код», «менталитет», «язык культуры» в современных гуманитарных исследованиях; сформулированы и обоснованы дефиниции данных категорий.

The paper is devoted to the correlation between the concepts of 'mentality', 'cultural code', and 'language of culture' in the modern research pertaining to the humanities. The author gives and substantiates the definitions of these categories.

Когда речь заходит об основании конкретной культурной системы, в научных и публицистических текстах все чаще звучит понятие «культурный код». Этот термин приобрел популярность в России после программной статьи В. В. Путина «Россия: национальный вопрос», где он говорил о едином культурном коде россиян¹. Несколькоими месяцами позже В. Р. Мединский отметил, что идеология «стоит на многих китах, главный из которых — культурный код» и «гуманитарный канон... закладывает обязательную систему ценностей, на которых... базируется культурный код»². С легкой руки политических лидеров термин «культурный код» с 2012 г. начинает активно использоваться в отечественных публицистических текстах³, однако в гуманитарных исследованиях он еще не получил однозначного толкования.

Понятие «код» было заимствовано гуманитарным знанием из научно-понятийного аппарата точных наук, где примером

МЕРКУЛОВА Наталья Геннадьевна, заведующая кафедрой культурологии Рязанского государственного университета, кандидат культурологии.

MERKULOVA Natalia Gennadievna, Candidate of Culturology, Head of the Department of Culturology, Ryazan State University (Ryazan, Russian Federation).

его становления как термина могут служить созданные для телеграфа код Морзе (1838) и код Бодо (1870). С начала 1950-х гг. понятие «код» стало широко применяться в генетике для обозначения носителя генетической информации живых организмов.

С. И. Ожегов трактует код как систему «условных обозначений, сигналов, передающих информацию»⁴. С. А. Кузнецов считает, что код — это «система условных обозначений или сигналов для передачи (по каналу связи), обработки и хранения различной информации»⁵.

В гуманитарном знании оформилось понятие «культурный код», которое выступило элементом семиотической концепции культуры. В рамках семиотической теории культура рассматривается как знаково-символическая система. Впервые о знаковом характере культуры заговорил Э. Кассирер. Его философия культуры определяет идеалистическое понимание человека как животного, создающего символы, а разнообразные сферы культуры (язык, миф, религию, искусство, науку) он называет символическими формами и рассматривает их как особые культурно-символические системы⁶.

Одним из основоположников семиотического подхода в отечественной науке стал Ю. М. Лотман. Он видел в культуре знаковую систему и определял ее как семиосферу, подчеркивая тем самым ее глобальный характер. Область культуры ученый называл областью символизма. Основную социальную роль культуры Ю. М. Лотман видел в том, что она является негенетической памятью коллектива, хранит и передает накопленный опыт⁷. Он отмечал, что всякий культурный текст может рассматриваться как некий единый текст с единым кодом и как совокупность текстов с определенной совокупностью кодов. При этом каждый тип культуры будет представлять собой чрезвычайно сложную иерархию кодов. Культурный текст на уровне речи — это соединение различных систем, а не воплощение какого-либо одного кода. Если в ходе культурных контактов соединяются две совместимые иерархии кодов, то в результате получается новый культурный тип. В том случае, если сталкиваются два несовместимых кода, происходит их взаимное разрушение: культура теряет свой язык⁸.

В отечественной науке постсоветского периода термин «культурный код» в словарях по культурологии дефи-

нируется П. С. Гуревичем (в 1996 г.) и Б. И. Кононенко (в 2003 г.) как «ключ к пониманию данного типа культуры (дописьменный, письменный, экранный периоды). Культурный код позволяет понять преобразование значения в смысл», а также «совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека»⁹. Иными словами, культурный код позволяет установить соответствие между номинацией (обозначаемым) и его значением — расшифровать глубинные смыслы культурных явлений и феноменов.

У современных исследователей можно констатировать устойчивый интерес к понятию «культурный код». Так, В. А. Маслова называет культурным кодом нации — язык¹⁰, Г. В. Зубко — исходную знаковую структуру, своего рода матрицу, содержащую как бы в еще не проявленном виде все компоненты культурной парадигмы народа и его поведения¹¹, Н. В. Букина — закодированную в определенной форме информацию, позволяющую идентифицировать культуру¹², а также «совокупность информационных маркеров, позволяющих человеку адекватно воспринимать и реагировать на происходящие в культуре пространственно-временные процессы... так как по своей сути каждый культурный код — элемент психики человека»¹³.

В. В. Митина считает, что код лежит в основе нематериальных проявлений культуры (менталитет, самосознание, самоидентификация)¹⁴, М. С. Ситова говорит о культурном коде как оптимальной форме хранения информации о знаках и символах¹⁵, Н. И. Степанова отмечает, что культурные коды могут пониматься как понятийная сетка, с помощью которой носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний мир¹⁶. Часто понятие «культурный код» используется авторами достаточно произвольно в значении некоего ментального образования¹⁷, а иногда и выступает синонимом менталитета (ментальности)¹⁸. Однако не следует отождествлять культурный код и менталитет.

Проблема изучения феномена *менталитета* стоит на стыке многих социально-гуманитарных наук. Так, социальный историк считает ментальностями обобщенный способ восприятия мира, манеру чувствовать и думать, характерную для людей определенной эпохи. Понятие «ментальность»

продуктивно используется для анализа архаических структур и давно ушедшего времени с характерными для него формами мировосприятия. Социолингвист понимает ментальность как семантическую матрицу, предопределяющую смысловые реакции культурных субъектов. С точки зрения лингвистики в изучении ментальностей важно подчеркивать роль языка, моделирующего сознание. Социальный психолог видит в ментальностях взаимосвязанные психологические реакции, представления и качества, особенности мышления, восприятия мира, присущие определенному этносу, классу или какой-либо другой социальной общности и несущие в себе остатки опыта предыдущих поколений как синтез сознания и коллективного бессознательного¹⁹.

В культурологии при интерпретации понятия «менталитет» не остается без внимания его психологическая составляющая, но чаще всего акцент делается на национально-исторических и культурных традициях людей определенной этнической общности. Как отмечает А. А. Оганов, «в рамках культурологической трактовки принято выделять исторические типы ментальностей (античный, средневековый, возрожденческий, классицистический, протестантский, мусульманский, буддийский...), этнонациональные (славянский, итальянский, скандинавский, английский, французский, немецкий, американский, японский, азиатский, латиноамериканский...)»²⁰.

На наш взгляд, «менталитет представляет собой интро-реальный фактор культуры, он во многом является той скрытой реальностью культуры, которая почти незаметна, но фактически реальна как причинность всего остального пространства фактов культуры. Менталитет предопределяет способы реагирования на определенные смысловые факторы окружающей реальности, он есть предрасположенность определенным образом мыслить, эмоционально воспринимать мир, совершать поступки»²¹. Это «совокупности стереотипов восприятия и оценки явлений действительности, систем ценностей, моделей поведения людей определенной социальной общности. Данный феномен характеризуется историко-культурной детерминацией; закреплением в психике человека на уровне сознательной и бессознательной сфер; способностью эволюционировать под влиянием исторических процессов, особенно политических преобразований и вооруженных столкновений»²². Культурный код, как правило, соотносится

информации с определенными знаками (символами), позволяющее понять преобразование значения в смысл, можно считать элементом ментальности конкретной человеческой общности. Это подтверждает В. В. Козловский. Для него менталитет — это «1) система значений — актуальные для данного типа мышления идеи; 2) ценности — принципы личного и группового восприятия в социальных ситуациях; 3) типичные интеллектуальные и аффективные реакции — способы рационального и эмоционального освоения мира; 4) коды культуры; 5) формы принятого и отвергаемого поведения — поведенческие установки, стереотипы, ожидания; 6) социальные представления — мир мнений социальных групп; 7) габитус — система предрасположенностей к усвоению определенной культуры»²³.

Таким образом, в основе дефиниции культурного кода данной категории лежит представление о наборе правил, способных послужить предпосылкой к появлению феноменов культуры. Несмотря на различные акценты в толковании онтологического статуса и функционирования культурного кода, ученые, в сущности, говорят о том, что культурный код не описывает культурные явления, но является частью культурного процесса, его смысловой матрицей. Иными словами, культурный код — это правило соотношения информации с определенными знаками (символами), позволяющее понять преобразование значения в смысл, т. е. это, как отмечает О. А. Свирепо, некий набор основных понятий, ценностей и норм, установок, необходимый для прочтения текстов культуры²⁴. В этом ключе определяет культурный код и Ф. Н. Гукетлова, причисляя к нему стереотипы, эталоны и символы культуры²⁵.

С опорой на приведенные исследования представляется сущностной, раскрывающей природу феномена дефиниция культурного кода как набора основных понятий, установок, ценностей и норм, содержащих информацию о знаках и символах культуры и необходимых для прочтения ее текстов.

Понятие «культурный код» тесно связано с представлением о *языке культуры*. Термином «культурный код» вместо термина «язык культуры» предпочитает пользоваться известный семиотик и писатель У. Эко. Понятие «код» предполагает идею определенной упорядоченности и артикуляции. В связи с этим репрезентанты, считает У. Эко, не являются

зеркальными отражениями реальных объектов (референтов), а выступают определенными способами их кодировки. Например, кинообразы — это не слепки внефильмической реальности, а реальность, уже концептуально отфильтрованная, в той или иной степени интерпретированная. Точно так же то, что принято называть историческими фактами или документами, является не слепками или оттисками реальности, а ее репрезентантами, требующими декодирования, т. е. раскрытия смысла путем интерпретации. Иначе говоря, понятие «код» «означает переход от мира сигнала к миру смысла»²⁶.

Однако, на наш взгляд, не следует отождествлять понятия «культурный код» и «язык культуры». Так, И. Т. Пархоменко и А. А. Радугин отмечают, что «языком культуры в широком смысле этого понятия называются те средства, знаки, символы, тексты, которые позволяют людям вступать в коммуникативные связи друг с другом, ориентироваться в пространстве культуры. Язык культуры — это универсальная форма осмысления реальности, в которую организуются все вновь возникающие или уже существующие представления, восприятия, понятия, образы и другие подобного рода смысловые конструкции (носители смысла)»²⁷. Е. Б. Зыкина говорит о языке культуры (особом способе восприятия мира) как о результате действия культурного кода. «Наиболее выразительные элементы... языка, отражающие важнейшие установки и представления той или иной культуры, называются ее символами. Христианский крест, Будда в позе медитации, зеленое знамя ислама и т. п. символика — не только отличительные знаки, но и концентрированное отражение основных идей и целей... культур»²⁸.

Таким образом, язык культуры можно определять как совокупность носителей смыслов конкретной культуры — знаков, символов, текстов. Также следует подчеркнуть, что смысл текста культуры гораздо глубже, нежели лежащее на поверхности его значение. Г. Фреге еще в XIX в. указывал на необходимость различения понятий «значение» и «смысл». «Значение» слова отражает общепризнанное обозначение какого-либо предмета или явления, а «смысл» передает информацию, сведения о нем, его «понимание» в конкретной культурной системе²⁹. И. М. Кобозева отмечает, что «значение» — это «закрепленное за данной единицей

языка относительно стабильное во времени инвариантное содержание», а «смысл» — «связанная со словом информация, изменчивая во времени, варьирующая в зависимости от свойств коммуникантов, знание которой не обязательно для знания языка»³⁰. Р. И. Павиленис говорит, что предметным значением (объемом, денотатом, экстенционалом) некоторого выражения называют тот предмет или класс предметов, который обозначается данным выражением. Вместе с тем каждое выражение несет в себе мысленное содержание, которое и называют смыслом³¹.

Таким образом, можно сказать, что культурный код как набор основных понятий, установок, ценностей и норм (элемент психики человека) входит в структуру ментальности конкретной человеческой общности, позволяет перейти от значения (общепризнанного обозначения какого-либо предмета или явления) к смыслу (элементу языка конкретной культуры).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 11.11.2014).

² Владимир Мединский. Единый подход к истории задается либо государством, либо кем ни попадя. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/vladimir-medinskiy-ediniy-podhod-k-istorii-zadaetsya-libo-gosudarstvom-libo-kem-ni-popadya> (дата обращения: 13.11.2014).

³ См.: Вызовы современности и русский культурный код. URL: <http://voprosik.net/vyzovu-sovremennosti-i-russkij-kulturnyj-kod> (дата обращения: 13.11.2014); Мараховский В. Русский культурный код как он есть. К проекту школьного «Списка 100 фильмов» Министерства культуры. URL: <http://www.odnako.org/blogs/russkiy-kulturniy-kod-kak-on-est-k-proektu-shkolnogo-spiska-100-filmov-ministerstva-kulturi> (дата обращения: 13.11.2014); Модернизация России мешает ее культурный код. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/3033422> (дата обращения: 13.11.2014).

⁴ Ожегов С.И. Код // С.И. Ожегов. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989. С. 228.

⁵ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 436.

⁶ См.: Кассирер Эрнст. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кассирер,_Эрнст (дата обращения: 13.11.2014).

⁷ См.: Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

⁸ Его же. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 464 с.

⁹ Культурный код. URL: <http://terme.ru/dictionary/1170/word/kulturniy-kod> (дата обращения: 11.09.2014).

¹⁰ См.: Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.

¹¹ См.: Зубко Г.В. Проблемы реконструкции культурного кода фульбе: Западная Африка: дис. ... д-ра культурологии. М., 2004. 412 с.

¹² См.: Букина Н.В. Культурные коды как элемент пространства культуры // Вестн. Чит. гос. ун-та. 2008. № 14. С. 69—73.

¹³ См.: Ее же. К вопросу методологии исследования культурных кодов // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2010. № 2. С. 236.

¹⁴ См.: Митина В.В. Структура культурного кода женского традиционного костюма мордвы // Регионология. 2010. № 3. С. 290.

¹⁵ См.: Ситова М.С. Комическое как код культуры (на материале мультикультурного общества современной Германии): автореф. дис. ... канд. культурологии. Ярославль, 2013. 22 с.

¹⁶ См.: Степанова Н.И. Интертекстуальная природа визуального текста рекламы: дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2013. 171 с.

¹⁷ См.: Михайлин В.Ю. Мужские пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции: автореферат дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2006. 30 с.; Картавцев В.В. Философема как элемент культурного кода // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философ. науки. 2011. № 3. С. 81—86; Мельникова Л.А. Татуировка как форма репрезентации социокультурных кодов визуальности (на материалах исследования молодежных субкультур города Владивостока): автореф. дис. ... канд. культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2013. 20 с.

¹⁸ См.: Кафанова О.В. Национально-культурные коды: дефиниции и границы // Филологическое образование: современные стратегии и практики: сб. науч.-метод. ст. Вып. 1. СПб., 2011. С. 284—293; Худoley Н.В. Художественный текст как транслятор культурного кода нации. URL: <http://www.kgau.ru/new/all/konferenc/konferenc/2013/g25.pdf> (дата обращения: 19.01.2015).

¹⁹ См.: Ментальности (менталитет). URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/MENTALNOSTI_MENTALITET.html (дата обращения: 25.02.2015).

²⁰ Оганов А.А., Хангельдиева И. Г. Теория культуры: учеб. пособие для вузов. М.: Гранд: Фаир-Пресс, 2001. С. 30.

²¹ См.: Меркулова Н.Г. Живопись России XVIII—XIX веков как источник исследования ментальных структур: дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2008. С. 46.

²² Там же. С. 54.

²³ Козловский В.В. Понятие ментальности в социологической перспективе // Социология и социальная антропология: межвуз. сб. тр. к 60-летию со дня рождения проф. А.О. Бороноева. СПб.: Изд-во «АЛТЕЙЯ», 1997. С. 37.

²⁴ См.: Свирепю О.А. Метафора как код культуры: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2002. 162 с.

²⁵ См.: Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 47 с.

²⁶ См.: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. С. 47.

²⁷ Пархоменко И.Т., Радугин А.А. Языки и символы культуры. URL: <http://www.countries.ru/library/theory/cultlang.htm> (дата обращения: 02.02.2015).

²⁸ Зыкина Е.В. Языки культуры. URL: <http://www.kultu-rollog.ru/library/culturology/e-b-zyikina-osnovyi-kulturologii/4/3> (дата обращения: 02.02.2015).

²⁹ См.: Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.

³⁰ См.: Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 12.

³¹ См.: Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-фило-софский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.

Поступила 30.03.2015.

**N. G. Merkulova. Mentality — Cultural Code —
Language of Culture: on Correlation of the Concepts**

When it comes to the base, to a certain core of a specific cultural system, the concept of cultural code is mentioned more and more often in the modern scientific and journalistic texts. The concept of the code was borrowed by the humanitarian knowledge from the scientific and conceptual definitions of the exact sciences; the category of cultural code became part of the semiotic conception of culture. The definition of cultural code as a set of basic concepts, attitudes, values, and norms that contain information about the signs and symbols of a certain culture necessary to read its texts seems essential and revealing the nature of the phenomenon.

Quite often, the concept of cultural code is used rather arbitrarily in the meaning of a certain mental entity; however, cultural code and mentality should not be considered equal. Mentality is an 'intro-real' cultural factor, it determines the ways of responding to certain semantic factors of the surrounding reality; it is predisposition to think in a certain way, to perceive the world emotionally, to act.

The concept of cultural code is closely linked to the idea of the language of culture; however, it is important to differentiate these categories. The language of culture can be defined as a set of carriers of meanings of a particular culture: signs, symbols, and texts.

Thus, the cultural code as a set of basic concepts, attitudes, values, and norms (element of the human psyche) is part of the mentality of a particular human community; it allows to move from the meaning (generally accepted designation of any object or phenomenon) to the sense (element of the language of a particular culture).

С. А. ИСАЕВА

**ФИННО-УГОРСКАЯ
МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОРДОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Ключевые слова: национальный идентитет, этнокультурное многообразие, финно-угорская музыкальная культура, национальный исследовательский университет, подготовка кадров народно-певческого профиля

Key words: national identity, ethnic and cultural diversity, Finno-Ugric music culture, national research university, training folk singers

В статье освещаются проблемы изучения, возрождения, сохранения и трансляции в современную научную и музыкально-образовательную среду национально-культурных традиций народов финно-угорского мира; вопросы практического освоения традиционной культуры и ее органичного воплощения в формах современного художественного творчества. Специфика внедрения результатов фундаментальных и прикладных исследований в области финно-угроведения рассматривается на примере научно-образовательной и художественно-творческой деятельности кафедры народной музыки Мордовского государственного университета.

The paper highlights the issues of studying, revival, preservation, and translation into modern scientific, music, and educational environment of ethno-cultural traditions of the Finno-Ugric peoples as well as the issues of practical mastering of traditional culture and its organic embodiment in the form of contemporary artistic creation. Specificity of implementation of the results of fundamental and applied research in the field of Finno-Ugric studies is considered through the case study of scientific, educational, artistic, and creative activities of the Department of folk music at the National Research Mordovia State University.

В обществе достигнуто понимание того, что возрождение народов невозможно без сохранения и творческого освоения

ИСАЕВА Светлана Александровна, заведующая кафедрой народной музыки Мордовского государственного университета, кандидат культурологии, доцент.

ISAEVA Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Culturology, Docent, Head of the Department of Folk Music, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Исаева С. А., 2015

национальных духовных ценностей. В последние годы особо активизировалось взаимодействие финно-угорских народов, обладающих при их генетическом единстве и языковом родстве своеобразным видением мира, самобытной культурой. «В культурной ситуации современных финно-угорских народов проблемы национального идентитета и сохранения нации, а также проблемы развития культуры неотделимы друг от друга. В широком контексте сохранение и развитие финно-угорских культур связывается с более общей идеей национального и культурного плюрализма как источника богатства и разнообразия всей мировой культуры»¹.

В контексте Послания Президента Российской Федерации от 22 декабря 2011 г., а также его Указа «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. особое внимание в ближайшие годы будет уделяться сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов России, совершенствованию системы подготовки национальных кадров в сфере культуры. В связи с этим актуально исследование процессов современного бытования и развития народной музыкальной культуры, методов ее сохранения и претворения в современной композиторской, исполнительской и образовательной практике. При этом финно-угорская музыкальная культура выступает интегративным феноменом, аккумулирующим в себе научный, образовательный и творческий потенциал².

Решение обозначенного круга вопросов ведется в рамках приоритетного направления развития Национального исследовательского Мордовского государственного университета «Фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения» (ПНР-2). Определенный вклад в реализацию последнего вносит кафедра народной музыки, созданная в 1991 г. для решения задач развития культуры и образования, связанных с проблемами национального возрождения, сохранения и развития финно-угорских (мордовских) музыкальных традиций. Сегодня это структурное подразделение Института национальной культуры университета является одним из главных научных и методических центров Поволжья по исследованию мордовской музыки, ее взаимосвязей с духовной культурой финно-угорских, славянских и тюркских народов.

С 2010 г. кафедра ведет научную работу по направлению «Традиционная мордовская народная инструментальная музыка: органология, стилистика, межэтнические контексты». Достижения в области полевой экспедиционной работы, фундаментальных и прикладных исследований, учебно-методических и творческих разработок активно используются в современной российской и зарубежной этномузыкологии, музыкально-творческой деятельности композиторов и исполнителей, учебной и творческой практике вузов России, Венгрии, Финляндии, Эстонии.

Среди научных результатов в 2010—2015 гг. можно выделить проведение фронтального полевого обследования традиционного музыкального быта мордвы Пензенской области; создание аналитических транскрипций народного многоголосия различных стиливых видов мордовской вокальной и инструментальной музыки; выявление основных форм взаимосвязей мордовской музыки с музыкальной культурой финно-угорских и славянских народов; исследование морфологических и органофонических свойств традиционного мордовского музыкального инструментария; выявление ареалов распространения инструментов на территории Мордовии и проведение их картографирования; анализ исторических этапов развития мордовской музыкальной фольклористики, ее связей с отечественной этнологией и западноевропейским сравнительным музыкознанием; определение научной периодизации истории мордовской профессиональной музыкальной культуры, ее стадийно-стилевая стратификация.

Результаты этих исследований изложены более чем в 150 научно-исследовательских работах. Среди них особо следует выделить труд Л. Б. Бояркиной «Мордовская музыкальная энциклопедия»³. Это первая в России национально-региональная музыкальная энциклопедия, где дано систематизированное представление о разных областях и направлениях мордовской музыкальной культуры, рассматриваемой в контексте межэтнических взаимосвязей с музыкой народов России и родственных финно-угорских народов зарубежья. Издание обобщает основные достижения современного мордовского этномузыкознания и является фактологической базой для дальнейших сравнительных исследований. Кроме важных научных, учебных и просветительских задач, у «Мордовской музыкальной энциклопедии»

есть задача укрепления межнациональных отношений в Мордовии и России.

Результаты прикладных исследований по изучению традиционной мордовской народной музыки представлены в научно-методическом издании Н. И. Бояркина «Моронь пусмо: Пенза ёнксонь мокшэрзянь раскенъ морот. Песенный веннок. Народные песни мордвы Пензенского края», которое является первой публикацией песен мордвы, записанных в ходе музыкально-этнографических экспедиций, проходивших в Пензенской области. В него включены произведения всех основных жанров и видов мордовского и русского песенного фольклора «от древнейших песен, характеризующих ранние периоды истории культуры народа, до поздних песен, в которых отчетливо прослеживаются различные формы мордовско-русских взаимосвязей»⁴. Главные задачи этого издания — поддержание интереса многочисленных любителей и профессиональных исполнителей к самобытному певческому искусству, расширение репертуара музыкальных коллективов, знакомство с многообразием песен, их исполнительскими, жанровыми и стилевыми видами.

Плодотворной работе кафедры в рамках ПНР-2 способствует ее сотрудничество с профильными российскими и зарубежными научными центрами, учебными заведениями и творческими организациями. Для интеграции в мировое научно-образовательное пространство кафедра поддерживает связи с Московской, Казанской, Нижегородской, Петрозаводской государственными консерваториями; Российской академией музыки им. Гнесиных; Российским институтом истории искусств РАН и Санкт-Петербургским государственным университетом культуры и искусств; Академией Рунопения Фонда «Юминкеко» (г. Кухмо), Центром мировой музыки, Музыкальной академией им. Сибелиуса, университетами г. Хельсинки, Тампере, Ювяскюля (Финляндия); Институтом музыкознания АН Венгрии; музыкальными академиями Эстонии и Литвы. Основные формы сотрудничества — проведение научных конференций, семинаров, круглых столов, полевые экспедиции по исследованию аутентичных форм традиционной музыкальной культуры, обмен творческими проектами.

Одним из важнейших событий финно-угорского мира, свидетельствующих о значимости традиционного музыкального

искусства на современном этапе, стала Международная научная конференция «Финно-угорская музыкальная культура и современный мир», проходившая 7—9 ноября 2012 г. в г. Казани. На этой конференции встретились представители разных народов финно-угорской группы, носители разных традиций, соприкоснулись различные научные школы. Целями конференции были обсуждение теоретических и практических проблем, связанных с бытованием музыкального фольклора в условиях полиэтничного культурного пространства, современным фольклорным движением, национальным музыкальным образованием и воспитанием в финно-угорском мире, а также обмен позитивным опытом по сохранению и изучению культурного наследия финно-угров. Вместе с венгерскими, финскими, эстонскими, марийскими, татарскими, удмуртскими коллегами мы искали ответы на вопросы, как в культурном контексте современного общества удерживать и развивать аутентичные и вторичные традиции, как сохранять их локальное своеобразие, как реализовать достижения финно-угорской культуры в образовательной и творческой практике.

С целью продолжения традиции широкого обсуждения проблем финно-угорской музыкальной культуры кафедра народной музыки инициировала и провела: семинар с международным участием «Народная музыка на современной концертной эстраде и в образовании» (28 ноября 2012 г.); круглый стол с международным участием «Традиционная культура в зеркале восприятий: наука, образование, практика» (3 июля 2013 г.); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Музыкальная культура финно-угорских народов: проблемы изучения, сохранения и преемственности» (21 ноября 2013 г.); семинар с международным участием «Финно-угорская музыкальная культура в образовательной, научной и творческой деятельности» (28 апреля 2014 г.). Основными целями и задачами этих мероприятий были изучение, возрождение, сохранение и трансляция в современную музыкально-образовательную среду национально-культурных традиций народов финно-угорского мира; обсуждение актуальных проблем музыкальной финно-угристики; практическое освоение традиционной культуры и ее органичное воплощение в формах современного художественного творчества; расширение круга потенциальных партнеров для проведения совместных исследований.

Исследователи из Западно-Венгерского университета (г. Сомбатхей), Эстонской академии музыки и театра (г. Таллин), Российской академии музыки им. Гнесиных (г. Москва), Астраханской, Казанской, Петрозаводской государственных консерваторий, Санкт-Петербургского и Казанского государственных университетов культуры и искусств обсуждали актуальные вопросы возрождения, изучения, сохранения и популяризации музыкального наследия финно-угорских народов, его трансформации в профессиональном творчестве с учетом современных эстетических требований, актуализации музыкально-творческого потенциала студентов в процессе изучения культуры финно-угорских народов, специфики функционирования народно-песенных традиций, условий бытования фольклора в современном обществе. Участники семинара внесли вклад в расширение исследовательского поля финно-угорской музыкальной культуры, установление основных приоритетов национального музыкального образования и воспитания в финно-угорском мире.

В процессе реализации мероприятий Программы развития Мордовского государственного университета по ПНР-2 актуально исследование традиционной песенной и инструментальной культуры финно-угорских (мордовских) народов, ее современного бытования, а также методов сохранения и трансляции в социокультурное пространство. Для полевого исследования традиционного музыкального быта мордвы, выявления основных форм взаимосвязей мордовской музыки с музыкальной культурой финно-угорских народов кафедрой были организованы и проведены Международная научная экспедиция «Песенные традиции финно-угорских народов» (2—6 октября 2014 г.); Международная научная экспедиция «Музыкальный фольклор финно-угорских народов: традиции и современность» (5—8 ноября 2014 г.); музыкально-этнографическая экспедиция «Музыкальный эпос мордвы» (20—30 апреля 2015 г.). По итогам работы экспедиций были выработаны предложения по разработке современных методик фиксации и расшифровки записей народной музыки, практическому внедрению результатов экспедиционной деятельности в учебный процесс, их творческому использованию в профессиональном композиторском и исполнительском искусстве.

Поддерживая и развивая идею совершенствования системы подготовки национальных кадров в сфере культуры,

а также внедряя результаты фундаментальных и прикладных исследований в области финно-угорской музыкальной культуры в образовательную практику, кафедра народной музыки осуществляет обучение бакалавров народно-певческого профиля по направлению подготовки 53.03.04 «Искусство народного пения» (профили «Хоровое народное пение», «Сольное народное пение»). В соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом и задачами современного развития музыкального искусства разработаны концептуальные основы образовательной программы применительно к полиэтнической музыкальной культуре Мордовии и мордовской диаспоры в России. Бакалавры изучают традиционное и профессиональное музыкальное искусство мордовского народа, анализируют закономерности и исполнительскую стилистику народно-песенного и композиторского творчества, знакомятся с музыкальной культурой родственных финно-угорских и славянских народов. Подготовка кадров по указанным направлениям «предполагает решение комплекса сложных взаимосвязанных вопросов, без основательного изучения которых не может быть научно организованной образовательной системы»⁵.

Важные аспекты совершенствования подготовки руководителей народно-певческих коллективов заключаются в обновлении содержания и методики преподавания учебных дисциплин, введении в программы национально-регионального компонента. Новые требования к учебно-воспитательному процессу предполагают ориентацию его руководителя на практическую творческую деятельность в современных условиях, преодоление европоцентристских подходов в изучении народной музыкальной культуры, использование богатого этнопедагогического опыта, опору на межпредметные взаимосвязи общегуманитарных, общепрофессиональных и профильных дисциплин.

Следуя этим принципам, в настоящее время образовательная программа обучения бакалавров народно-певческого профиля содержит объемный блок гуманитарных и общепрофессиональных музыкальных дисциплин, а также включает специальную музыкально-этнографическую подготовку.

Программа предполагает изучение в полном объеме теории музыки (гармонии, полифонии, анализа музыкальных произведений) и истории музыки (западноевропейской,

отечественной, музыки XX в., финно-угорской). Большое внимание уделяется владению классическим музыкальным инструментом — фортепиано, а также основам игры на одном из народных инструментов наиболее характерного типа (шавома, пайгонят, нюди, вешкема и др.), которые даются студенту в рамках курса «Народный инструментальный ансамбль».

Программа подготовки по музыкальной этнографии охватывает теорию и методологию изучения традиционного творчества этноса в его взаимосвязях с другими культурами, практику полевой фольклорно-экспедиционной работы и нотаций произведений народной музыки. Как необходимый системный компонент в музыкальную этнографию входит программа по практическому освоению живой импровизационной природы музыкальной традиции этноса в формах вторичного фольклорного ансамбля. Через комплексное теоретическое и практическое постижение аутентичной музыки будущий руководитель народно-певческого коллектива выходит на постижение ее глубинных, типологических основ, освоение методики работы с народной песней и вторичным фольклорным ансамблем. В связи с этим в учебный план введены национально-региональные курсы «История народно-певческого исполнительства», «Народное музыкальное творчество», «Народные певческие стили», «Народные инструменты фольклорной традиции», «Освоение народно-песенных и авторских партитур», «Расшифровка записей народных песен» и др.

Творческая работа бакалавров в рамках курса «Хоровая аранжировка» охватывает многообразные формы обработки произведений народной музыки в пределах создания одночастных и многочастных композиций (народные сцены, вокально-танцевальные сюиты и т. д.). Эти работы, а также собственные обработки образцов традиционной песенной культуры финно-угорских (в том числе мордовского) народов студенты ежегодно представляют в рамках итоговой государственной аттестации на защите выпускных квалификационных работ (исполнение хоровой и сольной концертных программ).

Таким образом, профессиональные требования, предъявляемые к современному руководителю народного хора в условиях полиэтнической культуры, могут быть реализованы

при условии разработки и внедрения в образовательную практику новых, нестандартных подходов к решению вопросов в области научной, музыкально-творческой, художественно-общественной деятельности. Важнейшим аспектом также является усиление демократических основ изучения культуры за счет более полного творческого освоения художественного наследия народов, населяющих Россию. В научно-методическом осмыслении этих вопросов кафедра народной музыки видит свою первоочередную задачу. На этом строится практическое решение проблемы подготовки руководителей народных хоров и фольклорных ансамблей для образовательных учреждений и учреждений культуры различного типа Республики Мордовия и регионов России с компактным проживанием мордовского народа.

Результаты научной деятельности кафедры нашли широкое применение в современном композиторском и исполнительском творчестве Мордовии: в методике художественных обработок произведений народной музыки, в музыкальных сочинениях с применением выразительных средств мордовского народного мелоса.

Опубликованные творческие работы членов кафедры используются в современной концертно-исполнительской практике. Сегодня они входят в репертуар коллективов Мордовской государственной филармонии, Государственного камерного хора Республики Мордовия, Государственного ансамбля песни и танца Республики Мордовия «Умарина», учебно-творческих коллективов Саранского музыкального училища им. Л. П. Кирюкова, детских музыкальных и общеобразовательных школ республики и областей России. Основную научно-экспериментальную базу по созданию исполнительских версий произведений финно-угорской музыки, а также музыки народов Мордовии составляют учебно-творческие коллективы кафедры: Народно-хоровая капелла, фольклорный ансамбль «Гайги моро», ансамбль народной песни «Сюлгамо», оркестр народных инструментов.

Исполнительская деятельность учебно-творческих коллективов, реализуемая в форме публичных концертов, концертов-лекций, аудио- и видеозаписей, получила широкое общественное признание. В 2010—2015 гг. коллективы выезжали с концертами и участвовали в фестивалях и конкурсах международного, всероссийского, межрегионального

уровня в Болгарии, Венгрии, Греции, Финляндии, Швеции, а также в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Йошкар-Оле, Нальчике, Петрозаводске, Рязани, Ульяновске, Уфе. Студенты-солисты и участники фольклорного ансамбля «Гайги моро», ансамбля народной песни «Сюлгамо», пропагандируя финно-угорскую (мордовскую) песенную и инструментальную культуру и публично представляя аутентичные песенные образцы и авторские обработки мордовских народных песен, записанные в ходе фольклорно-этнографических экспедиций в селах Мордовии, неоднократно становились лауреатами и дипломантами международных, всероссийских, межрегиональных, республиканских и городских фестивалей и конкурсов.

Таким образом, многообразная научная, учебная, творческая деятельность кафедры народной музыки направлена на выполнение главных задач — расширение фундаментальных и прикладных исследований в области финно-угорской музыкальной культуры, подготовку высококвалифицированных кадров для сферы культуры и образования Республики Мордовия и мордовских диаспор России. Научные поиски кафедры, сконцентрированные на проблемах изучения, сохранения и трансляции в современное научное, образовательное и социокультурное пространство традиционных форм музыкального фольклора, нацелены на формирование престижа финно-угорской культуры, рост национального самосознания финно-угров. Здесь тесное сотрудничество между исследователями и носителями традиции будет выступать предпосылкой того, чтобы в глобализирующемся мире сохранялись и развивались свойственные каждому народу культурные традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рюител И. Изучение финно-угорской народной музыки в Эстонии // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. С. 280.

² См.: Исаева С.А. Функционирование финно-угорской музыкальной культуры в современном социокультурном пространстве // Регионология. 2013. № 4. С. 310.

³ См.: Бояркина Л.Б. Мордовская музыкальная энциклопедия. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. 432 с.

⁴ Бояркин Н.И. Моронь пусмо: Пенза ёнксонь мокшэрзянь раськень морот. Песенный венок: народные песни мордвы Пензенского края. Пенза, 2012. С. 6.

⁵ Его же. О концептуальных принципах подготовки руководителей народно-певческих коллективов (проблемы и задачи) // Учеб.-метод. материалы по специальности «Дирижирование народным хором». Саранск, 1999. С. 9.

Поступила 16.03.2015.

S. A. Isaeva. Finno-Ugric Music Culture in the Scientific, Educational, Artistic and Creative Activities of the Mordovia State University

The paper is devoted to issues relevant to research in the humanities: those of studying, revival, preservation, and translation of ethnic and cultural traditions of the Finno-Ugric peoples into modern scientific, music, and educational environment.

The author reveals issues of studying historical stages of development of the Mordvin folk music studies, its linkages with the Russian ethnology and the West European comparative musicology.

The author considers scientific periodization of the history of the Mordvin professional music culture and its phase and stylistic stratification.

The paper deals with the field studies of traditional music life of the Mordvins; it identifies the basic forms of relationship of the Mordvin music with the music culture of the Finno-Ugric peoples; it discusses introduction of the results of the expedition activities into the process of educating bachelors specializing in the art of folk singing.

The paper also considers practical learning of the traditional culture and its embodiment in the forms of modern artistic creativity in the professional composer and performing arts.

Specificity of implementation of the results of fundamental and applied research in the field of Finno-Ugric studies, their integration into the global scientific and educational space is considered through the case study of scientific, educational, artistic, and creative activities of the Department of folk music at the National Research Mordovia State University.

It is emphasized that close cooperation between researchers and the traditions bearers will be a prerequisite for each people's peculiar cultural traditions to be preserved and developed in the globalizing world.